

Славянская идея:

история и
современность

Москва 1998

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения

Славянская идея:

история и современность

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В.А. Дьяков

Москва 1998

Сборник подготовлен на материалах одноименной конференции, состоявшейся в рамках Дней славянской письменности и культуры (июнь 1994 г.). В сборнике во многом впервые и на новых архивных документах рассматриваются различные интерпретации славянской идеи в России и зарубежных славянских странах с конца XVIII в. до наших дней, получившие особую актуальность в последнее время. Сборник рассчитан как на профессионалов, так и на более широкие группы читателей.

Редколлегия:

В.А.Дьяков(отв. редактор), М.Ю.Досталь, А.Н.Горяинов

Рецензенты:

доктор исторических наук В.И.Косик
кандидат исторических наук С.А.Романенко

ISBN 5-7576-0047-0

Институт славяноведения и
балканистики РАН, 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея славянской взаимности привлекала внимание многих поколений ученых и общественных деятелей как в славянских странах, так и за их пределами. Общественный интерес к славянофильству, панславизму, австрославизму и другим трансформациям славянской идеи особенно возрастал в периоды коренных преобразований в социально-политической и духовной жизни славянских народов и тех стран, которые с ними соседствуют. Соответствующая проблематика и привлекает определенное внимание не только профессионалов, но и так называемого широкого читателя.

7 июня 1994 г. в рамках очередных "Дней славянской письменности" Институт славяноведения и балканстики РАН организовал научную конференцию на тему "Славянская идея в общественной мысли славянских народов. История и современность". Ниже публикуются доработанные авторами тексты докладов, прочитанных на этой конференции, которые хронологически охватывают период от XVIII в. до кануна второй мировой войны, а по своей тематике касаются ряда важных славяноведческих проблем, преимущественно исторического диапазона. Подавляющее большинство исследований посвящено отечественной общественной мысли XIX в.; проблематика XVIII в. затрагивается в статьях И.И. Лещиловской и И.В. Чуркиной, XX в. – в работах А.Н. Горяинова и Е.П. Аксеновой. Что же касается тематики, то она связана с историей зарубежной общественной мысли (у И.И.Лещиловской и В.П. Грачева – сербской, у З.С. Ненашевой – австрославизма, у И.В. Чуркиной – общеславянского литературного языка), либо отечественной славистики (у И.С. Достян, М.Ю. Досталь, В.Н. Грекова, Л.П. Лаптевой – дореволюционной, а у А.Н. Горяинова и Е.П.Аксеновой – советской).

Сборник в целом не претендует на сколько-нибудь исчерпывающее освещение той тематики, которой была посвящена названная выше конференция. Думается однако, что публикуемые тексты в своей совокупности могут послужить исходным рубежом для углубленной научной разработки соответствующей проблематики.

Профessor *B.A. Дьяков*

И.И. Лещиловская

СЛАВЯНСТВО В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ СЕРБОВ В XVIII в.

На протяжении веков "славянская мысль" у южных славян, корнями уходившая в Средневековье, в зависимости от исторических обстоятельств то угасала, то оживала вновь. В XVIII в. интерес к славянству получил у сербов живительный импульс в связи с переменами в их судьбе и зарождением процессов, свойственных Новому времени.

На рубеже XVII–XVIII вв. война Священной лиги с Османской империей пробудила у образованных сербов надежды на освобождение с помощью Австрии от османского господства. В этих условиях в начале XVIII в. Джордже Бранкович, в прошлом политик, интернированный затем австрийскими властями, создал фундаментальный рукописный труд "Славяно-сербские хроники", в котором выразил мнение о принадлежности сербов к славянскому миру.

В "Хрониках" личные амбиции автора, претендовавшего на родство со средневековой сербской династией и тем самым на главенство в "иллирийском королевстве" (мечты о котором появились у Бранковича в связи с австро-турецкой войной), переплетались с мыслями о родстве и близости славян, особенно южных славян, с идеей освождения сербов от иноземного господства¹.

После неудачной для Австрии очередной войны с Турцией 1735–1739 гг. и заключения Белградского мира, сопровождавшегося массовым переселением сербов с Балкан в Австрийскую монархию, встал вопрос об утверждении положения сербов в ней, поскольку была очевидной тщетность надежд на близкое освобождение народа от османского гнета. В этой ситуации в 1741 г. в Вене вышла книга "Стематография. Изображение оружий иллирических", созданная под идейным руководством патриарха Арсения IV, перешедшего с

массой народа из османских пределов в габсбургское государство и возглавившего православную Карловицкую митрополию. "Стематография" преследовала задачу обосновать сохранение за Арсению IV в новых условиях прав и юрисдикции патриарха, распространявшихся на южнославянские народы православного вероисповедания, а также утвердить особое положение сербов в габсбургском государстве. Несмотря на прагматические цели издания, "Стематография" заняла видное место в истории сербской культуры XVIII в., в том числе в движении сербской общественно-политической мысли.

В "Стематографии" на первый план вышли идея величия прошлого сербов и сербской государственности, призванная убедить в законности стремления сербов быть самостоятельным народом, и мысль о целостности "Иллирии", т.е. особой близости православных южнославянских народов как предпосылки правомочности патриаршей власти Арсения IV над ними. Это было первое печатное проявление у сербов сознания общности на основе православия единоверной с ними части южных славян. Уже на этом этапе оно было тесно связано с актуальными вопросами сербского политического развития.

После Прутского похода 1711 г. Петра I, хотя и неудачного для России, но тем не менее пробудившего у южных славян надежды на помочь российского правительства в деле ослабления над ними власти Порты, у сербов и других южных славян получило широкое распространение понимание их родства с русским народом. Показательно, что один из авторов "Стематографии", живописец и зограф Х. Жефарович, родом из Македонии, подписался в книге как "иллирико-расианский общий зограф".

Местная православная церковь формировала у сербов взгляд на Россию как на единоверную с ними державу, противостоявшую османской Турции. В "Стематографии" был дан поэтический образ Москвы, олицетворявший Россию. Изображение герба города сопровождалось следующими словами:

"Двоеглавним орлем златим Москва украшена,
К народу, к супостатом оком приложена,
Народ держит правильно, мечем супостати
Побеждает, от страха враг не смеет стати"²

Москва представляла в ореоле силы и справедливости.

Сербская православная церковь играла в первой половине XVIII в. главную роль и в развитии практических сербско-российских контактов, в которых она видела гарантию упрочения православия и улучшения положения сербов. В отношении сербов к России в то время доминировали православный аспект и надежды на всевозможную помощь и поддержку.

В 60–70-е годы XVIII в. в духовном развитии сербов появились признаки нового освоения мира, в том числе и славянства. Захария Орфелин, один из самых крупных представителей сербской культуры этого столетия, в фундаментальном историческом труде "Житие и славные дела ...Петра́ Великаго" (Венеция, 1772) первым из сербов предпринял попытку ответить на вопрос о происхождении славян и русского народа в частности. Проблему происхождения славян историческая мысль XVII–XVIII вв. решала, исходя из библейского сказания о разрушении разгневанным богом "столпа вавилонского" и разделении им людей, строивших его, на отдельные народы. В плену подобных представлений находился и Орфелин³. Изложив различные точки зрения на проблему и подвергнув критике позицию западных авторов за предвзятость в освещении древней истории славян⁴, он поддержал мнение, высказанное в русской литературе. Согласно ему, славяне вели свое происхождение с востока и пришли на север и запад Европы через Армению и Малую Азию. Что же касается этнических истоков русского народа, он сложился, согласно Орфелину, "из двоих знатнейших народов, то есть из славян и скифов"⁵. Последних историк отождествлял с чудью⁶. Все эти сложнейшие вопросы Орфелин освещал, отречившись от провиденциализма, в соответствии с научными воззрениями своего времени, весьма туманными и приблизительными в части древнейших судеб славян. Но так или иначе Орфелин стремился донести до читателя главное положение – представление о древности, глубоких корнях и прошлой целостности славянства⁷. Для сербов размышления Орфелина о славянах являли собой уровень исторических знаний, соответствовавший состоянию европейской науки.

З. Орфелин, подчеркивая родство русского и сербского народов, выразил новый взгляд на Россию, ее историю и современное автору положение. По словам историка, он предпринял географическое, историческое и политическое описание России, "чтоб благосклонные читатели возьмели напред точное понятие о состоянии, о могуществе и о величестве оного царства", а "из древней Российской истории увидели б они, коль в глубокой тме неучения и беспорядочного правления находилась Россия, и что Петр Великий был первой, который собственным своим разумом и собственным своим трудом оную из такой тмы вывел на свет, на которого без блескания великаго и удивления смотреть не можно"⁸. В этих словах воплотилась основная идея исторического труда З. Орфелина – идея возвышения Российского государства в результате овладения знаниями и бессмертия дела его преобразователя Петра I. В монографии Россия представлена как наиболее близкая сербам конкретная, реальная модель разрешения проблем, животрепещущих и больных для сербского народа, модель государственного обновления под руководством "просвещенного" монарха.

Творчество З. Орфелина, отмеченное новыми для сербов чертами как в идейном содержании, так и в формах выражения, подготовило сербское Просвещение. В последние десятилетия XVIII в. перед сербским народом как составная часть глобальной проблемы перехода от Средневековья к Новому времени получила особую актуальность задача формирования и защиты сербской культуры национального типа. На ее решение была направлена деятельность представителей сербского Просвещения, связавших с интеллектуальным и нравственным возвышением общества утопические мечты о построении на земле царства разума.

Деятели сербского Просвещения на новом уровне общественного развития и в связи с назревшими задачами скорректировали традиционные взгляды на славянство – формирующимся сербским национальным самосознанием. Досифей Обрадович, глава Просвещения у сербов, первым среди них выразил новое понимание истоков и содержания сербской общности. Он противопоставил традиционному представлению о религии как разграничительному с внешним миром и внутренне связующему началу в качестве критерия сербской общности.

сти родовой и языковой признаки, ибо, по его словам, "религия и вера могут измениться, а род и язык – никогда"⁹. Обрадович писал в сочинении "Этика": "Весь народ одного рода и языка подобен единому телу"¹⁰. Это было утверждение приоритета национального фактора над религиозным.

Попытки уяснить истоки и границы сербской общности неизбежно побуждали деятелей Просвещения к размышлению о славянстве в целом и месте в нем сербского народа. Для Обрадовича не вызывало сомнений родство сербов с остальными славянами, что находило выражение в понятии "славяносербская нация". В своем последнем сочинении, вышедшем под названием "Мезимац"^{*}, он выразил сознание общности славян следующим образом: "Славы, или, лучше сказать, славяне, – это всеобщее имя: под этим именем подразумеваются русские, поляки, богемцы, хорваты, словаки, илиtotы в Венгрии, сербы и болгары. Мать всех этих народов есть славянский язык, который в настоящее время в благополучной России доведен до всевысочайшего совершенства, поскольку он там царствует: все высокие науки и знания на нем излагаются"¹¹. Обрадович исходил в своем понимании славян из языкового родства этих народов, хотя его представления о составе славянского мира и тем более о соотношении языковых систем внутри него были приблизительными и смутными. Не ощущая различия между церковнославянским и русским светским языками, писатель видел в России очаг изначального "славянского языка".

Со времени Просвещения развитие сербского национального самосознания протекало в широких рамках общеславянского этнического сознания. При этом в соотношении форм общественного сознания в годы Просвещения имело место не только взаимодополнение, но и отталкивание. В 1787 г. Эм. Янкович, издавая комедию К. Гольдони "Торговцы" в своем переводе на сербский язык, мотивировал выбор народного, а не церковнославянского языка для перевода словами: "...Я не славянин, а серб и пишу не для славян, а для сербов"¹². Он употреблял понятие "националии мои", делая тем самым упор на сербской национальной общности.

*В переводе с сербского языка – младший, любимый сын.

В рамках славянских интересов Досифей Обрадович проявлял большое внимание к России. Он отдавал ей первенство в духовном развитии славянства как наиболее продвинувшейся в культурном отношении. Писатель не оставил специальных сочинений о России, но материал о ней постоянно присутствовал в его произведениях, особенно много его в "Баснях", наиболее известной книге Обрадовича, изданной в 1788 г. после полугодового пребывания его в Шклове Могилевской губернии, имении генерала Зорича, серба по происхождению.

Взгляды Досифея Обрадовича на Россию менялись на протяжении его жизни в соответствии с общей мировоззренческой эволюцией. Если в 50-е годы XVIII в. он воспринимал ее сквозь призму церковно-проповеднической православной литературы, то с начала 80-х годов -- под углом зрения идеалов Просвещения.

Закладывая основы глубокого преобразования духовного мира сербов, которое писатель рассматривал как главное условие на пути обновления сербского общества, он поставил и наметил решение принципиальных вопросов культурного развития, в том числе вопросов об отношении к наследию, церковнославянской языковой и литературной традиции, о культурном взаимодействии сербов с другими народами и пр. Так или иначе они касались отношения к России.

Потребность использования инонационального опыта в свою очередь побуждала к осмыслинию прежде всего практики русского народа, принадлежавшего к той же, что и сербы, православной культурной сфере и переживавшего в XVIII в. схожие духовные процессы. Обрадович применял российский материал для пропаганды идей обновления сербской жизни.

Уже в начале писательской деятельности в духе Просвещения Досифей Обрадович проявлял осведомленность о состоянии литературно-языкового вопроса в России. В 1783 г. в "Письме Хараламию", отстаивая необходимость и целесообразность установления литературно-языкового единства у сербов на народно-языковой основе, он писал: "Московитяне все свои лучшие книги на своем диалекте и гражданскими буквами печатают"¹³. Учитывая культ России среди сербов, писатель опирался на русский, но также и западноевропейский опыт литературно-языкового развития для обоснования своей про-

грамм преобразования сербской культуры. В своей писательской практике он прокладывал путь создания единого сербского литературного языка, подобный тому, каким шло развитие русского национального литературного языка. Русскому примеру следовал Обрадович, издавая свои сочинения гражданским шрифтом. В отличие от Орфелина, который первым из сербов использовал гражданскую азбуку, но печатал также свои сочинения и церковной кириллицей, Обрадович перешел на гражданский шрифт полностью и бесповоротно.

Чрезвычайно важным обстоятельством, наложившим печать и на творчество, и на политическую деятельность Обрадовича, было понимание им исторической роли России в борьбе с османской Турцией и в освобождении подвластных ей народов. В "Советах здравого разума" и "Баснях" он приветствовал успешное освобождение России территорий, находившихся под османской властью¹⁴. В 1789 г. Обрадович написал "Песню об избавлении Сербии". В ней он прославлял победы австрийского и русского оружия в войне против султанской Турции. Писатель подошел к пониманию смысла политики России на Балканах. В 1788 г. он замечал: "Известно, что римский император* и российская императрица за интересы своих царств с турками воюют, но тем не менее каждая благоразумная и человеколюбивая душа благословит имена тех, кого вечный промысел избрал в качестве своего орудия, чтобы уменьшить непорядок, варварство, чуму, мрак суеверия и невежества и все злополучия, которые из них проис текают, со временем истребить из человеческого рода"¹⁵. Сербский мыслитель провел различие между интересами российского двора и объективно положительным значением результатов русско-турецких войн для балканских народов.

В период правления Иосифа II Обрадович, питая иллюзии относительно освободительной миссии австрийской "просвещенной" монархии на Балканах, не проводил различия между политикой Австрии и России. Однако под влиянием действенной позиции российской дипломатии, традиционно поддерживавшей угнетенные балканские народы, роста международного влияния и военных побед России, с одной стороны, и корыстных маневров Австрии в отношении сербов, ее поражения в войне с Турцией 1788–1790 гг., за которым последова-

*Имелся в виду Иосиф II.

ла жестокая расправа османских войск над Сербией, с другой – Обрадович разочаровался в балканской политике Австрии и утвердился в мысли о том, что только Россия является союзником сербов в их борьбе за национальное освобождение.

В центре российских интересов Обрадовича были эпоха и личность Петра I. В процессе идеиного развития писателя его внимание к Петровской эпохе усиливалось, а ее понимание углублялось. Обрадовича как и Орфелина, занимала прежде всего преобразовательная деятельность российского монарха. Он дал немногословные, но емкие характеристики военной, церковной, административной, культурной реформ Петра I. Сербский мыслитель высказался о характере и историческом значении петровских нововведений, исходя из рационалистической философской концепции. Оценка Обрадовичем преобразовательной деятельности Петра I видна даже из тех определений, которые давал ему писатель. Он называл Петра "бессмертным законодателем и просветителем российским"¹⁶. Сербский деятель прославлял имя, ум и доблести российского императора. Он считал его несравненной личностью, величественной в своих действиях. Вызывая уважение к памяти Петра I, он писал: "Вся Европа и Азия видят и все лучше по-знают результаты трудов и подвигов, законов и учреждений Петра Великого"¹⁷.

Досифей Обрадович ввел Петра I как реальную историческую личность в свои сочинения для доказательства важных теоретических положений. В "Баснях" он писал: "Если бы Петр Великий хотел, чтобы его россияне остались такими, какими были их предки, они были бы и теперь как татары; но благословенный монарх знал, что так не должно быть, ввел новые обычаи, науки и законы, и потому Россия в настоящее время стала славна"¹⁸. Обобщая исторический опыт петровской России, писатель утверждал принцип развития человека и общества, идеи возможности и необходимости перемен и обновления, устранения старых, изживших себя идеалов, обычаяев, законов, порядков. Трактовка реформ Петра I в сочинениях Обрадовича имела глубокий философский смысл как конкретизированное проявление движущей силы просвещенного разума в развитии человечества.

В свою очередь, преобразовательная деятельность Петра I оказала влияние на развитие патриотического сознания, формирование

философских, социологических, политических и культурных взглядов Досифея Обрадовича в духе рационализма.

Петр I, его образ, дела, эпоха привлекали пристальное внимание двух наиболее видных представителей сербской культуры второй половины XVIII в. – Орфелина и Обрадовича. Первый дал пространное и в значительной мере художественное описание времен Петра, второй ограничился краткими, иногда упрощенными, с ориентацией на неподготовленного читателя, но глубокими и точными характеристиками разных сторон его деятельности. Для Орфелина петровская Россия была материалом для осмыслиения жизни с ее динамизмом и противоречиями, для прославления России и, наконец, для художественного самовыражения. У Обрадовича ссылки на Петра I были подчинены в первую очередь дидактическим целям. По исходные мотивы у писателей были общими – необходимость познания и решения задач сербского общественного развития. Концепционное осмысление исторического опыта петровской России было схожим – оба понимали важность нововведений.

Вместе с тем образ Петра I выглядел в сочинениях сербских авторов по-разному. В изображении Орфелина личность Петра I была отмечена в соответствии с духом барокко контрастными чертами, подвержена страстям, бурным излияниям чувств, характер царя проявлялся в многоликой и в высшей степени динамичной деятельности. У Обрадовича внешний рисунок образа отличался большей уравновешенностью, гармонией просвещенной мудрости и твердой воли.

С физической и экономической географией России познакомила сербов книга ученика и сподвижника Обрадовича П. Соларича "Ново гражданско землеописание". В ней содержалось, в частности, подробное описание Петербурга, Москвы и других российских городов, состояния их хозяйства в контексте современной автору Европы. "Москва..., – писал Соларич, – старый и первый главный город государства, почти посреди его... чрезвычайно велика и после Цариграда – самый крупный город в Европе"¹⁹. Говоря о духовном возышении России, автор вместе с тем отмечал нехватку учебных заведений и проис текавшую отсюда "супростота" простого народа²⁰.

Путеводной идеей для Досифея Обрадовича и его последователей во всех вопросах, в том числе в отношении к славянству и России, была великая мысль о свободе, понимаемой, правда, лишь в философско-нравственном смысле как раскрепощение интеллекта и духа человека, избавление его от давящих авторитетов, сковывавших средневековых догм и непреложных норм жизни.

Иной ракурс видения славянского мира в целом и России проявляли представители консервативного направления сербской общественной мысли, православные иерархи. Из традиционного сознания общности славян исходил церковный деятель, писатель и историк Йован Раич, приступая к работе над фундаментальным трудом "История разных славянских народов наипаче болгар, хорватов и сербов...". Автор завершил работу над ним в 1768 г., но издал в Вене лишь в 1794 – 1795 гг. Он опубликовал свое сочинение в то время, когда поднялось венгерское национально-освободительное движение с его противоречивой направленностью в отношении невенгерских народов, когда в соседней Хорватии растревоженное йозефинистскими реформами дворянство искало пути удержания своего положения, когда Сербия по Свиштовскому миру 1791 г., завершившему неудачную для Австрии войну с Турцией, была оставлена на произвол Порты. В эти беспокойные для сербов годы Раич снабдил народ историческим трудом, призванным обосновать их право на самостоятельную жизнь и достойное положение.

Первоначально Раич замышлял сочинение с охватом истории всех славян²¹. Однако этот грандиозный замысел, питавшийся сознанием целостности славянства, историк реализовал лишь в первой части, посвященной древности. Общеславянские научные планы Раича столкнулись с нехваткой материала. Поэтому он сосредоточил в дальнейшем внимание на истории сербов, представив ее в тесной связи с прошлым соседних южнославянских народов и России.

В предисловии Раич изложил свои намерения: вывести сербов из "тмы забвения" и возвысить славянские народы. Он писал: "Тем же сродство сих народов славянских некое подстрекательство подало, или тако реши, повлекло, еже и тех славян народы в кратце описати, яко да тем болми слава славян приумножится, и читател в кратком чертеже неизчислимое множество рода своего посмотрит, а из того

паки возвелся бы мыслию и сам или у зде приведенных аукторов, или у прочих зде неупомянутых поискати рода своего древность"²². Труд Раича пронизывала мысль о древности славян, их глубоких исторических корнях и величин в прошлом. Автор был горд за "толь славный в победах и в оружиах храбрый и многочисленный народ"²³.

Говоря "о начале славенского рода", сербский историк подчеркивал, что славяне, "яко же и прочии европейскии народи, из самых глубочайших древностей низходят". И далее он продолжал: "... Общее обаче мнение есть, что европейцы суть иафетяни, откуду паки дерзновенно и праведно писатели славянскии род свой от того же праотца считают, зане многих европейских народов яко множеством, тако и храбростию превосходят, чего примери повседневный искус доволны нам предлагает"²⁴. Раич, настаивая на единах с европейцами истоках славян, тем самым исторически обосновывал их право на равное положение.

Вопрос об этногенезе славян сербский автор решал традиционно, связывая его с вавилонским столпотворением и переселением из Азии (Ассирии) в Европу. Раич видел славянское начало и в готах, гепидах, аланах, сарматах и других кочевниках, приумножая тем самым численность славян²⁵.

Патриотическая позиция Раича наглядно проявилась в его рассуждениях о происхождении названия "славяне". Это имя, убежден он, идет от "славы", "крепости же и храбости"²⁶. Идеализацией проникнуты и его пассажи "о лице, нравах и обычаях славян".

Особое внимание историк уделил языковому родству славян. "Елико убо славенских народов, – писал он, – толико и диалектов того же языка явно и из сих последует, и самый искус свидетельствует всех обаче едино начало и корень, или тако реши, вси помянутии диалекти мало не во всех первообразных речениях сходствуют, в производных же а наипаче в произношениях различествуют, от чего и разност диалектов родилася, яко же и в иностранных языках случается"²⁷. Раич рассматривал речевые различия у славян как проявление диалектов в рамках единого славянского языка.

В "Истории" Раич высказался о современной ему России, "В последня же времена России, – писал он, – начали преуспевати в силе и крепости, и завладели оружием своим полунощную всю страну Евро-

ны до самых краев Леденаго моря, по сих паки и всю во Ассии Сибирскую страну, до Тихаго моря и до пределов Хинских и Татарских. По чему нынешнее Россиское империум есть паче прочих государств в Европе наибольшее"²⁸. Россия представляла в труде Раича и как мощная держава, и как хранительница исконно славянского начала – языка.

"История" Й. Раича, повествующая о целостности и видной исторической роли славян в прошлом, о единстве территории сербов и их независимой средневековой государственности, заключала в себе мощный заряд воздействия на общественное сознание сербов в направлении укрепления их национальных чувств, подъема народного духа и осмысления дальнейших судеб.

С общеславянским сознанием был связан такой важный факт в истории сербской культуры XVIII в., как использование в литературе церковнославянского языка русской редакции и русского архаичного языка того времени. До 80-х годов эти языковые модели господствовали в сербской литературе. На русском светском языке с сербизмами был написан труд З. Орфелина о петровской России. Русским языком пользовался Й. Раич при создании своей "Истории" и т.д.

С выступления в печати в 1783 г. Досифея Обрадовича начался решительный поворот сербской литературы в сторону разговорного языка народа, но язык сочинений самого Обрадовича, как и его последователей, включал тогда наряду с народной основой церковнославянские и русские речевые элементы. Обрадович, начиная реформу сербского литературного языка, идеино руководствовался просвещенческим принципом "общей пользы", необходимостью приближения литературы к народу. Противники же писателя – сторонники сохранения в сербской литературе церковнославянского языка – исходили из его древности и причастности к России. В этой позиции присутствовало стремление к поддержанию и сохранению на литературном уровне традиционных русско-сербских связей.

По этому вопросу Й. Раич писал следующее: "Когда я славенского языка древность и чистоту в российских недрах храниму быти скажу, не говорю то, аки бы нынешний великороссийский или малороссийский язык чистейший и старинный был; диалекти бо суть, яко же и прочии: но есть в России и другой особенный чистый и называемый

своим именем язык славенский, который во общем разговоре не употребляется, но есть точию церковный, и священная писания ово за славу, чистоту и древность языка, ово же за славу Божия слова (тако яко же еврейский и елинский) и вся церковная пения и молитвы на нем печатаются, яко да вси обще уразумети могут. Чего паки пример суть русси, поляки, серби, болгари, хорвати и прочии, котории прилежно чтуще оная, разумеют²⁹. Иллюзорные представления о слитности России и церковнославянского языка, столь же древнего якобы, как еврейский и греческий, еще многие и многие годы будут удерживать часть сербской интеллигенции от разрыва с церковнославянским языком. Так или иначе общеславянский и русский языковые компоненты, понимаемые сербскими писателями по-разному, присутствовали при определении путей развития сербского национального литературного языка.

Российские и польские сюжеты были широко представлены в газете "Славенско-сербская ведомости", издававшейся С. Новаковичем в 1792–1794 гг. в Вене. Она много внимания уделяла "иностранным приключениям", черпая информацию из австрийской официальной печати и следуя ей в оценке событий. Газета сообщала, в частности, о важнейших государственных актах Екатерины II, действиях русской дипломатии, назначениях и перемещении послов, экономических мерах российского правительства. В числе крупных событий 1793 г., которым "Ведомости" уделяли пристальное внимание, были разрыв Россией дипломатических отношений с Францией и заключение договора о совместных действиях с Англией, приготовления "ко всему" российской армии и флота, присоединение новых земель из состава Польши к российским губерниям в результате второго раздела Речи Посполитой. Особое место в газете заняло описание торжеств по случаю заключения мира между Россией и Турцией, а также "милостей и благодеяний", оказанных императрицей армии и подданным по поводу этого события. Сообщалось об отъезде в Турцию в качестве российского посла М.И. Кутузова со свитой в 382 персоны и его парадном приеме в Константинополе. Важным событием в жизни Российской империи, вызвавшим живой интерес газеты, были обручение и бракосочетание внука Екатерины II, будущего императора Александра I с баденской

княгиней, нареченной Елизаветой Алексеевной. Приводились в "Ведомостях" и другие сведения о России.

Сербская газета, отражая неизменное расположение сербов к России, не скучилась на выражение к ней добросердечных чувств, чemu благоприятствовала совместная российско-австрийская политика в те годы.

"Ведомости" систематически публиковали также материалы о Польше. В 1792–1793 гг. они касались работы польского сейма в Варшаве, устройства отошедших к России и Пруссии земель Речи Посполитой, содержания российско-польского трактата 1793 г. и других вопросов. В следующем году основное место в этой рубрике занимали события, связанные с польским восстанием под предводительством Т. Костюшко. В этой связи "Ведомости" регулярно упоминали об А.В. Суворове, называя его "славным генералом". Впервые газета писала о нем еще в 1792 г., отмечая 50-летие службы Суворова. Теперь он командовал российской армией в Польше. Отношение газеты к российско-польской войне было противоречивым. С одной стороны, "Ведомости" называли поляков не иначе, как "бунтовщиками" и "мятежниками", с другой – писали "славный оный Кощциуско", напоминая о его участии в американской войне за независимость и отдавая должное мужеству и храбрости польского военачальника. Газеты связывала победы российской армии в Польше с полководческим талантом Суворова, с удовлетворением сообщая о назначении его фельдмаршалом. Хотя обязательное следование курсу австрийской официальной прессы сковывало газету, она расширяла знания и представления сербских неискушенных читателей о современных славянских делах³⁰.

Познание и осмысление сербами славянства проходили и на материалах изобразительного искусства. В вышеупомянутой "Стематографии", отразившей умонастроения сербской иерархии, содержались 29 изображений южнославянских святых и царствующих лиц, гербы многих славянских земель с сопроводительными текстами. Они были выполнены в технике гравюры X. Жефаровичем и венским мастером Т. Мессмером.

В историческом труде о Петре I представления З. Орфелина о России получили также выражение в иллюстративной части в законченных формах барочной графики. Он создал вариант сочинения под названием "История о житии и славных делах... Петра Перваго" (время его появления неизвестно), украшенный 72 гравюрами. Они составляли идейно-художественное единство с текстом. Это были портрет Петра I, исторические и географические карты, полотна на исторические темы (батальные сюжеты, казнь стрельцов), изображения памятных медалей и печатей, многочисленные заставки и виньетки и т.д. Гравюры служили раскрытию величия деяний российского императора. Хотя иллюстрированное издание осталось практически неизвестным национальной публике, в сербском творческом процессе оно явилось фактом художественного отражения недавнего прошлого России.

Сербская общественная мысль XVIII в. не осталась в стороне от начавшегося в славянском мире на историческом этапе перехода к Новому времени процесса самоосознания. Обращение сербских мыслителей и деятелей культуры к славянству диктовалось потребностями национальной жизни, необходимостью решения актуальных для народа задач.

В XVIII в. сербская общественная мысль упрочилась в сознании родства славян. Вместе с тем во второй половине столетия в условиях начавшихся глубоких сдвигов в духовной жизни сербов осмысливание славянского мира определялось общей мировоззренческой позицией отдельных деятелей культуры. Пропаганда сербским Просвещением славянства, особенно России, проводившаяся под знаком обновления жизни на принципах "здравого разума", была нацелена на интеллектуальное и нравственное возвышение сербского народа. Для консервативных мыслителей славянство выступало воплощением старины, принадлежность сербов к нему была аргументом в пользу их древности и потому значимости в современной жизни. Перед лицом постоянного внешнего давления прошлое величие славян, сопричастность исторических судеб сербов к родственным народам могло служить опорой для укрепления их положения в настоящем. Выработанные сербской общественной мыслью в XVIII в. идеи получили даль-

нейшее развитие в новых условиях и на новом уровне знаний в следующем столетии, прошедшем под знаком национального возрождения и общественного обновления.

Примечания

- 1 См.: *Радојчић Н.* Гроф. Ђорђе Бранковић и његово време. Београд, 1911.
- 2 Стематографија: Изображеније оружја илирических. [Фото-тип. изд.]. Нови Сад, 1972. С. 28.
- 3 *Орфелин З.* Житие и славныя дела... Петра Великаго. Венеция, 1772. Т. I. С. 52.
- 4 Там же. С. 54.
- 5 Там же. С. 51.
- 6 Там же. С. 63–64.
- 7 Там же. С. 59.
- 8 Там же. Предисловие.
- 9 *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Београд, 1961. Т. I. С. 65.
- 10 Там же. Т. 2. С. 440.
- 11 Там же. Т. 2. С. 280.
- 12 *Ланкович Е.* Терговци. Лайпциг, 1787. С. 4.
- 13 *Обрадовић Д.* Указ. соч. Т. I. С. 65.
- 14 Там же. С. 303, 306, 424.
- 15 Там же. С. 613.
- 16 Там же. Т. 2. С. 323.
- 17 Там же. Т. I. С. 607.
- 18 Там же. С. 574.
- 19 *Соларич П.* Ново гражданско землеописание. Венеция, 1804. С. 408.
- 20 Там же. С. 407.
- 21 См.: *Радојчић Н.* Српски историчар Јован Рајић. Београд, 1952.

²² Раич И. История разных славенских народов начиная болгар, хорватов и сербов из тмы забвения изятая и во свет исторический произведенная. Виенна, 1794. Ч. I. Предисловие.

²³ Там же. С. 2.

²⁴ Там же. С. 19, 20.

²⁵ Там же. С. 21, 22.

²⁶ Там же. С. 39,

²⁷ Там же. С. 44.

²⁸ Там же. С. 236.

²⁹ Там же. С. 45–46.

³⁰ Славяно-сербские ведомости, 1792–1793; 1794 [Фототип. изд.]. Нови Сад, 1961.

И.В.Чуркина

ВОПРОС ОБ ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ (конец XVIII–XIX в.)

Образованные представители славян и окружавших их народов с раннего Средневековья были убеждены в том, что славяне принадлежат к одному этносу. Византийский писатель VI в. Прокопий Кесарийский, отмечая, что племена славян и антов имеют одних и тех же богов, одни и те же обычай, подчеркивал: "У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский"¹. О единстве славянского этноса писали и славянские летописцы: чешский хронист Козьма Пражский (рубеж XI–XII вв.), киевский летописец Нестор (XII в.), далматинец Винко Прибоевич (XVI в.), словенский грамматик Адам Бохорич (XVI в.), дубровчанин Мавро Орбани (XVII в.) и многие другие.

Эта традиция сохранялась вплоть до Нового времени в разных концах славянского мира. И она не являлась досужей фантазией, а базировалась на объективных данных: близости славянских языков, существовании старославянского (церковнославянского) языка, зафиксированного многочисленными средневековыми памятниками, преданиях об общем происхождении славян.

Надэтнический старославянский литературный язык, появившийся в IX в. в Великоморавском государстве благодаря деятельности Кирилла и Мефодия, к XII в. уже почти полностью утратил свои позиции в западнославянских землях. Зато он сумел приобрести огромное значение в развитии книжного языка православных южных и восточных славян. Надэтнический славянский литературный язык продолжал существовать все средневековье, обслуживая прежде всего религиозную литературу².

XVIII век в Европе ознаменовался распространением идей Пропаганды, одним из последствий чего стало формирование современности.

ных наций на основе прежних, иногда весьма расплывчатых этносов. Этот процесс имел особую важность для такой полиэтнической страны, какой была Австрийская монархия. Вторая половина XVIII в. стала для нее временем зарождения национальных движений.

Для деятелей Просвещения национальный язык являлся главным признаком национально-этнической принадлежности, степень его развитости указывала на степень цивилизованности и значения того или иного народа. Для славянских будителей главным вопросом стало создание и развитие национального языка, что являлось особенно важным еще и потому, что состояние литературных языков славянских народов, входивших в состав Австрийской монархии, в указанное время было достаточно печальным. Поскольку у них отсутствовала собственная государственность, многие функции литературного языка выполняли языки господствующих народов, главным образом немецкий.

Различные славянские языки в конце XVIII в. стояли на разных ступенях развития. Поляки, только что потерявшие государственность, находились в наиболее благоприятном положении. У них сохранился свой господствующий класс с большими политическими традициями, имелась развитая литература, стоявшая на вполне европейском уровне. Хуже с литературным языком дело обстояло у хорватов, также имевших свое дворянство и сохранивших ренессансную традицию литературы Дубровника, далматинских городов. У сербов большую роль играла православная церковь. Благодаря привилегиям, полученным от австрийского правительства в конце XVII в., она по сути дела являлась политическим и идеологическим руководителем народа. Сербы, как и хорваты, имели свои традиции письменности, их литература восходила к сербскому варианту старославянского языка, сформировавшемуся еще в XII – XIV вв., до турецкого завоевания. Однако многовековое турецкое иго задержало дальнейшее языковое развитие, в XVIII в. уже требовалась модернизация, приведение литературного языка в соответствие с состоянием современного разговорного. Чехи, утратившие свою независимость после битвы у Белой Горы (1620 г.), хотя и потеряли правящий класс, частично уничтоженный, а частично онемеченный, все же сумели сохранить живую память о гуситских войнах, о тех временах, когда Чехия была самостоятельной. Чешский литературный язык, отражавший языковую

ситуацию XVI – начала XVII в., необходимо было возвратить и привести в соответствие с теми изменениями, которые произошли в чешском разговорном языке к середине XVIII в. Хуже всего было положение у словенцев и словаков, которые потеряли независимость на заре своей истории. Ни те, ни другие не имели господствующего класса на протяжении многих веков, их исторические традиции базировались на воспоминаниях о Великоморавской державе у словаков и о еще более древнем княжестве Карантании у словенцев. У словаков не было своего литературного языка, в прошлом на территории их проживания использовалась латынь, а с XV в. наряду с нею и чешский язык. Словенские протестанты XVI в. сделали первые шаги в создании словенского письменного языка, издав словенскую грамматику и несколько переводов на словенский язык религиозных книг, в том числе и Библии. Но традиция словенского письменного языка была прервана почти на 200 лет активной деятельностью контрреформаторов, уничтожавших словенские книги как еретические.

Чехи и особенно словаки и словенцы находились в более тяжелой политической и культурной ситуации, чем поляки, хорваты, сербы; их борьба за национальные права протекала в более сложных условиях. Именно поэтому у этих народов идеи создания общеславянского языка получили большее распространение, чем у хорватов и сербов, не говоря уже о поляках.

Во второй половине XIX в. масса славянского населения Австрийской монархии была слабо дифференцирована. Очертания границ того или иного этноса не отличались ясностью, и наряду с этим среди славян господствовало региональное сознание. Если, например, в чешских и словацких землях большинство будителей считали, что чехи, мораване и словаки являются единым народом (этой точки зрения придерживались чехи Й. Добровский, Й. Юнгман, позднее Ф. Палацкий, словаки-протестанты Й. Рибай, Ю. Палкович, Б. Таблич), то среди чешских и словацких национальных деятелей имелись и другие взгляды. На рубеже 80–90-х годов XVIII в. католический священник А. Бернолак сделал попытку кодифицировать словацкий письменный язык³, будители из Моравии Й. В. Монсе и А. Габрих считали, что мораване являются особым славянским народом, отличным от чехов⁴.

Сходная ситуация складывалась у хорватов. На рубеже XVIII–XIX вв. на территории их расселения существовало несколько этнонимов

мов. Жители собственно Хорватии с центром в Загребе, говорившие на кайкавском диалекте сербскохорватского языка, называли себя хорватами; население Дубровника, Далмации, отчасти Славонии, пользовавшееся штокавским диалектом, именовали себя иллирийцами. Кроме того, в Дубровнике и части Далмации был распространен этноним словинцы, а в Славонии — славонцы⁵.

У словенцев тоже было развито региональное сознание. В Штирии и Каринтии они называли себя словенцами, а в Крайне — краинцами. Здесь региональное сознание, помимо прочего, обуславливалось существенным различием словенских диалектов. Первые словенские грамматики, издававшиеся там, еще не были общесловенскими в полном смысле этого слова, так как отражали особенности местных говоров. Так, грамматика М. Похлина базировалась на краинском диалекте, а грамматика О. Гутсмана — на каринтийском.

Вместе с тем, в среде образованных представителей славян было убеждение, что все они являются единым народом, имеющим общий язык. Это убеждение основывалось, во-первых, на долговременной исторической традиции, а во-вторых — на мнении филологической науки того времени. Крупнейшие европейские языковеды считали славянские языки лишь наречиями единого языка. В этом были убеждены немецкие ученые И.Г. Гердер, И.К. Аделунг, чех Й. Добровский, словенец Е. Копитар, русский А.Х. Востоков. Е. Копитар, в частности, в своей "Грамматике славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии" (1808 г.) с гордостью писал о пятидесятимиллионном славянском народе, который занимает самую обширную территорию в мире⁶.

Кроме указанных объективных обстоятельств существовали и субъективные, также побуждавшие славянских будителей стремиться к созданию общеславянского языка. Малочисленные славянские народы в течение продолжительного времени находились под властью чужеземных правительств. Во второй половине XVIII в. они только начинали свой путь к эмансипации, и им, чтобы чувствовать себя уверенно, была нужна моральная и политическая поддержка. Обычно молодые нации, только еще выходившие на арену мировой истории, старались доказать свое право на "место под солнцем" наряду с другими народами, уже создавшими свою государственность и свою само-

бытную культуру, опираясь на собственные исторические и культурные традиции. У ряда славянских народов эти традиции были слабы, поэтому они самоутверждались, базируясь на исторической деятельности и достижениях культуры всех славян, считая их также и своим достоянием.

Й. Добровский, выступая в сентябре 1791 г. на заседании Чешского общества наук перед императором Леопольдом I, подчеркнул, что славяне составляют большинство Австрийской монархии и могут стать оплотом ее силы. В качестве примера великих возможностей славян он ссылался на могущественную Россию⁷. В том же 1791 г. вышел II том "Опыта истории Крайны и других юнославянских областей Австрии" словенского просветителя А. Линхарта. В нем автор с гордостью отмечал, что словенцы принадлежат к народу славян и что "ни один народ не заслуживает внимания историка, философа и политика в такой мере, как славяне"⁸. В том же духе высказывался и словацкий историк Ю. Папанек, утверждавший, что словаки – одни из тех, кто составляет ядро славянского народа⁹.

Особую гордость у славянских национальных деятелей вызывало существование великой славянской державы – России. Образованные круги австрийских славян знали о Российском государстве и его достижениях со времен Петра I. В 1799 г. с русскими войсками, проходившими через чешские, словацкие и словенские земли в Италию для борьбы с Наполеоном, познакомились самые широкие слои славянского населения Габсбургской монархии, что способствовало росту среди них русофильских настроений. В Чехии Й. Добровский издал в это время "Новейшее пособие по лучшему пониманию русского языка", которое способствовало налаживанию взаимопонимания между чехами и русскими¹⁰. И позднее Й. Добровский прилагал много усилий для пропаганды среди чехов русского языка. Его ученик Й. Юнгман, видный деятель чешского возрождения, являлся одним из самых горячих русофилов. Он был убежден, что будущее чехов будет обеспечено русскими¹¹. Проход войск Суворова через словенские земли вызвал живой отклик у словенского поэта В. Водника. Он писал в своей газете "Лубланске новице": "... Мы легко понимаем русский язык. Дело в том, что они – славяне, корень, от которого рождены наши отцы... Сейчас мы видим воочию, каких могучих и великих братьев мы имеем"¹².

Идея славянского родства являлась неотъемлемой частью национального сознания образованных слоев славянских народов. И это, несомненно, способствовало возникновению у ряда славянских филологов мысли о необходимости создания общеславянского литературного языка. В 80-е годы XVIII в. словенский филолог Б. Кумердей работал над написанием грамматики, которая, как он считал, должна была помочь каждому, кто знает хотя бы один славянский язык, овладеть и другими славянскими языками. В дальнейшем следование нормам грамматики Кумерделя должно было бы привести к созданию идеального общеславянского языка¹³. Хотя Кумердей предполагал сформировать этот язык искусственным путем, но все же свой родной словенский (краинский) язык он считал самым пригодным для избранной цели.

У чехов наиболее горячим сторонником единого литературного языка для славян являлся Й. Юнгман. "Я искренний, любящий нашу народность чех, — писал он, — однако общеславянскому письменному языку я готов принести в жертву и чешский язык, так как знаю, что на каком бы наречии мы ни писали, мы всегда останемся славяна-ми"¹⁴. Сочинения Юнгмана, однако, не дают возможности уяснить, каким образом должен был возникнуть общеславянский язык. Словакий национальный деятель Ян Геркель в 1826 г. издал книгу, в которой попытался дать грамматические правила общеславянского языка, опираясь главным образом на свой родной словацкий язык¹⁵.

Хотя относительно немногие славянские филологи увлекались созданием общеславянского языка, но сама эта идея оказала на формирующиеся славянские литературные языки большое влияние. Славянские ученые призывали заимствовать нужные слова для словарного фонда из языков других славянских народов. Это было тем более актуально, что разговорная речь чехов, словаков, словенцев, хорватов, сербов в значительной мере была засорена немецкими, итальянскими, венгерскими словами. "А если уж действительно нехватает слов, — писал Юнгман, — то почему бы чеху не взять их из других славянских диалектов, от одной матери пришедших? Слова же немецкие чешскому духу противны". И сам Юнгман активно проводил эту идею в жизнь, заимствовав из славянских языков около 600 научных терминов¹⁶. Водник призывал очистить от немецких слов и вы-

ражений словенский язык, заменив их словами из словенских диалектов или других славянских языков¹⁷. Рекомендаций Водника придерживался словенский филолог А. Мурко, издавший в 30-е годы XIX в. словенско-немецкий и немецко-словенский словари. В рукописном словаре Водника и в словарях Мурко содержится 188 русских слов, из которых 83 сохранились в современном словенском литературном языке¹⁸.

Идея единства славянского народа, его языковой, этнической и культурно-исторической общности послужила основанием для складывания новой научной дисциплины – славяноведения. Недаром ее основателями стали чех Й. Добровский и словенец Е. Копитар, убежденные в существовании единого славянского народа.

В 20–40-е годы XIX в. почти все славянские языки были уже кодифицированы. Вопрос об общеславянском литературном языке с научной точки зрения уже не мог стоять на повестке дня. Тогда видный деятель чешского и словацкого возрождения словак Я. Коллар выдвинул в статье "О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянского народа" (1837 г.) новую теорию славянского единства. Коллар отвергал необходимость общеславянского литературного языка. Он утверждал, что существуют четыре главных славянских наречия (русское, польское, чешское и иллирское), которые должны развиваться самостоятельно и создавать свои литературные языки. Эти четыре главных славянских наречия Коллар предлагал знать каждому образованному славянину¹⁹.

Учение Коллара о языке не встретило широкого отклика у чехов и словаков, не говоря уже о поляках и русских. Зато оно было подхвачено молодыми хорватскими патриотами во главе с Л. Гаем, который создал теорию о едином иллирском народе, в состав которого входят хорваты, сербы, словенцы (иногда к ним присоединяли и болгар) и который является частью великого славянского народа. Гай считал, что иллиры, единые по происхождению и по культуре, должны иметь общий литературный язык. В основу его он положил штокавское наречие сербскохорватского языка, на котором говорили большинство хорватов Славонии и Далмации и все сербское население. Такой выбор дал возможность создать единый литературный язык

для сербов и хорватов, правда, с разными алфавитами: с кириллицей для сербов и латиницей (в чешском варианте) для хорватов. На Венском совещании филологов в 1850 г. новый литературный язык получил гражданство, что было закреплено соглашением между крупнейшими южнославянскими филологами и политиками: словенцем Ф. Миклошичем, сербами В. Караджичем и Дж. Даничичем, хорватами Л. Гаем, И. Кукульевичем и др.

Хотя часть словенской интеллигенции, особенно в Штирии и Каринтии, где угроза германизации была наиболее ощутимой, поддержала иллирскую идею, однако единственным реальным достижением ее сторонников стало принятие словенцами латинского алфавита в чешском варианте, как это сделали хорваты.

К середине XIX в. литературные языки успешно развивались не только у тех славянских народов, которые имели свои традиции, но и у тех, у которых подобные традиции были незначительны или полностью отсутствовали. Идея Коллара о четырех главных славянских наречиях тоже оказалась несостоятельной. Казалось, вопрос о создании общеславянского литературного языка отпал сам собой. Однако в 50–70-е годы XIX в. он снова стал актуальным. Причины этого были связаны с той политической обстановкой, которая сложилась в Австро-Венгерской монархии.

Славяне, вставшие во время революции 1848 г. на сторону Габсбургов, надеялись получить от них в качестве награды определенные политические права. Но их надежды не оправдались. Л. Штур, создатель словацкого литературного языка, с грустью замечал в письме от 23 января 1851 г. к своему другу, русскому ученому И.И. Срезневскому: "Немцы обещали нам после своей победы национальное равноправие, венгры разбиты, но наше равноправие превратилось в посмешище... словацкие отстранены от управления, оскорблена, преследуемы"²⁰. Даже такой убежденный монархист, как хорватский бан Й. Елаич выражал свое недовольство политикой австро-венгерского правительства по отношению к славянам русскому военному атташе в Вене З.Г. Штакельбергу, о чем последний уведомил МИД России в своем донесении (1856 г.).²¹

В 1860–1861 гг. в Австро-Венгерской монархии были проведены реформы, поставившие ее на путь конституционного развития. Провозгла-

шение свободы печати, собраний, восстановление деятельности провинциальных собраний и рейхсрата способствовали оживлению политической и национальной жизни в славянских землях. Но в результате выборов к власти в Австрии пришли немецкие либералы, которые стали вести планомерную германизаторскую политику, поставившую под угрозу само национальное существование славянских народов.

Политические условия, сложившиеся в Габсбургских владениях, побудили некоторых славянских национальных деятелей искать себе новую опору в борьбе за права своих народов. Идея славянской взаимности, австрославистская программа, возникшая в 1848 г. и имевшая своею целью превратить Австрию в славянское государство, не отвечали больше чаяниям этих политиков. Л. Штур очертил программу действия для славянских радикалов, написав в 1851–1855 гг. трактат "Славянство и мир будущего". Рукопись Штура была опубликована только в 1867 г. в Москве, однако есть сведения, что с нею ознакомились задолго до этого некоторые видные деятели славянских народов: хорваты И. Кукульевич и О. Утешенович, чех В. Ганка, русин А.И. Добрянский и др.

В трактате Штур утверждал, что "Австрия провела славян за нос и жестоко обманула все их ожидания и тем их совершенно от себя оттолкнула". Поэтому Штур призывал славян обратить свои взоры к России, которая поможет им освободиться от иноzemного ига и объединит их в единое государство. Для выполнения предназначеннай ей роли Россия должна провести ряд реформ: уничтожить крепостное право, развить местное самоуправление с выборностью чиновников. Со своей стороны и славянам нужно подготовиться к грядущему объединению. Для этого они, по мнению Штура, должны восстановить у себя православную церковь, как истинно кирилло-мефодиевскую, и принять общий литературный язык, которым может стать только русский язык. "Это язык величайшего, единственно самобытного и на обширном пространстве земли господствующего славянского племени, -- обосновывал свое предложение Штур, -- которому уже и без того по праву принадлежит главенство в нашей народной семье. Сверх того, из всех языков славянских -- это самый богатый, сильный и полнозвучный, запечатленный могуществом"²².

Итак, Штур поднял вопрос об общеславянском языке в чисто политических целях, осознав необходимость для славян объединиться под главенством России в политическом, культурном и языковом отношении, чтобы счастье от поглощения другими народами. Эта мысль в то время была довольно распространена среди австрийских славян. Путешествовавший в 1860 г. по юнославянским землям славянофил И.С. Аксаков с удивлением отмечал горячее русофильство молодых хорватов. «Многие подходили ко мне, — писал он, — и говорили мне на ухо: "Мы русские, мы хотим единства славянского, хотим ввести кириллицу, готовы все сделаться православными"», 23.

Особенно усилилось стремление славян к сближению с Россией с середины 60-х годов, когда встал вопрос о превращении Австрии в дуалистическое государство. В этом славянские политики видели усиление угрозы денационализации своих народов. «Ну уж, конечно, господа немцы, — писала газета молодых чешских либералов "Глас", — должны будут позволить нам, когда нам захочется тонуться, утонуть с большей готовностью в русском море, нежели в немецком озере». Среди словенских национальных деятелей очень популярным стал лозунг: "Лучше стать русским, чем пруссаком". Столь же решительно были настроены хорватские либералы, опасавшиеся мадьяризации. «Мы можем уверить мадьяр, — подчеркивала их газета "Нови Позор", — что охотнее согласимся слить свой ручей с великим славянским морем, нежели жертвовать собою и своею будущностью на алтаре мадьярской народности. Мы все-таки останемся славянами» 24.

Конечно, принятие русского языка в качестве общеславянского совершенно не означало, что чехи, словенцы, словаки и другие откажутся от своих языков и будут общаться только по-русски. Русский славист И.В. Ламанский, один из теоретиков славянофильства, дал свое понимание идеи Штура о необходимости сделать русский язык общеславянским. Он указывал, что литературные языки южных славян (словенцев, хорватов, сербов) никогда не смогут вытеснить немецкий и итальянский языки из культурной жизни своих народов. "Мы принуждены указать, — продолжал Ламанский, — как на единственный исход из этого печального положения, на необходимость для них принять русский язык органом науки и высшей образованности, языком дипломатическим, с сохранением своих наречий и словесности для местных потребностей" 25.

Именно в этом понимании выступали за принятие русского языка в качестве общеславянского словенцы Ф. Левстик и М. Плетеरшник, чехи К. Сладковский и Э. Грегр. На призыв славянских политиков изучать русский язык горячо откликнулась учащаяся молодежь. В конце 60-х годов практически во всех студенческих славянских обществах Вены – в "Чешском академическом сполеке", "Словении", словацком "Татране", галицкой "Русской основе" и др. – велись занятия русским языком. В других городах на молодежных собраниях также ставился этот вопрос. Так, на съезде словенских учащихся в Любляне 4 сентября 1869 г. единогласно было принято предложение о том, чтобы сделать русский язык языком высшей литературы для словенцев²⁶.

Во второй половине XIX в. пропагандировалась и другая модель общеславянского языка, предусматривавшая его формирование искусственным путем. Эта модель имела особенную популярность у словенцев, что объяснялось особенностями складывания словенского литературного языка. Словенский язык, несмотря на немногочисленность лиц, говоривших на нем, имел 46 диалектов, ни один из которых не являлся преобладающим. Поэтому в основе словенского литературного языка не лежит один определенный диалект, он создан в какой-то мере искусственно "на общесловенской основе с ориентацией на общий фонд других славянских языков". Проекты создания общеславянского литературного языка являлись для словенских филологов попыткой повторить удавшийся эксперимент с формированием словенского литературного языка²⁷.

Главным идеологом создания искусственного общеславянского языка выступил М. Маяр, участвовавший в 30–40-е годы в иллирском движении, а в 1848 г. явившийся одним из создателей словенской политической программы. В 1848 г. он издал книгу "Правила, как образовывать иллирское наречие и вообще славянский язык"²⁸. В ней Маяр советовал южным славянам писать на иллирском наречии, не удаляясь от других славянских языков. Он предлагал сначала в духе Коллара создать четыре славянских литературных наречия, а затем уже на их основе – общеславянский язык.

У Маяра имелись сподвижники среди словенских культурных деятелей Штирии и Каринтии, прежде придерживавшихся идей иллиризма:

штирийцы Д. Трстеняк, О. Наф, Р. Разлаг, каринтийцы А. Эйншпиллер, А. Янежич. Первый шаг к созданию общеславянского языка они видели в распространении среди всех славян единого алфавита – кириллицы. В начале 50-х годов в словенских землях выходили издания, действительно пропагандировавшие идеи Маяра и пытавшиеся на основании его "Правил..." печатать статьи на общеславянском языке. Это был журнал "Словенска бчела" (апрель 1850 – июль 1853 г., Клагенфурт-Целовец) и альманах "Зора" (1852 г., Грац; 1853 г., Загреб). "Один единственный литературный язык для всех 80 млн славян! – писал Эйншпиллер. – У кого сердце не расширяется и не скачет от радости при мысли об этом благословеннейшем и прекраснейшем деле!"²⁹.

"Мы должны трудиться, – вторил Эйншпиллеру Разлаг, – чтобы разные наречия и поднаречия слились в один единственный литературный язык, чтобы нас перестали считать маленькими народами, но увидели бы, что мы, славяне, единый народ, один за всех и все за одного"³⁰.

Но уже к середине 50-х годов стало ясно, что издания, подобные "Словенской бчеле" и "Зоре" не имеют успеха у массового читателя. От мысли создать общеславянский литературный язык отказались Эйншпиллер, Разлаг, Янежич. Верным ей до конца жизни остался лишь Маяр. В 1865 г. он опубликовал "Взаимную славянскую грамматику", состоявшую из шести разделов: грамматик польской, чешско-славянской, русской, югославянской, церковнославянской и взаимной. Маяр пытался довести до логического конца теорию о четырех главных славянских наречиях, создав на их основе с привлечением церковнославянского оптимальную модель общеславянского литературного языка.

В 1873–1875 гг. Маяр издавал журнал "Славян". Судя по его письмам русским корреспондентам, он сначала предполагал печатать журнал кириллическим шрифтом на любом из четырех главных славянских наречий. Но провести это в жизнь не удалось. Статьи в "Славяне" публиковались латиницей на словенском языке. Только труд самого Маяра "О следах праславян" да некоторые статьи из русских журналов печатались на общеславянском языке кириллицей. Такое неукротимое стремление вопреки всему создать общеславянский язык Маяр объяснял в письме русскому историку М.П. Погодину опасением, что славянским наречиям угрожает превращение в особые славянские языки.

вянские языки с особыми литературами и народами. "Таким образом распался бы 80-миллионный славянский народ на части, что явилось бы невосполнимой потерей и вредом для всех славян, русских и нерусских"³¹.

Уже со второй половины 50-х годов Маяр практически не имел сторонников своей модели создания общеславянского языка. Были, однако, национальные деятели славянских народов, которые поддерживали идею Маяра ввести у всех славян кириллицу. В частности, за это выступали чех Ф. Иезбера, лужицкий просветитель Я. Смолер, словак Й.М. Гурбан, серб из Срема В. Маркович и др.

Практически все филологи-слависты второй половины XIX в. считали идею создания общеславянского литературного языка нереальной. Только один из самых блестящих их представителей И.А. Бодуэн де Куртенэ имел по этому поводу особое мнение. Еще в 1874 г. он писал, что между славянскими языками не больше различий, чем между отдельными французскими и итальянскими говорами. Спустя много лет для съезда славистов, который должен был состояться в 1904 г. в Петербурге, Бодуэн предложил тему "О славянском взаимном (международном) языке Матии Маяра и Орослава Цафа". Он вообще считал возможным и желательным создание искусственного языка для общения между народами³².

Идея принятия всеми славянами единого общеславянского литературного языка так и не была претворена в жизнь. Но увлечение ею славянскими филологами способствовало развитию славянских литературных языков, особенно обогащению их словарного фонда. Кроме того, оно вело к сравнительному изучению языков, литератур, этнографии славянских народов, что легло в основу научного славяноведения и способствовало взаимообогащению славянских культур.

Увлечение идеей общеславянского языка имело и политические последствия для славянских народов. С одной стороны, демонстративный интерес славянских деятелей к общеславянским проблемам и особенно к России в какой-то мере заставлял австрийское правительство более внимательно прислушиваться к их требованиям. С другой стороны, тот же самый интерес к славянской солидарности славянских политиков приводил к разжиганию в националистической немецкой и венгерской прессе психоза славянской и российской опасности для

Габсбургской монархии, что тоже несомненно оказывало воздействие на правящие круги Вены, а затем и Будапешта.

Примечания

¹ Цит. по: *Супрун А.Е., Калюта А.М.* Введение в славянскую филологию. Минск, 1981. С. 151.

² *Толстой Н.И.* Древнеславянский литературный язык в XII – XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 14–18.

³ *Смирнов Л.Н.* Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 86.

⁴ *Мыльников А.С.* "Чешское" и "моравское" общественное сознание в XVIII в. // Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974. С. 50, 51.

⁵ *Данилова А.В.* От культуры народностей к хорватской национальной культуре // Концепция национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII – XIX вв. М., 1985. С. 134.

⁶ *Петровский Н.М.* Первые годы деятельности В. Копитара. Казань, 1906. С. 118, 119.

⁷ См.: *Мыльников А.С.* Культура чешского возрождения. Л., 1982. С. 76.

⁸ *Linhart A.* Versuch einer Geschichte von Krain und der übrigen Ländern südlichen Slaven Oesterreichs. Laybach, 1791. Bd. 2.

⁹ *Матула В.* Формирование концепции национальной художественной культуры у словаков // Концепция национальной художественной культуры... С. 114.

¹⁰ *Мыльников А.С.* Культура чешского возрождения... С. 79.

¹¹ *Jungmann J.* Boj o obrození naroda. Praha, 1948. S. 147.

¹² Цит. по: *Krest B.* Fragmenti o slovensko-ruskih stikih //Slavistica revija. Ljubljana, 1958. S. 92.

¹³ См.: *Kidrič F.* Dobrovský in slovenski preporod njegove dobe. Ljubljana, 1930. S. 23, 63.

- 14 Цит. по: Широкова А.Г., Нещименко Г.П. Становление литературного языка чешской нации // Национальное возрождение... С.67.
- 15 Матеевичик А. Ян Геркель и его идея славянского литературного единства // *Ludovít Stúr und die slawische Wechselseitigkeit*. Bratislava, 1969. S. 27–31.
- 16 Подробнее см.: Широкова А.Г., Нещименко Г.П. Указ. соч. С. 61, 70.
- 17 Плотникова О.С. Становление словенского литературного языка в период национального возрождения // Национальное возрождение... С. 347.
- 18 Jakopin F. Ruske izposojenke v slovenščini // *Jezik in slovstvo*. Ljubljana, 1975/1976. № 4. S. 134.
- 19 Prelog M. *Slavenska Renesansa*. Zagreb, 1927. S. 154.
- 20 Матула В. Людовит Штур. Братислава, 1956. С. 61.
- 21 Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970. С. 46, 47.
- 22 Штур Л. Славянство и мир будущего // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1867. Т. 3. Кн. 3. С. 150, 176–179, 189.
- 23 Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Т. 3. С.141.
- 24 Чуркина И.В. Общественные, научные и культурные связи славян Австрийской монархии и России // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VII международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 198, 199.
- 25 Ламанский В.И. Из записок о славянских землях // Отечественные записки. СПб., 1864. Кн. 2. С. 683.
- 26 Slovenski narod. Ljubljana. 1869. 7. IX.
- 27 Толстой Н.И. О последней попытке применения "общеславянской азбуки" к словенскому литературному языку // Проблемы современной филологии. М., 1965. С. 263.
- 28 Majar M. *Pravila kako izobraževati ilirsko narečje i u obče slavenski jezik*. Ljubljana, 1848.
- 29 Slovenska bćela. Celovec. 1851. I. VII. S. 9.
- 30 Slovenska bćela. 1850. X. S. 126.
- 31 Čurkina I. Matija Majar-Ziljski. Ljubljana, 1974. S. 79.
- 32 Григорьев В.П. Бодуэн де Куртенэ и интерлингвистика // И.А.Бодуэн де Куртенэ. К 30-летию со дня смерти. М., 1960. С.58.

В.П. Грачев

ИДЕЯ СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ
В ПЛАНАХ СОЗДАНИЯ СЛАВЯНО-СЕРБСКОГО ГОСУДАРСТВА
НА БАЛКАНАХ В НАЧАЛЕ XIX в.
И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ

В зарубежных славянских землях и в России истоки идеи славянского единства начинают отчетливо прослеживаться в трудах некоторых общественных, политических и церковных деятелей второй половины XVII – начала XVIII в. Известный российский историк Н.И. Костомаров не без основания полагал, что идея славянской взаимности впервые была обоснована в сочинениях хорватского писателя и политического деятеля второй половины XVII в. Юрия Крижанича. "Что касается до всеславянской идеи, – пишет Костомаров, – то ни у кого она не была выражена с такою любвию и полнотою. Крижанич первый искал будущего центра славянской взаимности в России, но вместе с тем он не впадает в политические утопии, не мечтает о всеславянском царстве под московским скипетром, не подвигает царя к нелепой мысли о завоевании славян, напротив, хочет достигнуть этого желанного единства путем сближения духовного, поставивши племенное начало руководящую нитью, требуя предпочтения славян другим иноземцам, хочет, чтобы все славяне признаваемы были за единый народ помимо всяких различий, условливаемых церковными и государственными связями". По словам Костомарова, в работах Ю. Крижанича идея славянской взаимности "была еще в зародыше", более того, "ее заглушили надолго печальные судьбы славянских народов, подвергнувшихся после Крижанича еще большему порабощению от иноплеменников". Поэтому эта идея "стала входить в историческую жизнь только в XIX в. и скоро уклонилась в различные

пути, как неизбежно бывает со всеми историческими задачами". Но как бы ни расходились между собой идущие по этим различным путям, продолжает Костомаров, "обратясь назад, они увидят в Крижаниче своего общего патриарха и найдут в его думах источник для своего примирения. То, что заявил Крижанич, остается в главной своей мысли неизменной истиной: только Россия – одна Россия может быть центром славянской взаимности и орудием самобытности и целости всех славян от иноплеменников, но Россия просвещенная, свободная от национальных предрассудков, Россия – созидающая законность племенного разнообразия в единстве, твердо уверенная в своем высоком признании и без опасения с равною любовию представляющая право свободного развития всем особенностям славянского мира, Россия, предпочитая жизненный дух единения народов мертвящей букве их насильственного временного сцепления"¹.

Характеризуя бедственное положение болгар, сербов, хорватов и других славянских народов, находившихся в середине XVII в. в составе Османской и Австрийской империй, Ю. Крижанич в 60-х годах XVII в. обращал внимание на то, что эти народы "давно уже потеряли не только свое государство, но и всю свою силу, язык, разум", и поскольку они "не могут сами себе помочь, то им нужна внешняя сила, чтобы стать на ноги и занять место в числе (свободных. – В.И.) народов". Взвывая по этому поводу к русскому царю Алексею Михайловичу, Крижанич писал: "Ты, царь, если не можешь в настоящее тяжелое время пособить им поправиться совершенно и привести к прежнему бытию их государства, то по крайней мере можешь исправить их славянский язык и открыть им умственные очи 'природные своими книгами, чтобы они познали свое достоинство и стали бы думать о своем восстановлении"².

Русский царь откликнулся на это обращение. Из текста жалованной грамоты царя Алексея Михайловича от 25 января 1663 г. сербскому Успенскому монастырю Студеница видно, что зимой того же года в Москву прибыли архимандрит Студеницкого монастыря Неофит с братией, которые "били челом" российскому государю и просили дать их монастырю жалованную грамоту с "красною печатью", позволяющую впредь приезжать в Москву архимандритам и монахам Сту-

деницкого монастыря, чтобы "бить челом о милостях". Удовлетворяя просьбу сербских монахов, царь повелел" "Приезжать в пятый год двум или трем человекам... из того монастыря архимандритам и старци с сею... царского величества жалованною грамотою" в Москву. Во время приезда студеницких монахов в Россию боярам пограничных (украинных) городов, воеводам и приказным людям, по словам жалованной грамоты, надлежало "пропускать без задержания" прибывших монахов, "подводы и корм и приставов им велети давать против иных таких монастырей" и т.д.³. В июле 1686 г. во время приезда в Москву сербского архимандрита Студеницкого монастыря Василия "с братиею" российские государи, цари и "великие князи" Иоанн, Петр и Софья подтвердили вышеназванную грамоту Алексея Михайловича и "указали впредь быть во всем по тому как в то отца их... жалованной грамоте написано". За малолетством Иоанна, Петра и Софьи грамоту подписал дьяк Емельян Украинцев⁴.

В 1692 г. царь Петр I подписал указ о ежегодном пожаловании монастырю Студеница 35 руб., которые периодически пересыпались до 1758 г. Поскольку в последующие годы Студеницкий монастырь не имел возможности получать эти деньги, то в 1811 г. прибывшему в Петербург архимандриту Студеницкого монастыря Мелентию со свитой были переданы причитавшиеся им деньги за истекшие 53 года⁵.

Аналогичные просьбы и обращения к российским государям в течение всего XVIII в. время от времени направлялись сербскими церковными деятелями из Османской и Австрийской империй, а также из Черногории. Например, по просьбе сербского митрополита Моисея Пётровича царь Петр I послал в Австрию Максима Суворова, который в 1726 г. в Сремских Карловцах организовал начальную школу, ученики которой обучались по учебникам, присылаемым из России.

Во второй половине XVII–XVIII в. международная ситуация в Европе и на Балканах позволяла правительству России и русской православной церкви поддерживать связь с южными славянами в основном в сфере культурно-просветительных и церковных отношений. Из России южным славянам посыпались небольшие суммы денег, книги, иконы и прочая церковная утварь для православных храмов и монастырей. В Петербург иногда приезжали депутатии южнославянских народов⁶.

Связи России с христианами Османской империи чаще всего активизировались накануне, во время и после русско-турецких войн XVIII в. Заинтересованное в привлечении христиан из балканских владений Порты для борьбы с угнетателями южных славян, правительство России выделяло значительные суммы денег для формирования отрядов наемников из числа сербов, болгар, черногорцев, греков. После заключения мира с Портой большинство этих отрядов оставалось в России, впоследствии из них создавались особые военизированные поселения, располагавшиеся по границе с Османской империей. Например, в мае 1727 г. из небольших отрядов сербских наемников был создан особый сербский гусарский полк. В начале в полку числилось не более 340 человек. В его задачу входила охрана русско-турецкой границы. Рядовым гусарам и офицерам выплачивалось жалование в размере, которое они получали, находясь на австрийской службе⁷. Аналогичные военизированные поселения создавались из болгар и греков⁸.

Предпосылки национально-освободительного движения у южных славян, прежде всего у сербов, сформировались на рубеже XVIII–XIX вв., когда в результате французской революции 1789 г. и наполеоновских войн была разрушена прежняя система международных отношений в Европе, а Порта переживала всеобъемлющий внутренний кризис, с углублением которого она все больше и больше утрачивала контроль над событиями в своих балканских владениях.

В такой критической ситуации в Белградском пашалыке Османской империи, где тогда проживало около 100 тыс. сербов, до 40 тыс. турок и более 50 тыс. человек других национальностей, в начале XIX в. возник один из наиболее острых в империи конфликтов между сербским населением и янычарами. Недовольные проводимыми султаном Селимом III реформами белградские янычары подняли мятеж против центральных властей и белградского паши. Захватив власть в Белградском пашалыке, четверо янычарских командиров (дахиев) отменили все данные сербскому населению Портой в 90-х годах XVIII в. привилегии и стали истреблять наиболее влиятельных сербских старшин (кнезов). В ответ на это сербы в начале 1804 г. восстали против тиранического правления дахиев. Поскольку у Порты к тому времени не нашлось достаточных сил и политической воли для восстановления

в Белградском пашалыке законного порядка, восстание сербского населения против мятежных янычар постепенно стало приобретать характер борьбы за предоставление ему автономных прав в составе Османской империи. Опасаясь, что это движение будет поддержано сербами, живущими на территории Австрийской империи, Австрия и особенно Франция летом 1804 г. потребовали от Порты, чтобы она задушила в зародыше опасное движение. В связи с этим предводители сербского восстания и иерархи сербской православной церкви в Австрии обратились к правительству России с просьбой помочь сербам добиться самоуправления. Однако в их обращениях не было единства взглядов ни на стратегию, тактику и конечные цели движения, ни на характер помощи, которую могла бы оказать сербам Россия. В частности, епископ из австрийской провинции Бачка Йован Йованович в письме от 14 октября 1804 г. просил российского царя Александра I дать сербам деньги, оружие и боеприпасы для вооружения 500-тысячного войска, состоящего из сербов, болгар и валахов. Он предлагал также, чтобы русское войско вступило в пределы балканских владений Порты, и обещал, что после этого к нему присоединится все повстанческое воинство, сформированное из вышеназванных народов. Образованное в ходе освободительной войны славянское государство на Балканах, по словам Й. Йовановича, должно принять "вечное подданство и покровительство" России. Во главе него епископ Бачки предлагал поставить брата царя Александра I Константина Павловича, на которого будет возложена корона сербского царя Стефана Душана, правившего в Сербии в середине XIV в.⁹.

Понимая утопичность подобных предложений, Министерство иностранных дел России сочло излишним давать на них какой-либо определенный ответ и рекомендовало петербургскому митрополиту Амвросию отозваться на это послание Й. Йовановича письмом, "составленным из генеральных выражений"¹⁰.

С большим вниманием петербургский двор и министерство отнеслись к посланию главы сербской православной церкви в Австрии митрополита Стефана Стратимировича, которое в июле 1804 г. было тайно переправлено из Вены в Петербург. Во вводной его части Ст. Стратимирович на примерах из русской истории стремился доказать несостоятельность так называемого "греческого проекта" Екатери-

ны II и, опираясь на идею славянской взаимности и религиозной общности, обосновывал взаимовыгодность политического союза России с сербским народом. "Несть народа в поднебесной, – писал он, – который бы толико любовь и наклонение к русским и российским государям имел, яко же сербский восточного православного исповедания народ. Они едины языком, благочестием, книгами закона, образом благоговения равные славяне, благочестивые с русскими суть". Сербы, по словам митрополита, "единую надежду и ожидание в России всегда имели и днес имеют". Валахи, молдаване и греки, напоминал Стратимирович, уже ощутили на себе благотворное заступничество и покровительство российских государей, и только сербы до сих пор остаются в забвении, хотя они, как сказано в послании, "и благочестием, и языком, и кровию, и усердием... ближе всех прочих" к русским. Согласно предложенному митрополитом плану, восставшие сербы в первую очередь должны обрести "политическую жизнь" и, не выделяясь из состава Османской империи, установить с Россией "желающее политическое содружество". Этих целей, полагал Ст. Стратимирович, сербам следует добиваться мирным путем при дипломатической поддержке со стороны России: русский царь, как союзник Турции, сможет лучше убедить султана в том, чтобы тот отпустил сербов "в независимость и под защищение России". Россия за это должна гарантировать Порте целостность ее владений в Азии. После образования славяно-сербского государства, полагал митрополит, со временем в его состав должны будут войти и те сербы, которые расселились по берегам Адриатического моря, в междуречье Дуная и Савы, а также в других областях Австрийской империи. Наиболее приемлемой формой государственного строя славяно-сербского царства, по мнению Стратимировича, была бы монархия, во главе которой должен стать либо один из братьев Александра I, либо его зять из немцев, либо, в крайнем случае, шурин русского царя. "Воздвижение нового Сербского государства будет полезно не только для России, но и славно за весь славянский род". Ради этого великого дела, заключает свое послание Стратимирович, не могут быть чрезмерными ни "величайший труд", ни "величайшее иждевение" со стороны России¹¹.

По получении послания Ст. Стратимировича в Петербурге товарищ министра иностранных дел России А.А. Чарторыйский передал его В.Н. Каразину, который ранее занимался изучением положения дел в Сербии. Признавая перспективность интерпретации идеи славянской взаимности в послании сербского митрополита, Каразин писал Чарторыйскому: "Никогда еще не было... более благоприятного времени для такого великого предприятия, которое, не создавая пагубных препятствий для цивилизованных государств, сохраняя даже господство турок... почти без пролития крови, через 5–10 лет сможет непременно основать царство славян, чтобы посадить на трон одного из августейших братьев Александра". Каразин рекомендовал сербам направить в Константинополь депутатию, которая изложит там требования сербских повстанцев. Их требования должен поддержать российский посланник в Турции А.Я. Италинский. Независимо от ответа Порты сербы, по мнению Каразина, могли бы приступить к организации административного (правительствующего) совета, который будет функционировать в качестве верховного органа власти повстанческой Сербии¹².

А. Чарторыйский, в свою очередь, также рекомендовал царю поддержать намерения сербских повстанцев и предложил свой план дипломатической поддержки перед Портой сербских требований. План Чарторыйского был одобрен Александром I и сразу же, с конца 1804 г., стал реализовываться в конкретных акциях российской дипломатии¹³. Для координации совместных действий сербских повстанцев с российскими дипломатами в Турции и Австрии сербские депутаты просяли направить в Сербию одного из русских представителей. Свои услуги на этот пост одними из первых предложили упомянутый выше В.Н. Каразин и А.А. Самборский, до лета 1804 г. бывший настоятелем церкви при русском посольстве в Вене; он хорошо знал положение в Сербии и был связан со многими влиятельными церковными и политическими сербскими деятелями в Турции и Австрии. Самборский, так же, как и Ст. Стратимирович, придавал большое значение идеи славянской общности, особенно в сочетании ее с единством православной веры. Единоверие православных славянских народов, писал он в записке царю от 22 марта 1806 г., является тем связующим фактором, который не может быть разрушен ни огнем, ни мечом, ни мно-

говековым иноземным игом. Сербы и другие православные народы Турции и Австрии, уверял Самборский царя, связывают свои надежды на освобождение только с Россией и верят в то, что это время уже настало. Их уверенность в этом поддерживалась теми "духовными дарами", которые были пожалованы церквам и монастырям российскими монархами в прошлые времена. "С удивлением взирал я, — пишет Самборский, — с каким благоговением хранят они в своих православных церквях священные дары сии. Яко то: сребренную позлащенную утварь и одежды для священников, а при том и книги для молитвословия". В этой же записке Самборский просил Александра I оказать помощь сербским повстанцам и направить к ним честных и благоразумных чиновников для создания органов государственной власти. "Если это гуманное и христианское дело потребует от меня какое-либо содействие, — пишет он, — то я готов пожертвовать своей жизнью"¹⁴.

Идя навстречу просьбам сербских депутатов, рекомендациям влиятельных российских политиков и церковных деятелей, Александр I 30 апреля 1806 г. написал личное письмо султану, в котором убеждал Селима III не применять карательных мер против сербских повстанцев, и распорядился отправить им 6 тыс. червонных¹⁵.

Идея славянской взаимности была использована и в проектах российских политиков, которые в 1807 г. заявляли о противоестественности тильзитских соглашений Наполеона I и Александра I. В частности, в одной из записок чиновника МИДа России С.М. Броневского от 27 августа 1807 г. утверждается, что Европейский континент разделяется между двумя "весьма различными расами людей — славянами и франками". Франция является центром франкских народов, а Россия — "моральный центр славян, которые страдают повсюду под чужеземным игом... и ждут гения-освободителя". Россия — слабее союза франков, следовательно, делает вывод автор записи, ей выгодно объединить славян. "Доверие, которое оказывают нам эти великолодушные народы, — поясняет он, — есть священный клад, ключ от которого должен быть передан потомству". Если восставших сербов поддержат славяне Хорватии, Венгрии и Трансильвании, то всеобщее восстание славян, по убеждению Броневского, могло бы изменить политическую ситуацию в Европе. Он считал, что Россия не должна

отказываться от союза "с миллионами людей, полных решимости обеспечить себе политическое существование под ее покровительством". По его понятию, союз со славянскими народами надежнее союза с Францией, поскольку сама природа указывает на то, что франки должны объединиться в Рейнскую федерацию, а раздробленные по всей Европе славяне — в славянскую конфедерацию. "Эти основные принципы неколебимы, — пророчествует в заключение Броневский, — и как бы долго их не откладывали, они в один прекрасный день должны осуществиться согласно неумолимому ходу событий"¹⁶.

Этому предсказанию не суждено было сбыться, да и проект Броневского не был одобрен царем.

Фактор славянской взаимности в течение всей первой трети XIX в. продолжал занимать важное место во взаимоотношениях России с южными славянами. Он сыграл заметную позитивную роль при заключении с Турцией Слабодзейского перемирия в 1807 г. и особенно при заключении Бухарестского мира в мае 1812 г. В частности, статья VIII Бухарестского трактата стала первым международно-правовым основанием для возобновления борьбы сербов за независимость и создание своей государственности при поддержке России после подавления сербского восстания в 1813 г.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что идея славянской взаимности возникла не в России, она была выстрадана в среде рабочих славянских народов Османской и Австрийской империй. Эта идея вынашивалась и формировалась веками на основе традиционных представлений об этнической близости славянских народов, догматов православия и веры в помощь сильного и влиятельного Российского государства.

С появлением на рубеже XVIII–XIX вв. первых признаков национально-освободительного движения на Балканах идея славянской взаимности выходит за пределы культурно-просветительных и церковных связей и вторгается в область политических отношений, поднимаясь на качественно новую ступень развития. Об этом свидетельствуют как планы создания славяно-сербского и славяно-черногорского государств, так и предложения о заключении политического союза с Россией, которые исходили из лагеря сербских повстанцев и от представителей сербской православной церкви. Проводниками и

активными пропагандистами "славянской идеи" были российские дипломаты в Турции и Австрии, а также некоторые чиновники Министерства иностранных дел России, в особенности А. Чарторыйский.

Поскольку авторы вышенназванных планов и предложений не всегда взвешенно учитывали соотношение сил в сфере международных отношений и возможности Российского государства, петербургский двор относился к ним с большой осторожностью. И, тем не менее, в отличие от Франции и Австрии, которые во всех сферах активно противодействовали проявлению фактора славянской взаимности, правительство России в первой трети XIX в. старалось поддерживать национально-освободительное движение на Балканах в той мере, в какой оно не противоречило общему курсу его европейской политики.

Примечания

¹ Костомаров Н.И. Юрий Крижанич // Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1991. Кн. 2. С. 457.

² Там же. С. 446–447.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 92. Д. 728. Л. 2–4. (Копия грамоты царя Алексея Михайловича сербскому Успенскому монастырю Студеница от 25 января 7171 г. (1663 г.).

⁴ Там же. Л. 5. (Копия грамоты Иоанна, Петра I и Софьи сербскому Успенскому монастырю Студеница от 7 июля 1686 г.)

⁵ Там же. Л. 11–18. (Определение правительствуемого Синода от 18 августа 1811 г.).

⁶ Политические и культурные отношения России с югославянским землями в XVIII в. М., 1984. С. 62, 63, 69, 74, 75, 77–85.

⁷ Там же. С. 76–77.

⁸ Подробнее об этом см.: Михнева Р.А. Русско-турецкие отношения в 40–50-х годах XVIII в. и их место во внешней политике России. М. 1980.

⁹ Епископ Бачки Й. Йованович – Александру I, 14 (26) октября 1804 г. // Политические и культурные отношения... С. 399–401.

10 Доклад А.Чарторыйского Александру I, не позднее 27 января 1805 г. // Первое сербское восстание (1804–1813 гг.) и Россия. М., 1980. Кн. 1. С. 84–85.

11 Ст. Стратимирович – Александру I, не позднее 14 июня 1804 г. // Политические и культурные отношения... С. 401–407.

12 АВПРИ, Ф. Канцелярия, 1804. Д. 5074. Л. 12. (В.Н. Каразин – А.Чарторыйскому, 21 ноября. 1804 .); Там же. Л. 7 (Проект В.Н. Каразина от 28 ноября 1804 г.).

13 Доклад А.Чарторыйского Александру I, не позднее 28 ноября 1804 // Первое сербское восстание... Кн. 1. С. 66–67. Подробнее об этом см.: Грачев В.П. Начальный этап русской политики в отношении Первого сербского восстания 1804–1813 гг. // Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804–1813 гг. Београд, 1983. С. 184–202; Он же. Балканские владения Османской империи на рубеже XVII–XIX вв. М., 1990. С. 148–149.

14 АВПРИ, Ф. Канцелярия. Министерство, 1806. Д. 7891. С.53–56 (Записка А.А. Самборского Александру I, 22 марта 1806 г.).

15 Александр I – Селиму III, 30 апреля 1806 г. // Первое сербское восстание... Кн. 1. С. 240.

16 АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1807. Д. 9, Л. 2–10 (Записка С.М. Броневского от 27 августа 1807 г.) О личности С.М. Броневского см.: Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. М., 1980. С. 79–80.

И.С. Достоин

ПАНСЛАВИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ
В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
НАЧАЛА XIX в.

В 1878 г. А.Н. Пыпин опубликовал в "Вестнике Европы" (кн. 9–12) обширную статью "Панславизм в прошлом и настоящем"¹, в которой обобщил накопленный к этому времени большой фактический материал относительно идей славянской общности, славянской взаимности, политического панславизма. Под влиянием русско-турецких войн, европейских событий, начавшегося в 1804 г. восстания сербов, писал Пыпин, в первые годы царствования Александра I в России среди узкого круга образованных, политически активных деятелей стали появляться мысли о восстановлении национальной независимости славянских народов, о союзе с ними, "о будущем могуществе славянского народа в соединении с Россией, под ее охраной и предводительством", а русское правительство начало вводить славянские народы в свои "политические и военные комбинации". Эти заключения о появлении в России политического панславизма автор подкрепляет подробным изложением письма В.Н. Каразина, адресованного в 1804 г. фактическому руководителю российского МИДа А. Чарторыйскому, записки Броневского о создании славянской федерации, написанной вскоре после заключения Тильзитского мира, и проекта так называемой адриатической экспедиции против Франции, которую намеревалася осуществить командующий Дунайской армией адмирал П.В. Чичагов незадолго до начала Отечественной войны 1812 г.

Факты, приведенные Пыпиным, много лет спустя использовались иностранными авторами для характеристики русского панславизма начала XIX в. Опубликованная в 1949 г. в Англии, а позднее в США книга Франка Фаднера называется "Семьдесят лет панславиз-

ма в России: от Каразина к Данилевскому². В ней, как и в некоторых других работах на ту же тему (например, Б. Петровича³), повторяются материалы и факты, заимствованные у Пыпина, когда речь идет о начале XIX в.

Но есть ли достаточные основания утверждать, что Василий Назарьевич Каразин положил начало идеи политического единения славянских народов, как считал Фаднер? Этот известный общественный и научный деятель отличался сложным и противоречивым мировоззрением. В его произведениях⁴ не заметно специального внимания к проблемам славянства. В упомянутом письме к Чарторыйскому Каразин доказывал необходимость оказать военную помощь восстанию сербов и после победы над Турцией основать большое сербское государство – "Царство словен", на престол которого восседает один из братьев Александра I. Но этот проект был следствием некоторых личных и отчасти случайных обстоятельств жизни Каразина: в 1804 г. он тесно общался с несколькими находившимися в России сербскими деятелями, по всей вероятности, узнал от них о политических требованиях предводителей повстанцев, о записке, направленной карловицким митрополитом Ст. Стратимировичем царю (он, по существу, повторил требования и идеи митрополита о создании "славено-сербского царства"). К тому же Каразин после увольнения из Харьковского университета и материальных затруднений надеялся найти в Министерстве иностранных дел новое поприще для своей деятельности – он рассчитывал получить назначение в Сербию в качестве русского эмиссара⁵.

Как теперь установлено, автором проекта 1807 г. о создании в противовес Рейнскому союзу Наполеона славянской федерации под обоюдным протекторатом России и Франции был не Владимир Богданович Броневский – известный писатель, автор книг об экспедиции адмирала Д.Н. Сенявина в Средиземное море в 1805–1807 гг., а его односельчанин, чиновник МИДа Семен Михайлович Броневский. В своей записке он также уделял большое внимание сербским делам и выражал желание получить назначение в Сербию⁶.

Внешнеполитические проекты и предложения такого рода были порождены как бы внешними обстоятельствами – тяжелой международной обстановкой времени наполеоновских войн, Первым сербским

восстанием, личными интересами, но были слабо связаны с общим мировоззрением Каразина и, вероятно, Броневского, не являлись следствием их специального интереса к славянской идее, к задаче политического единения славянских народов. С гораздо большим основанием первыми русскими политическими панславистами можно назвать двух деятелей начала XIX в.: дипломата и философа, первого директора Царскосельского лицея Василия Федоровича Малиновского и безвестного отставного майора Александра Полева,

О философских и общественно-политических взглядах Малиновского написано уже немало, публиковались его труды. Это был оригинальный мыслитель, просветитель-демократ, близкий по взглядам к христианским социалистам-утопистам. В 1803 г. он опубликовал книгу "Рассуждение о мире и войне", в которой доказывал, что войны завоевательные бедственны для человечества, для народов Европы, и только положив им конец, люди придут к благоденствию и процветанию. Во второй части трактата выдвигалась идея создания "общего союза Европы" с принятием всеми его членами законов международного права, с общим советом представителей всех европейских народов⁷. "Рассуждение..." явилось непосредственным откликом на происходившие события, на начало французских завоеваний. Вместе с тем в книге чувствовалось влияние французских энциклопедистов и просветителей, теории "естественного права" Ж.-Ж. Руссо, проектов о "вечном мире" И. де Сен-Пьера, И. Канта, И.Г. Фихте⁸.

Сравнительно недавно стало известно о существовании третьей, не опубликованной Малиновским, части "Рассуждения о мире и войне"⁹. Ее Малиновский в апреле 1804 г. направил А. Чарторыйскому¹⁰. В этой рукописи описывалось внутреннее устройство "общего союза Европы", который будет состоять не из уже существующих государств, а из совершенно новых политических объединений, созданных по принципу осуществления права каждого народа на национальную свободу и политическое самоопределение. Политические перемены должны были сочетаться с коренными социально-экономическими преобразованиями – наделением всех граждан каждого нового государства землей по эгалитарному принципу. Автор ополчается на правящие в Европе династии, которые разделяют народы между собой "по наследию владычествующих", делают их орудием своих интересов: крупные державы держат в своем подчинении, угнетают малые

народы. Он осуждает политическое раздробление Италии и Германии и, в особенности, национальное угнетение народов Центральной и Юго-Восточной Европы. "Благоденствије столь многих народов препятствуют токмо две империи – Турецкая и Австрийская. Они похищают власть народов, им самим принадлежащую, чтобы делать их орудиями войны", – пишет Малиновский. Национальная государственность провозглашается им главным принципом будущей политической организации Европы, и из этого вытекают его конкретные предложения¹¹.

Доказывая, что каждый народ имеет право на политическое самоопределение, Малиновский исходит из достаточно реальных представлений о структуре европейского общества, состоящего из народов, или "языков", объединяющихся в этнические группы (например, славянство, германские народы). Все они "по непрерывному между собою сообщению" составляют "одно общество" Европы. Учитывается и проблема малых угнетенных европейских народов, "которые долговременным порабощением смешались с господствующими и разделились между собой, и умалились, и унизились до того, что составляют только простой народ в своей земле. Господа их – из людей соседнего народа". Немало таких народов, не имевших своего феодального класса, политически и административно разделенных, жило в Юго-Восточной и Центральной Европе. Внимание Малиновского, как гуманиста, привлекла и их дальнейшая судьба.

На таких соображениях основывались общие принципы нового политического устройства Европы. "Область", населенная одним народом, становилась низшей государственной единицей. Она обладала самостоятельностью во внутренних делах, но не во внешних сношениях. Следующей ступенью являлись "державы", объединяющие этнические группы народов, такие, как союз народов славянских, объединенные Германия и Италия, союз народов Пиренейского полуострова. В этих федеративных объединениях при самостоятельности каждого народа будет "одно общее собрание для внешних дел, и там будут располагать и решать оные, подобно как соединенные Нидерланды Голландской республики или Американские, посылая от каждой области своего полномочного...", – говорилось в "Рассуждении..." "Общее европейское собрание", состоящее из полномочных представителей всех "держав", должно выступать арбитром в отношениях "областей" и "держав", друг с другом, решать общеевропейские проблемы¹².

Нет сомнения, что все эти идеи Малиновского о самоопределении и равноправии больших и малых народов и государств, о федеративном устройстве Европы не были самостоятельными, на них оказали большое влияние взгляды европейских мыслителей XVIII в. и в особенности знаменитый трактат И. Канта "К вечному миру" (1795), но в русской общественной мысли они были выражены впервые. К тому же в "Рассуждении..." конкретно намечалось политическое устройство Европы, исходившее из федеративного принципа и трехступенчатой структуры.

Наиболее подробно рассматривалась Малиновским задача освобождения от чужеземной власти народов Юго-Восточной и Центральной Европы. В главе "Освобождение народов" он писал: "Каждый народ имеет право сам собою управляться, покоряясь токмо во внешнем своем отношении общенародным законам. Турки пускай и управляют турками – они знают друг друга лучше: одни свойства, обычаи и язык; но они не умеют управлять ни славянами, ни греками, они только утешить их умеют, тиранствовать над ними". Освобожденные от власти Порты народы составят свои "области", которые объединятся в "державы". Одной из них будет "держава славено-российского народа". В нее кроме южных славян войдет Богемия, "которая сама собою лучше управится, составляя отдельную область славянских народов, своих единоплеменников". Далее рассматривалась судьба польского народа: "По языку своему поляки суть единоплеменные с Россиею и потому должны составить отделение российского языка – среднего между славянским (вероятно, так выражена мысль, что польский народ – "язык" – составляет свою ветвь славянских народов. – И.Д.). Две отдельные части Польши должны соединиться с 'третьею, принадлежащею России, и составить один славяно-российский язык, управляющийся главными отделениями по местоположению и различию. Итак, не одна Австрия и Турция должны лишиться насилиственно присвоенных народов, но и Пруссия также должна дать свободу полякам и удовольствоваться вместо подданства союзом и соседственную дружбою"¹³.

Таким образом, по замыслу Малиновского значительную часть Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы займет союз славянских народов, состоящий из ряда национальных единиц ("областей"): России, славянских народов, освобожденных от власти Осман-

ской империи и Австрии, воссоединенной в одну "область" Польши. С этим союзом славянских государств будут соседствовать греческая федерация, объединенная Германия, Венгрия, Дунайские княжества как самостоятельные "державы".

Как видим, славянская федерация фигурирует у Малиновского как равноправный член Союза Европы в ряду других государств ("держав"). Последние нередко объединяют народы этнически более близкие, чем славяне, но политически разъединенные (например, немцев, итальянцев, греков), что, возможно, отражало уровень знаний по этнологии Европы в начале XIX в. Бросается в глаза, что славянская федерация значительно превосходит по величине все другие европейские державы, ибо в состав ее входит вся Россия. "При общем мире, — говорится в трактате, — прибавится и внешняя сила России присоединением единоплеменных народов"¹⁴. Но о каких-либо общественно-политических преобразованиях в самой Российской империи полностью умалчивается, в том числе и о праве на самоопределение входящих в ее состав неславянских народов. Можно предположить, что, обращаясь к руководителю российского МИДа, Малиновский не рисковал или считал неуместным затрагивать эти сложные проблемы. Он намечал общеевропейские преобразования, которые должны были установить прочный мир, предотвратить дальнейшее развертывание экспансии наполеоновской Франции. Принцип предоставления каждому народу, в том числе славянам, права на самоопределение должен был противостоять порабощению одного народа другим.

Нет нужды говорить об утопичности и наивности всех этих идей, возникших под воздействием сложной международной обстановки начала наполеоновских войн. Хочется подчеркнуть, что замыслы Малиновского вытекали прежде всего из его общего демократического мировоззрения, отражали его заинтересованность в улучшении судьбы славянских и других европейских народов, потерявших государственную самостоятельность.

Но выражая патриотические чувства, Малиновский не избежал и великодержавных устремлений, что наглядно проявилось в статье "Любовь России", опубликованной в 1803 г. в издававшемся им журнале "Осенние вечера". Там прямо говорится, что "слава и могущество" России не только в ней самой, но и в ее связи и союзе со славянски-

ми народами. "Она славна и велика и страшна всем врагам своим. От Балтийского залива и Камчатского моря между Азией и Америкой до Средиземного — одно племя славено-руссов: в Болгарии, Славонии, Венгрии, Далмации — и все это наши любезные сограждане! И еще вся Греция своею православною верою к нам привязана — или сыны России не умеют защищать их, не сильны или не храбры?" — патетически восклицает автор.

Прочтя эти строки, можно заключить, что в 1803 г. В.Ф. Малиновский уже достаточно ясно сформулировал основные идеи славянской общности, политического панславизма, в которых великодержавность сочеталась с оборонительными задачами, с признанием права каждого народа, большого и малого, на свободу и государственное самоопределение.

Прошло несколько лет, антинаполеоновские коалиции терпели поражение за поражением, Тильзитский мир унизил Россию, а континентальная блокада сковала ее экономику, в стране назревало общественное недовольство. В это время (по-видимому, в 1808 г.) в Москве, а затем в Петербурге появился новый приверженец единения славянских народов и единоверных греков для сокрушения "всемирного властителя" — Наполеона. Это был отставной майор Александр Полев. О его деятельности не знал А.Н. Пыпин, не упоминали исследователи русской общественной мысли начала XIX в. Лишь московский старожил Д.И. Свербеев, вспоминая о своем детстве, рассказал, как в доме отца часто бывал этот "замечательный чудак". "С восторженным исступлением постоянно говорил он о единоверных нам греках и единокровных славянах, писал и читал множество проектов об их освобождении от турецкого, австрийского и тогдашнего французского ига (в Иллирии и на Ионических островах), представлял различные планы к их вооружению и нашему с ними теснейшему союзу против замыслов угнетавшего тогда всю Европу, а вместе с нею и нас, Наполеона I", — писал Свербеев, увидевший в Полеве предтечу славянофилов¹⁵.

Сочинения Полева, его философско-нравоучительные трактаты, внешнеполитические проекты и предложения, которые он на протяжении 1806–1812 гг. направлял ряду государственных деятелей России и самому Александру I, сохранились в архивах и позволяют охарак-

теризовать его взгляды, идеи и даже практическую деятельность, связанную с их осуществлением¹⁶. Среди рукописей Полева встречаются литературные опусы со славянскими сюжетами из языческих времен ("Световид, славянская повесть", "Разговор Световида с начальником его Владисаном"), но большая часть его сочинений посвящена общественно-политическим вопросам или внешнеполитическим задачам России.

Полев ненавидит наполеоновскую Францию и исступленно доказывает, что существует грандиозный заговор против России то ли тайных религиозных сект, то ли масонских лож и иллюминатов. Эти "братья всемирного царства" и их адепты стараются "расслабить дух русских", довести Россию до революции, установить власть "всемирного властителя" – Наполеона. Заключенный с ним союз гибелен для России, приведет к "игу хуже татарского". Рисуя мрачную картину положения в стране, А. Полев доказывает необходимость ряда преобразований, таких, как "уступка поселянам части помещичьих выгод", "отречение помещиков от торговли людьми", снятие вновь наложенных на народ податей, возвращение к употреблению "отечественного языка", всеобщее вооружение дворянства, развитие купечества и промышленности, что приведет к изобилию. Русские, особенно юношество, должны воспитываться в духе патриотизма, пишет Полев, высокой нравственности и православия, чтобы уподобиться своим великим славянским предкам времен Олега и Игоря. Все это "сблилит состояния", возрожденная к новой жизни Россия станет прочной и могущественной¹⁷.

Как известно, в первый период царствования Александра I немало государственных деятелей выступало в качестве сторонников проведения прогрессивных общественно-политических реформ в России. Не обошел эту тему и Полев. Уничтожение хотя бы наиболее вопиющих форм крепостничества и другие преобразования представлялись ему непременным условием, предпосылкой грандиозной политической перестройки Европы. Именно этому посвящено большинство его трактатов.

Россия, став внутренне сильным, благоденствующим государством, доказывал Полев, сможет "объединить себя с племенами своего

народа", со славянами, населяющими громадные территории от гор Карпатских до Уральского хребта, от моря Балтийского до Адриатического и Черного¹⁸. Сдно из государств, входящих в "Великий союз племен славянских", должно включить в свой состав земли, населенные балканскими православными славянами, и им будет управлять предводитель сербского восстания Георгий Черный (Карагеоргий). Польское королевство объединит всех славян католического вероисповедания. Кроме Польши (в границах IX–XII вв.) к нему присоединятся Силезия, Богемия, Моравия, Лузация (Лужицкая Сербия). Королем этого государства провозгласит себя Александр I. Возвратив полякам "их имя", их королевство, царь положит конец неприязни, которую они питают к России после разделов Речи Посполитой¹⁹.

Замысел создания союза России с "племенами своего народа" представлялся Полеву взаимовыгодным. Эти народы в войне с拿аполеоновской Францией станут главными помощниками, опорой России, а она поможет славянам освободиться от чужеземной власти "не для нового порабощения, но для возвращения свободы", будет оказывать им "суд правый и покровительство бескорыстное"²⁰. По-видимому, "Славянский союз" представлялся ему как объединение нескольких внутренне самостоятельных государств на федеративной основе. Но равноправия в таком союзе не могло быть, ибо покровительство и какие-то верховные права принадлежали России, к тому же связанной с государством католических славян династическими узами.

Полев полагал, что примеру сербов, получивших свою свободу, последуют и венгры: они выступят на стороне России в войне с Францией, после победы над которой Европа преобразится – кроме Славянского союза там возникнут Венгерское королевство, Греческая республика, Объединенное немецкое государство и даже Царство армянское²¹.

Во всех этих идеях и замыслах преобладало наивное прожектерство и совершенно не учитывались реальные условия европейской жизни и возможности России. В них ярко выразились великоледственные стремления автора, который надеялся, что Россия овладеет Константинополем и Проливами, присоединит Дунайские княжества, добьется преобладания в "левантийской торговле" и будет играть ведущую роль в международной жизни Европы. Но вместе с этим он заботился и об интересах народов, находившихся под чужеземной

властью, которым государственная самостоятельность обеспечила бы процветание и прогресс.

Как и у В.Ф. Малиновского, новая политическая структура Европы строилась в трактатах Полева на национальном принципе. Древние славяне изображались единым народом, впоследствии распавшимся на части. Восстановить былое единство они могли с помощью и под гла-венством России. Такая перспектива уподоблялась задаче объединения германских народов, итальянцев, греков. Характерно, что степень близости политически разъединенных частей этих народов представлялась и Малиновским, и Полевым аналогичной славянской общности.

Александр Полев был, вероятно, единственным деятелем времени наполеоновских войн, пытавшимся распространить свои идеи и найти приверженцев. По утверждению Свербеева, эти усилия не имели успеха: отставной майор, которого некоторые считали помешанным, постоянно жаловался, что никто из влиятельных государственных деятелей, которым он направлял свои трактаты, не заинтересовался ими²². Но в действительности влиятельных покровителей Полев нашел и благодаря кому-то из них в 1809 г. получил возможность сообщить "правительству" свои соображения о "пагубных действиях против России ее неприятеля", а затем "имел счастье все то представить лично" го-сударю²³.

Все это свидетельствовало, что предложения Полева относительно привлечения к борьбе с Францией народов, еж завоеванных, а также находившихся под властью Османской империи и Австрии (такие планы выдвигались и некоторыми российскими государственными дея-телями), заинтересовали правительство Александра I. В Петербурге ясно осознавалось приближение решающего этапа в противоборстве с империей Наполеона, начиналась разработка планов военной кам-пании. И не было случайным, что в 1811 г. Полев уже находился в ар-мии, получив чин подполковника в свите царя. В начале 1812 г. он был занят разработкой плана так называемой адриатической экспедиции – глубокой диверсии через Сербию и Боснию к побережью Адриатики, а затем в сторону Тироля и Швейцарии, в тыл Франции. Автором этого замысла был адмирал Чичагов и некоторые другие близкие к царю деятели.

"Великий план соединения славян с целью создать диверсию про-тив Австрии и французских провинций на Адриатическом море" со-

ставлял важную часть боевых операций, которые предполагалось осуществить летом 1812 г. В инструкции Александра I Чичагову, который должен был возглавить это, по существу, авантюрное предприятие и был назначен в апреле 1812 г. главнокомандующим Дунайской армией, говорилось: "Все, что может возвысить дух славянских народов для направления оного к нашей цели, должно быть Вами употреблено, как-то: обещание им независимости, установление славянского царства, награждение людей..." Военные операции против Франции на Балканах предполагалось осуществить при поддержке Великобритании и после заключения оборонительного и наступательного союза с Турцией. В случае ее отказа от такого союза Чичагов должен был "греков возбуждать к сложению тягостного для них магометанского ига; с Али-пашою войти в переговоры, подавая ему обнадеживания на независимость и на признание его королем эпирским; из албанцев стараться через приглашения и особливо посредством достаточной платы составить особое войско..."²⁴.

Как видим, ища союзников и помощников в предстоящей войне с грозным врагом, Александр I решил провозгласить себя поборником освобождения национально порабощенных народов Центральной и Юго-Восточной Европы, создания их самостоятельных государств, в частности "славянского царства".

Находившийся под непосредственным начальством Чичагова, Полев в начале июня 1812 г. приехал в Сербию, чтобы склонить предводителей повстанцев принять участие в действиях русских войск на Балканах, а также произвести необходимую военно-топографическую разведку. Он фактически получил возможность принять личное участие в подготовке адриатической экспедиции, план которой полностью соответствовал его военно-политическим предложениям. Последние были сформулированы Полевым весной 1812 г. следующим образом: "...Мы можем призвать все племена нашего языка на последнюю войну на юг, имеющую разрешить оковы всей Европы и заставить его (Наполеона. — И.Д.) иметь онук в средоточии его империи, так сказать, против самого сердца его могущества; только должно нам сохранить всю святость договоров с сими народами и доставить им все выгоды и мира и войны..." Эти "выгоды" состояли в создании государственного объ-

единения славянских народов от Савы до побережья Адриатики под властью Карагеоргия. Желание самостоятельного правления тогда побудит выступить и венгров, а чтобы заслужить доверие и помочь населения Молдавии и Валахии, их надо "почтить именем великого княжества Дакии... присовокупляя сей титул к титулу императорскому"²⁵.

Рапорты Полева из Сербии, где он провел около двух месяцев, свидетельствуют о его активной деятельности по подготовке азиатической экспедиции, о его симпатиях к сербам, боровшимся за национальное освобождение. В патриархальном строе их жизни Полеву виделись здоровые славянские начала, уже утерянные в России, но когда-то существовавшие в Древней Руси²⁶.

После начала Отечественной войны, в конце июля или начале августа 1812 г. Полев вместе с отрядом российских войск покинул Сербию. Он и тогда не оставил надежды на единение славянских народов в борьбе с Наполеоном, но стал уделять наибольшее внимание задаче привлечения на сторону России поляков.

Возникает вопрос, можно ли на основании данных о попытках правительства Александра I привлечь к участию в войне против拿破仑ovской Франции славянские народы (как и другие народы Центральной и Юго-Восточной Европы), обещаний провозгласить "царство славян" считать, что панславизм был присущ официальной политике России? Полагаем, что для таких заключений нет оснований. Начиная с Прутского похода 1711 г. во время войн с Османской империей, царское правительство и военные органы почти всегда призывали христианских подданных Порты оказывать помощь русским войскам, восставать против сultанской власти, давали обещания после победы освободить их от "ига агарян". Такие акции проводились с использованием идеологического обоснования – заявлений о племенной и религиозной общности или близости этих народов с русскими, о христианском догмате взаимопомощи единоверцев. Все это являлось лишь прикрытием трезвых и небескорыстных расчетов использовать все средства и силы для военной победы, но совсем не было проявлением панславистских целей российской внешней политики.

Вместе с тем можно присоединиться к заключению А.Н. Пыпина о наличии идей политического единения славянских народов в русской общественной мысли начала XIX в., что ярко выразилось во взглядах на решение славянского вопроса В.Ф. Малиновского и А. Полева.

Появление в узком кругу образованных, политически мыслящих деятелей России замыслов государственного единения славянских народов стимулировалось в годы наполеоновских войн сложной международной обстановкой, безжалостной перекройкой в ходе французской экспансии политической карты Европы, необходимостью объединения всех сил для защиты от агрессии. Но главными причинами возникновения таких идей были формирование общеславянского самосознания как составной части русского национального самосознания и новых взглядов на право больших и малых народов на освобождение от чужеземной власти, создание своих самостоятельных государств и политическое единение этнических групп. Однако достаточных знаний о характере и иерархии европейских этнических структур в это время не было или они еще недостаточно определились, что, вероятно, и побуждало преувеличивать степень национальной общности славян, сравнивая их с политически разъединенными германскими народами, итальянцами, греками.

Наивные и утопичные планы русских панславистов начала XIX в. исходили из стремления способствовать национальному освобождению, общественно-экономическому прогрессу славян, но не избежали великодержавности и фактически предусматривали гегемонию России в будущем славянском союзе несмотря на его федеративное устройство и провозглашение равноправия всех членов. Эти особенности отличают идеи политического панславизма в русской общественной мысли начала XIX в. – романтического периода в его развитии.

Примечания

¹ См. отд. изд. статьи: *Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 73–80.*

- 2 *Fadner F. Seventy Years of Pan-Slavism in Russia: Karasin to Danilevskii, 1800–1870. Georgetown, 1962.*
- 3 *Petrovich M.B. The Emergence of Russian Panslavism. New-York, 1956.*
- 4 См.: Сочинения, письма и бумаги В.И. Каразина. Харьков, 1910.
- 5 О письме Каразина Чарторыйскому и о его связях с сербами см. подробнее: *Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы: От Радищева до декабристов. М., 1980.* С. 68–76.
- 6 Там же. С. 76–79.
- 7 *Малиновский В.Ф. Избранные общественно-политические сочинения. М., 1958.*
- 8 О В.Ф. Малиновском и его "Рассуждении..." см.: *Каменский З.А. Философские идеи русского просвещения. М., 1971.* С. 63–66; *Достян И.С. "Европейская утопия" В.Ф. Малиновского // Вопросы истории. 1979. № 6; Она же. Русская общественная мысль... С. 50–68.*
- 9 Опубликована с некоторыми сокращениями: Свободная мысль. 1991. № 13. С. 100–109. Рукопись впервые обнаружил польский историк Ежи Скавронек, который использовал ее только для характеристики внешнеполитических идей А. Чарторыйского и российских правительственные кругов.
- 10 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1804. Д. 7869. Другой экземпляр: НГАДА. Ф. 1261. Д. 2822.
- 11 Свободная мысль. 1991. № 13. С. 102–104.
- 12 Там же. С. 104–106.
- 13 Там же. С. 103.
- 14 Там же.
- 15 *Свербеев Д.Н. Записки (1799–1826). М., 1899. Т. 1. С. 457–459.*
- 16 См. об этом подробнее: *Достян И.С. Русская общественная мысль... С. 81–93.*
- 17 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 431. Ч. 6. Л. 4, 10–11 (Сокращение Осьмого числа под именем Дух русских в конечной обороне отечества и престола своих государей).
- 18 Там же. Л. 5.
- 19 Там же. Ч. 5. Л. 10–11; Ч. 6. Л. 18.

- 20 Там же. Ч. 5. Л. 9.
- 21 Там же. Ч. 6. С. 18.
- 22 *Свербеев Д.Н.* Указ. соч. С. 458.
- 23 А. Полев – П.В. Чичагову, 24 июня 1812 г. // Внешняя политика России XIX – начала XX в. Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1960. Сер. I. Т. 6. С. 456.
- 24 Инструкция Александра I П.В. Чичагову, 9(21) апреля 1812 г. // Там же. С. 364. О так называемой адиатической экспедиции см. подробнее: *Казаков Н.И.*. Проект привлечения народов Балканского полуострова к борьбе против наполеоновской агрессии в 1812 г. // 1812 год: Сборник статей к 150-летию Отечественной войны. М., 1962; *Он же*. Проект адиатической экспедиции адмирала П.В. Чичагова в 1812 г. и русско-сербские взаимоотношения в период ее подготовки // Југославске земље и Русија за време Првог српског устанака, 1804–1813. Београд, 1983.
- 25 А. Полев – П.В. Чичагову, 7(19) апреля 1812 г. // Внешняя политика России... Т. 6. С. 361.
- 26 А. Полев – П.В. Чичагову, 24 июня (6 июля) 1812 г. // Там же. С. 456–459.

М.Ю. Досталь

"СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС" В МИРОВОЗЗРЕНИИ ГРАФА С.С. УВАРОВА

У всех любителей отечественной истории имя графа Сергея Семеновича Уварова (1786–1855), президента российской Академии наук (1822–1855), министра народного просвещения (1833–1849), отождествляется с так называемой "теорией официальной народности" (далее ТОН) и провозглашенной в ней триадой "православие, самодержавие, народность", которая была "высочайше" одобрена императором Николаем I и стала идеологической основой его режима¹.

С.С. Уваров принадлежал к числу тех придворных в окружении российского самодержца, которые в духе времени, учитывая подъем национального самосознания в среде русского и других славянских народов, стремились, часто вопреки проводимой царем политике, создать ему имидж "русского", и шире, "славянского" императора². Этой цели в основном и служила ТОН.

Но Николай, этот, по выражению А.Ф. Тютчевой, "Дон-Кихот русского самодержавия"³, стремившийся идеологически укрепить свой режим, избрал почти насильственный способ внедрения полюбившейся ему теории в умы своих соотечественников с помощью мероприятий в системе народного просвещения и печати, которые, впрочем, всеми доступными им способами сопротивлялись этим акциям, создав классическую русскую литературу как противовес ТОН.

При этом Николай нашел добровольных приверженцев в кругу консервативно настроенной интеллигенции, которая часто из патриотических соображений стремилась обосновать необходимость сохранения в России монархии и самодержавия с помощью ТОН, обогатив ее интерпретацию различными нюансами от шовинистически-славяно-

фильских (редактор журнала "Маяк" С.О. Бурачек), через умеренно центри-
ски-славянофильские (редактор "Москвитянина" историк М.П. Погодин) к уме-
ренно западническим (издатели "Северной пчелы" Н.И. Греч и Ф.Ф. Булг-
рин, отчасти С.С. Уваров)⁴.

Несмотря на провозглашение официального характера ТОН, ко-
торая должна была стать основой народного просвещения России,
"ортодоксальных" документов, систематически излагавших ее глав-
ные "начала", сохранилось очень немного. Это прежде всего вводная
статья первого номера "Журнала Министерства народного просвеще-
ния" за 1835 г., написанная С.С. Уваровым, и его Отчет по случаю
10-летия возглавляемого им министерства⁵. В этих работах Уваров
наиболее последовательно попытался изложить суть своей знамени-
той триады. При этом наиболее туманно было охарактеризовано по-
нятие "народность", ей отводилось место необходимой составляющей,
как бы цементирующей основные "начала" – "самодержавия" и пра-
вославия". "Русский, преданный отечеству, – писал он, – столь же
мало согласится на утрату одного из догматов нашего *Православия*,
сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова. *Самодержа-
вие* составляет главное условие политического существования Рос-
сии"⁶. Таким образом, в работах Уварова самодержавие было провоз-
глашено ведущим и определяющим "началом" ТОН, и этот приоритет
стал видовым отличием ее сторонников от славяновилов, западников
и других представителей общественной мысли России, активно ис-
пользовавших терминологию ТОН для своей аргументации.

Итак, ввиду малого числа материалов, принадлежащих лично перу
создателя ТОН и характеризующих его трактовку понятия "народность"
(в том числе и "славянского вопроса"), особый интерес вызывает вся-
кий новый документ, касающийся этих проблем.

И такие документы были найдены автором этих строк в Отделе
письменных источников Государственного исторического музея, в
фонде С.С. Уварова. Центральное место среди них занимает письмо
графа С.С. Уварова графу К.В. Нессельроде (1780–1862), много лет
стоявшего во главе российской внешней политики. Письмо, содержа-
щее 11 страниц рукописного французского текста*, датировано
26 декабря 1842 г.

*За существенную помощь в переводе этого письма и др. докумен-
тов сердечную благодарность выражают Е.А. Хелимскому, В.Э. Орлу и
Е.М. Заблудовской.

Письмо было написано в тот момент, когда главным приоритетом внешней политики России К.В. Нессельроде считал укрепление отношений с Австрией и Пруссией и по крайней мере стабилизацию отношений с Англией, Францией и Оттоманской Портой. Славянские народы никогда не воспринимались им как самостоятельные субъекты европейской политики, поскольку они в то время не имели государственной самостоятельности. Кроме того, не следует забывать, что Нессельроде, как один из инициаторов провозглашенного Николаем I Священного союза, ревностно оберегая Европу от революционных потрясений, рассматривал славянское национальное движение в Австрийской и Турецкой империях (как ранее и греческое восстание за независимость 1821–1822 гг.) в качестве одного из дестабилизирующих факторов установленного европейского порядка.

С.С. Уваров, полностью солидарный с К.В. Нессельроде в желании спасти Европу и Россию от угрозы революции, занял свою позицию по "славянскому вопросу". На ее выработку несомненно повлияли записки известного историка М.П. Погодина (1800–1875), посланные министру народного просвещения в 1840 и 1842 гг. после возвращения из славянских земель⁸ с надеждой, что их содержание станет известно императору. В обеих записках М.П. Погодин настойчиво проводил мысль о необходимости изменения явно проавстрийского внешнеполитического курса России в сторону сближения со славянскими национальными движениями в Австрии и Турции и оказания им всяческого содействия. В этих движениях ученый не видел никакой революционной крамолы, а, наоборот, рассматривал славянские народы как естественных союзников России в деле укрепления ее влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе. При этом Погодин всячески разоблачал предательскую политику Австрии по отношению к России и пророчески предупреждал о возможности дипломатической изоляции последней в силу враждебности и недоверия европейского общественного мнения. Последнее стало очевидным в период Крымской войны.

Первой записке М.П. Погодина С.С. Уваров хода не дал, считая, видимо, ее преждевременной, зато на основании второй попытался сформулировать свою собственную позицию по славянскому вопросу, суть которой заключалась в том, что необходимо различать революционное и культурно-просветительное направления в славянском движении.

Первое – непоколебимо истреблять, второе же, напротив, всемерно поддерживать, используя для укрепления позиций России в данном регионе⁹. Как и Погодин, Уваров склонялся к необходимости отказа от австрофильского курса внешней политики, проводимого графом К.В. Нессельроде.

Все эти соображения С.С. Уваров изложил в особой записке царю, поданной 1 декабря 1842 г. Николай вернул ее с резолюцией, написанной карандашом: "Очень умно! Покажите г. Нессельроду"¹⁰.

После этого между Уваровым и Нессельроде состоялся разговор, о результатах которого министр народного просвещения счел необходимым (8 декабря 1842 г.) также дождить царю: « В подкрепление к сказанному мною в разговоре с графом Нессельроде, что немецкие правительства, требуя от нас отчета в малейших движениях сочувствия к единоплеменным народам, с своей стороны мало заботятся о воздержании журналистов и писателей от грубейших нападков на Россию, осмеливаясь всеподданейше представить в переводе Вашему императорскому Величеству две статьи из двух немецких газет, которые обе перепечатаны в последнем № "Аугсбургской газеты". Можно и должно, конечно, взирать с презрением на подобные выражения клеветы и злонамеренности, но не следует ли также взять во внимание, что подобными, ежедневно появляющимися со всех сторон статьями, разворачивается в соседних державах общее мнение и возрождается слепая ненависть к России и к русскому правительству? Нельзя не заметить притом, что злейшая из сих статей напечатана в *Венгрии*»¹¹.

20 декабря 1842 г. граф К.В. Нессельроде изложил свое мнение по славянскому вопросу в личном письме С.С. Уварову. В нем он призывал во имя государственно-дипломатических интересов России в Австрии и Турции подавлять в себе славянские симпатии. В качестве отрицательных примеров выступлений представителей славянства он приводил деятельность польских революционеров (А. Мицкевича в Париже), "которые под маской религии и науки распространяют подрывные проекты, враждебные России"¹². Отрицательное впечатление произвела на него и книга В. Априлова "Дённица новоболгарского образования" (Одесса, 1841 г.), призывающая, по его мнению, болгар к

мятежу против оттоманского правительства, "с которым мы находимся в мирных отношениях и заинтересованы сохранять их так долго, сколько Богу угодно будет его (правительства.— М.Д.) существование. Мы взяли бы на себя большую ответственность, если бы не употребляли все усилия воспрепятствовать у нас любым проявлениям, которые могли бы ускорить его падение"¹³.

После получения письма от Нессельроде, по-своему обосновывавшему необходимость сохранения антиславянских режимов в Австрии и Турции (что и определяло его отношение к "славянскому вопросу"), Уваров счел необходимым изложить свое мнение по данному вопросу в ответном письме министру иностранных дел от 26 декабря 1842 г.

Прежде всего С.С. Уваров, не без влияния записок М.П. Погодина, обратил внимание К.В. Нессельроде на явные "доказательства настойчивой активности, с которой иностранные кабинеты пытаются подорвать остатки нашего влияния на наших единоверцев, чтобы денационализировать славянское население: они сговорились лишить его религиозной веры и веры в нас. Это средство эффективно и не ново; со своей обычной осмотрительностью Австрия использует его издавна"¹⁴. Как и Нессельроде, Уваров осуждал действия "одного польского перебежчика" (намек на А. Мицкевича. — М.Д.), который "предлагает Франции присоединиться к этой разрушительной работе под двойным знаменем католицизма и либеральных идей", и потому призывал российскую дипломатию к бдительности, к необходимости занять "по этому поводу оборонительную позицию наблюдения и выжидания"¹⁵.

"Взгляды России на этот вопрос, — продолжает Уваров совершенно в духе М.П. Погодина, — противоположны тому, как он выглядит в глазах Европы; на наш взгляд, точка сближения состоит в тождественности религиозных идей и исторических истоков и в общей вере в будущее России. Кто бы не действовал в противоположном направлении — он враг, в какие бы цвета нерядился"¹⁶. В этой связи Уваров осторожно выражает несогласие с точкой зрения Нессельроде о необходимости сохранения любой ценой целостности Турции во имя спокойствия Европы. Он считает, что ситуация может измениться, и потому Россия не должна связывать себя какими бы то ни было обязательствами, которые могли бы ей в будущем помешать оказывать помощь "единоверным" славянам¹⁷.

И далее С.С. Уваров излагает свою позицию по славянскому вопросу: "В записке, которую я счел должным представить Императору, ибо полагаю, что все мы обязаны искренно давать Ему отчет в том, как мы подходим к решению того или иного вопроса, я указал, что славянский вопрос имеет две стороны: одна из них – рискованная, опасная, квазиреволюционная, другая – упорядоченная, мирная, а потому и неуничтожимая. Использование этого различия продиктовано жизнью и впредь всегда будет принято во внимание в непосредственно касающихся меня делах: во всех наших университетах есть кафедры славянского языка; наша молодежь с пылом предается этим исследованиям, и не только наша университетская молодежь, но и многие литераторы, многие представители духовенства занимаются подобными исследованиями; мы посылаем за границу и особенно в страны, населенные славянскими народами, молодых людей, поручая им подготовку к преподаванию столь важных для нас славянских наречий; мы публикуем большие сборники по истории и древностям, исследования о происхождении славян; с другой стороны – молитвенники, требники, дароносцы посыпаются за границу, чтобы пополнить обедневшие церкви наших единоверцев"¹⁸. В этой же части письма Уваров описал те многочисленные мероприятия, которые поддержало и благословило министерство народного просвещения в 30–40-е годы XIX в. в целях организации в России преподавания славяноведения (по новому университетскому уставу 1835 г. в четырех российских университетах были основаны кафедры "истории и литературы славянских наречий" и четыре молодых кандидата на их замещение – О.М. Бодянский, И.И. Срезневский, П.И. Прейс, В.И. Григорович были посланы в командировки в славянские земли для основательной подготовки к этой деятельности).

Из дальнейшего контекста следует, какое важное значение придавал С.С. Уваров развитию славистической деятельности в России и установлению при ее посредстве дружественных контактов с зарубежными славянами в целях содействия российской внешней политике. "Следует ли стеснять все это движение на местах, – писал он, – связанное с нашими традициями и охватывающее все, что мы почитаем и любим, надо ли его прерывать тем или иным способом из-за того, что оно может вызвать недоверие за рубежом? Следует ли постепенно парализовывать или даже запрещать эти исконные связи только потому,

что тому или иному заграничному кабинету будет угодно узреть под оболочкой этого исторического и религиозного братства братство политическое?" И далее: "Подвергнем ли мы подозрению столь законные симпатии и людей, которые их исповедуют, потому что европейской политике выгодно держать нас в бездействии в указанной области, в то время, как сама эта политика не дремлет и открыто маневрирует, дабы полностью изгнать нас оттуда?" Отсюда следовал вывод: "Если мы уступим иностранной державе право вмешиваться в эти дружественные отношения, контролировать их и быть в них судьей, то эта уступка, по моему мнению, повлечет одну уступку за другой: на пути уступок никто еще не сумел остановиться.... и эта жертва, как и многие другие, не умерила бы подозрительности и надменности наших соседей"¹⁹.

Заканчивал свое письмо опытный царедворец знаменательными словами, выражавшими его политическое кредо: "Хотя, к великому моему сожалению, мы не рассматривали славянский вопрос под одним и тем же углом зрения, но я совершенно уверен, что мы всегда придем к согласию в том, что касается поддержания великих консервативных принципов порядка, человечности и справедливости; разумеется, сюда относится и принцип национального достоинства, без которого эти последние оставались бы в той или иной мере лишь промежуточными теориями"²⁰.

Желая, чтобы подобная интерпретация славянского вопроса стала известна Николаю I, С.С. Уваров послал ему копиус своего письма К.В. Нессельроде, сопроводив его следующей запиской: "Вследствие объяснений, имевших место по Высочайшему Вашего Величества повелению между графом Нессельродом и мною о некоторых сношениях с славянскими племенами, завязалась дружеская переписка. Г. Нессельроде, сообщив мне несколько бумаг (содержание коих не только не убедило меня, но даже укрепило в прежнем мнении), изъявил сожаление, что на вопрос о славянах мы смотрим с разных точек зрения. В ответ представил я ему дополнительное конфиденциальное объяснение о моем взгляде на сей вопрос, как я излагал оный в поднесенной Вашему Величеству краткой записке. Осмеливаюсь с этого отзыва всеподданейше представить список, единственно дабы Ваше Величество изволили убедиться, что не легкомысленно и не без зре лого рас-

суждения я решился изложить перед Вами этот вопрос в том виде, в коем он и доныне мне представляется. К сему считаю долгом присо-
вкупить, что я не предварял г. Нессельроде в том, что снимок с мое-
го отзыва будет представлен Вашему Величеству, хоть и думаю, что
по прикосновенности сего предмета к служебным моим обязанностям
я не только имею право, но даже должен дать отчет Вашему Величест-
ву во всем, что относится до моих соображений по сему делу"²¹.

К сожалению, мы не располагаем сведениями, как отнесся Ни-
колай I к рассуждениям С.С. Уварова по славянскому вопросу, кроме
приведенной выше краткой одобрильной резолюции на предыдущую
записку. Судя по последовавшим событиям, русский самодержец,
проявив интерес к мнению С.С. Уварова, не счел необходимым внести
какие бы то ни было корректизы в проавстрийский курс российской
внешней политики и по-прежнему отдавал предпочтение династическо-
му принципу в ущерб утверждавшемуся в Европе "принципу националь-
ностей". Расплатой за такую политику были революции 1848–1849 гг.²²
и поражение в Крымской войне.

Свое мнение по славянскому вопросу С.С. Уваров был вынужден
изложить царю еще один раз – в 1847 г. – в связи с "разоблачением"
в Киеве Кирилло-Мефодиевского общества, члены которого, с одной
стороны, в большинстве своем относились к ведомству Министерства
народного просвещения, а с другой – давали собственную интерпрета-
цию идеи славянской взаимности²³.

В записке императору, поданной 8 мая 1847 г., С.С. Уваров, в
частности, писал: "Еще в 1842 году, по поводу некоторых внушений
австрийского правительства, я писал к графу Нессельроду, с ведома
Вашего Величества, что славянский вопрос представляет в отноше-
нии к нам две стороны: одну, которую можно употребить на возбуж-
дение умов и к распространению опасной пропаганды, заслуживающей
всю кару правительства (здесь, несомненно, был актуальный намек
на разоблачение Кирилло-Мефодиевского общества. – М.Д.); другая
же сторона сего вопроса содержит святыню наших верований, нашей
самобытности, нашего народного духа, имеющую в пределах закон-
ного развития неоспоримое право на ближайшую попечительность пра-
вительства. И ныне осмеливаюсь повторить то же самое определение:
ясно, что вопрос славянский представляет для нас некоторую слож-

ность, но потому и требует осмотрительности. В истинном, чистом своем значении русское славянство одушевлено приверженностью к православию и самодержавию; все, что выходит из этой черты не принадлежит к этому славянству: оно или примесь чужих понятий, или игра фантазии, или, наконец, личина, под коей злоумышленные стараются уловить незрелых юношей увлечь мечтателей неопытных. С сей точки зрения можно было бы положительно заключить, что в замыслах, кои теперь обнаружены перед правительством, слово славянство служило только недобросовестной завесою, под коей скрывались иные мысли, готовые принять и всякую другую форму, но избравшие славянскую как сильнее действующую на сокровенную струну русского сердца"²⁴.

Таким образом, в своих взглядах на славянский вопрос С.С.Уваров в определенном смысле "эволюционировал" в рамках все той же теории официальной народности, практически отождествив понятие "славянство" с понятием "русская народность" с ее неизменными атрибутами: "самодержавие" и "православие".

Мнение Уварова по славянскому вопросу не осталось предметом обсуждения только придворных кругов, но получило распространение в университетской среде. В связи с разоблачением деятельности Кирилло-Мефодиевского общества в Киеве министр народного просвещения учредил в своем ведомстве строгий надзор над преподаванием общественных наук. Он разослал попечителям учебных округов специальный секретный циркуляр с толкованием ТОН, которым отныне должны были руководствоваться все профессора гуманитарных дисциплин и прежде всего слависты. Следить за исполнением указаний Уварова было поручено руководству университетов²⁵.

В основу циркуляра были положены взгляды Уварова на славянский вопрос, изложенные в вышеуказанных записках 1842 и 1847 гг. Циркуляр представлял собой своего рода научный трактат, показывающий эрудицию автора в "славянских" делаах. Начинался он исторической справкой. "В конце прошлого столетия, — писал С.С. Уваров, — родилась между соплеменными нам народами на Западе, именно в Богемии, мысль, что все народы славянского происхождения, рассеянные по Европе и подвластные разным скипетрам, должны когда-либо слиться в одно целое и составить государство славянское. Эта мысль

мало-помалу овладела всеми ветвями славянского племени в Европе, сперва в литературном, потом и в политическом смысле. От этого движения повсюду между народами славянского происхождения усилилось стремление к изучению языков, древностей и всех памятников славянских племен; но, к сожалению, это развитие отдельных ветвей славянских недолго оставалось в мирных пределах науки: скоро подпало оно искажению частию от влияния общих тревожных идей политических, частию от возбужденных предрассудков религиозных, частию от собственных недоразумений каждого племени. Европейское понятие о славянстве раздробилось уже на столько же ветвей, сколько находится отдельных земель. Название славянства, драгоценное для восьмидесяти миллионов, разделенных на многие народы, занимающих безмерное пространство земли, по языку своему помяных единое происхождение и древнее родство, как оказывается ныне, употребляется во зло под личиной чистого братства. Эти идеи Запада о славянстве естественно тяготеют к России как средоточию племен славянских, потому что и в языке русских, и в Вере, и в законахышет и бодрствует древнее начало народной жизни, от различных судеб исторических давно умершее в других славянских народах. Но и у нас западные понятия могут увлечь людей пылких и не подозревающих опасности своих мечтаний"²⁶.

Как видно из вышеприведенного, свою эрудицию в славянском вопросе министр народного просвещения черпал по-прежнему из записок М.П. Погодина начала 40-х годов, но в отличие от последнего, ставившегося подчеркнуть значение научной и культурной стороны мифа о славянском единстве и затушевывавшего его политический аспект, отчетливо проявившийся в 40-е годы XIX в., С.С. Уваров в тех обстоятельствах акцентирует внимание университетского руководства на опасности распространения политических интерпретаций славянской взаимности, видя в этом угрозу для устоев российского общества.

При этом он снова повторяет свое рассуждение о двух сторонах "славянского вопроса": "Вопрос о славянстве в отношении к нам представляет две стороны: одну, которую злонамеренные могут употребить на возбуждение умов и распространение опасной пропаганды, преступной и возмутительной; другая же сторона содержит в себе

святынью наших верований, нашей самобытности, нашего народного духа, в пределах законного развития имеющую неоспоримое право на попечение правительства. Русское славянство, в чистоте своей, должно выражать безусловно приверженность к Православию и Самодержавию, но все, что выходит из этих пределов, есть примесь чуждых понятий, игра фантазии или личина, под которою злонамеренные стараются уловить неопытность и увлечь мечтателей"²⁷.

Именно особый упор на "русскость" славянского вопроса для России, являясь отличительной особенностью циркуляра, характеризует эволюцию взглядов С.С. Уварова по данной проблеме. "В этом славянстве мы, русские, — писал он, — должны искать своего родного начала, источника и народного просвещения. Каждый народ, в период самобытности своей, вмещает в себе два элемента: общий, наследственный от народа-родоначальника, исчезающего в поколениях, и частный, составляющий *личность* народа. Общий элемент в нас есть родовой, славянский; частный — наш собственный, русский. Посредством личности своей каждый народ развивает в жизни человечества особую мысль Провидения и содействует исполнению благих его предначертаний. Так, все славянские государства были в свое время славны и могущественны, и все, как бы по очереди, пали: Моравия, Болгария, Сербия, Померания, Чехия, Кроация, Славония, Далмация, Босния, Польша... Этим славянам, утратившим значение свое, свойственно с сожалением вспоминать славное прошедшее. Но Россия, по воле Пророков, выдержала удары судеб и приобрела *самобытность* ... она одна возносится над могилами единородных государств и своею собственной личностью представляет беспримерную империю по необъятности владений, многочисленности обитателей и могуществу народного духа, благоговейно преданных своей Вере, своему Государю, сохранивших свой язык, знамение народного ума, народных доблестей, народного чувства. ... Россия, не помрачившая славы предков, славна своими народными доблестями, славна и прошедшим, и настоящим"²⁸.

Таким способом С.С. Уваров подходил к главному и новому (по сравнению с 1842 г.) положению своего циркуляра-трактата о необходимости исключительно народно-русского понимания славянского

вопроса в России. Он писал: "Итак, независимо от общего славянства, в действительности не существующего, а изменившегося в нескольких славянских племенах, мы должны следовать за своими судьбами, свыше нам указанными, и в своем родном начале, в своей личности народной, в своей Вере, преданности к престолу, в языке, словесности, в истории, в своих законах, нравах и обычаях – мы обязаны утвердить живительное начало русского ума, русских доблестей, русского чувства. Вот исконное *начало народное и не славяно-русское, а чисто русское*, непоколебимое в своем основании – собственно наша *народность*"²⁹.

Завершая свое "эталонное" для ведомства народного просвещения определение "истинного" славянства, С.С. Уваров не мог не соединить его с "началами" своей знаменитой триады, одновременно очищив от всяких политических примесей. Он указывал: "Но этому славянству русскому, нами во всей чистоте понимаемому, должна быть чужда всякая примесь политических идей; тогда остальным началом, в нем сокровенном, будет наше государственное начало, да непоколебимо стоит трон и Алтарь, собственно *русское* начало, и *русский* дух, наша святыня"³⁰.

Таким образом, мы проследили определенную эволюцию взглядов С.С. Уварова по славянскому вопросу. Первоначально его понимание русской народности, одухотворяя другие "начала" триады – самодержавие и православие, практически никак не связывалось с понятием "славянство".

В 1842 г. определенные внешнеполитические обстоятельства вынудили его впервые определить свое мнение по славянскому вопросу в дискуссии с К.В. Нессельроде. Он поддержал мнение М.П. Погодина о необходимости изменения австрофильского курса внешней политики России и обращения к славянам как потенциальным ее союзникам. При этом С.С. Уваров, защищая, как и К.В. Нессельроде, стабильность системы Священного союза и пытаясь оградить Россию от проникновения западных революционных идей, выдвинул положение о двух сторонах славянского вопроса, которое предполагало осуждение революционно-дестабилизирующих идей, связанных с политической стороной мифа о славянском единстве, и всемерную поддержку его духовно-

культурного основания. В этом он был солидарен с умеренно-консервативными деятелями славянского движения в Европе.

Разоблачение в Киеве Кирилло-Мефодиевского общества, достаточно радикально интерпретировавшего идеи славянской взаимности, заставило Уварова уточнить свои позиции по славянскому вопросу и это "эталонное" определение внедрять как главный ориентир для преподавания общественных наук "в видах правительства" и "государя-императора". В преддверии европейских революций 1848–1849 гг. эти превентивные меры оказались своевременными и, возможно, "охраняли" Россию от угрозы революции. В своем циркуляре Уваров, показав несомненную эрудицию в вопросах возникновения славянского движения и осведомленность об исторических судьбах славянских народов, по существу отрекается и от "положительной" стороны славянского вопроса – от славянских корней русской народности, и делает упор на изначальную "русскость" славянского вопроса, вновь накрепко связывая ее с самодержавным и православным "началами" триады. Боязнь угрозы революционной дестабилизации системы самодержавия оказалась для него сильнее сочувствия славянам.

Примечателен и наводит на интересные размышления факт, что в том же направлении, что и у С.С. Уварова (от всеславянского к национальному, но с совершенно другой мотивацией), эволюционировало национальное самосознание деятелей западнославянского возрождения в 40–50-е годы XIX в.

Примечания

1 См.: *Полиевктов М.* Николай I: Биография и обзор царствования. М., 1918; *Riasanovsky N.V.* Nikolass I and official nationality in Russia, 1825–1855. Los Angeles, 1959; *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной мысли дореволюционной России. М., 1993. С. 10–16 и др.

2 *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902. СПб., 1902; Киев и университет св. Владимира при императоре Николае I, 1825–1855. Киев, 1896.

3 *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров: Воспоминания. Дневник, 1853–1855. М., 1990. С. 38.

⁴ Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Об элементах романтизма в русском славяноведении 40–50-х годов XIX в. (По материалам периодики) // Славяноведение и балканстика в отечественной и зарубежной историографии. М., 1990. С. 4–116.

⁵ Журнал Министерства народного просвещения. 1835. С. 5; СПИ ГИМ. Ф. 17. № 47 (Уваров С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843).

⁶ Там же. Л. 5 об.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 17. № 42. Письмо С.С. Уварова К.В. Нессельроде и др. документы опубликованы на французском языке и в переводе на словацкий язык, см.: *Dostal'ova M. "Slovanská otázka" v názoroch grófa S.S. Uvarova* // Slovanské štúdie. Bratislava, 1993, Sv. 1–2. S.67–78.

⁸ *Погодин М.П.* Письмо к министру народного просвещения, по возвращении из путешествия по Европе в 1839 г. // *Погодин М.П. Сочинения*. М., 1874. Т. 4. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны, 1853–1856; *Он же*. Второе донесение министру народного просвещения о путешествии 1840 года, преимущественно в отношении к славянам // Там же.

⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 17. № 42. Л. 17–19.

¹⁰ Там же. Л. 20.

¹¹ *Dostal'ova M.* Op. cit. S. 69–70.

¹² Ibid. S. 70.

¹³ Ibid. S. 71.

¹⁴ Ibid. S. 73.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ibid. S. 74.

²⁰ Ibid. S. 75.

²¹ Ibid. S. 71.

²² Подробнее см.: *Нифонтов А.С.* 1848 год в России: Очерки по истории 40-х годов. М.; Л., 1931; Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII – начало XIX в.) М., 1978.

²³ *Зайончковский П.А.* Кирилло-Мефодиевское общество. М., 1955.

²⁴ *Dostal'ova M.* Op. cit. S. 69.

25 Циркуляр С.С. Уварова (с небольшими вариациями) был разослан попечителям учебных округов всех российских университетов в конце мая 1847 г. и принят ими к исполнению. В частности, попечитель Киевского учебного округа Траскин докладывал министру народного просвещения уже 10 июня, что, получив предписание 6 июня, уже 7 июня собрал Университетский совет "к чрезвычайному заседанию" и прочел его собравшимся. Далее он отметил, что "все наличные преподаватели вверенного мне университета вполне оценили важность содержания означенного предписания, поняли истинный его смысл и, приняв с глубокою признательностью заключающееся в нем предостережение, стараться будут предохранять вверяемое им юношество от соблазна чуждых нашему народному духу мечтаний, овладевших умами славянских племен на Западе. Я же с своей (стороной—М.Д.) буду иметь постоянное и неослабное наблюдение, чтобы преподаватели в своих чтениях и изданиях не уклонялись от высказанного в настоящем случае взгляда правительства на этот предмет и объясненного Вашим сиятельством начала" (КДИАУ. Ф. 707. Оп. 261. Д. 12. Л. 13 об. – 14).

26 Там же. Л.3–4. Циркуляр С.С. Уварова, адресованный Московскому университету был опубликован в статье: П.Б. Об Украинско-славянском обществе (граф С.С. Уваров и граф С.Г. Строганов) 1847 г. // Русский архив. 1892. Кн. 7. Стб. 347–351. Далее цитируется вариант циркуляра, посланный в Университет св. Владимира.

27 КДИАУ. Ф. 707. Оп. 261. Д. 12. Л. 4об.

28 Там же. Л. 6–7.

29 Там же. Л. 7.

30 Там же. Л. 5 об.

В.Н. Греков

"СЛАВЯНСКАЯ САМОБЫТНОСТЬ" И "ВЫБОР СУДЬБЫ"
В ТЕОРИИ РАННИХ СЛАВЯНОФИЛОВ
(к вопросу о выявлении архетипов)

Две идеи органично и вместе с тем причудливо-прихотливо переплелись в теории ранних славянофилов. Первая (не столько патриархальная, сколько греческо-византийская) – отождествление славянского начала с русским, а русского с православным. В этом славянофилы, по-видимому, отступили от собственно русской традиции, согласно которой, по мнению Г.П. Федотова, только русской церкви дано было раскрыть смысл национальной идеи в православии¹. Вторая идея – национальная самобытность, самостоятельное развитие каждого славянского народа.

Сами славянофилы не видели в своих взглядах противоречий, сведя рассмотрение обеих идей только к проблеме народности. Так, И.С. Аксаков писал в 1858 г. М.Ф. Раевскому: "У нас идея славянской народности коренится на идее русской народности и вообще на принципе народности"².

Проще всего истолковать слова Аксакова как нeуважение к самостоятельности славян, как желание подчинить их России. Именно так подходили к статьям славянофилов Н.Г. Чернышевский³ и А.Н. Пыпин⁴, характеризуя их как панславистские.

На самом деле проблема народности уводила славянофилов, по выражению И. Аксакова, "неисследимо-далеко" от политики – к внутренней, субстанциональной сущности народа, к его духовной жизни. В 1873 г. Аксаков признал, что спор шел вокруг самого термина "народность": « Слово "народность" знаменует у них (славянофилов.—В.Г.) целый порядок понятий и мыслей и как народность вообще, и

как русская народность в особенности ... Около этого термина, как около центра, группировалась вся борьба... в течение чуть ли не двадцати лет. Славянофилы понимали народность в смысле духовной самобытности в области общечеловеческого просвещения, -- в отличие от понятия государственной или политической национальности⁵

Вряд ли можно считать исчерпывающим это объяснение публициста; скорее, Аксаков лишь намечает сферу интересов и исследований славянофилов. С его точки зрения, категория народности "зnamенует целый порядок понятий и мыслей". Спозиции "духовное – политическое", "национальность – народность" – лишь середина, центр системы оппозиций, созданных славянофилами. Славянофилов занимали не этнические или политические вопросы, а психология народа, его миросозерцание. Не случайно "подвиг славянофильства" И. Аксаков видит в "самосознании"⁶ и самостоятельности воззрения. Еще К. Аксаков, старший брат Ивана, писал в статье "О русском воззрении": "У народа может быть только или воззрение народное (самостоятельное, свое), или никакого (ибо чужое воззрение ему не принадлежит)"⁷. Духовное воззрение народа не расшифровывается славянофилами. Очевидно, что оно затрагивает непосредственную жизнь народа, его быт, нравственность, религия. Что же касается политики, она как бы не входит в сферу интересов народа, поскольку народность противопоставлена национальности. Правда, другой тезис К. Аксакова звучит так: "Народность смотрит на весь мир"⁸. Этот тезис предполагает освобождение от односторонности при сохранении самобытности.

"Народность" требует полноты, целостности. Поэтому, несмотря на убеждение И. Аксакова, нельзя считать, что народность понимается только как духовная самобытность. Само возникновение оппозиции убеждает, что все значительно сложнее. Народность как целостная категория распадается на два противоречивых элемента – духовный и политический. Они как бы уравновешивают друг друга. Вот почему "народность смотрит на весь мир". "Свое" и "чужое" в данном случае – не только русское (или славянское) и европейское. Это еще и близкое народу, т.е. духовное, и далекое от него, т.е. политическое.

"Формула" К. Аксакова одновременно обращена к логике и к чувству, она воспринимается и как рациональная, и как интуитивная, художественная. Следовательно, данное слово выступает и как понятие, логическая категория, и как интуитивное ощущение, художественный

образ. Такой взгляд, с точки зрения славянофилов, позволял воспроизвести и сохранить не просто сложность мира, но его целостность.

Парадокс, однако, заключался в том, что сам образ славянского мира (так же как и русского) не был ни постоянным, ни даже цельным. Мало того, что представления об этом мире все время менялись, он в самой своей сущности обнаруживал раздвоенность. В письме к М.Ф. Раевскому И. Аксаков писал: "Где им (славянам. – В.Г.) понять, что в России две России – одна казенная, правительственная, немецко-петербургская, другая – московская, независимая, народная, земская"⁹. Следовательно, сам славянский мир также раздвоен на народный и ненародный. Более того: отчуждение существует между разными славянскими племенами, между Россией и славянским миром.

Говоря о причинах слабости и унижения восточного славянского мира, славянофилы указывали не на исторические события, а на некие особенности народной психологии, народного представления о жизни, народного быта и т.п. При таком подходе получается, что отдельные понятия и логические категории, даже предполагая домысливание и превращение в образы, все-таки не могут быть поняты изолированно, сами по себе. Они наталкивают на другие понятия, другие категории. Причем разные категории могут совпадать, а представляющиеся одинаковыми, синонимичными оказываются не более чем матрицами, с которых воспроизводятся хотя и близкие, но все же различающиеся по смыслу понятия. Возникает надежда найти первопричину, изначальный архетип, от которого образованы все остальные понятия-образы, в том числе и матричные. На самом деле такого архетипа как единого образа, как изначального конкретного факта или философского понятия не существует. Мы можем лишь указать на различные элементы, присущие славянскому миру и, разумеется, не исчерпывающие представление о нем.

В первых же публицистических выступлениях А.С. Хомякова мы встречаем уже сложившуюся оппозицию: мир славянский – мир римско-германский. Разъясняя смысл оппозиции, Хомяков называет противоположность общины и дружины, православия и католицизма, веры и рационализма. В статье "Несколько слов о философическом письме" он утверждает: « ... Мы – центр в человечестве европейского по-

лушария, море, в которое стекаются все понятия. Когда оно переполнится истинами частными, тогда потопит свои берега истиной общей. Вот... то таинственное предназначение России, о котором беспокоится сочинитель "Философского письма". И пусть вливаются в наш суд общие понятия человечества – в этом сосуде есть древний русский элемент, который предохранит нас от порчи¹⁰. Хотя Хомяков пишет о "древнерусском начале", он имеет в виду не только Русь, но и всех славян, точнее, не разделяет эти понятия. Вывод Хомякова о том, что Россия – в центре европейского мира, можно посчитать просто преувеличением, желанием возвысить ее роль. В той же статье Хомяков называет "семью греко-российскую" (включая и славянские народы) "срединой между крайностями слепоты и ясновидения"¹¹. Таким образом, центр призван примирить крайности, воссоздать гармонию, обеспечить равновесие.

Однако все это нисколько не помогает понять, в чем же заключена самобытность русского мира, "древнерусская закваска", по выражению Хомякова. Противопоставление России и Запада, славян и германцев, Запада и Востока, так же, как оппозицию древней Руси и послепетровской России не выдумали сами славянофилы. Для них это уже формулы, понятные каждому, которые надо только использовать правильно в решении исторических, этических, эстетических и иных проблем. Между тем, Хомяков отмечает истинно русские и истинно славянские черты, хотя и не акцентирует на них внимание.

Славянам присуще, по мысли Хомякова, "чувство человеческое"¹². Это чувство исказили в себе германцы, подменив общину – дружины, завоевание с помощью слова – завоеванием с помощью меча. "Рим исказил начало духовное, Германия исказила начало общинное". Славяне то побеждали, когда хранили свои начала, то терпели поражение, когда эти начала искавались. Так, "падение Чехии и Моравии зависело не от силы внешних врагов, но от внутреннего искаżenia общества, которое приняло в одно время чуждую стихию германского аристократизма и духовное учение Запада, подчинившее церковь рационализму Римского мира, а общину – дружинному строю и всем страстям мира Германского"¹³.

В конечном счете, особенность русского и славянского мира – в соотношении вещественного и духовного. "Всемирное вещественное

преобладание падшего Рима оснащалось снова в Ватикане, мимо преображалось в формы духовного преобладания; но это преобладание было не преобладанием слова, а преобладанием меча, – только скрытого. Русь устояла во благо общее – это заслуга ее"¹⁴. Завершая свой ответ Чаадаеву, Хомяков задает вопрос: "Который из народов способнее соединить в себе могущество вещественное и духовное?"¹⁵ Запад проникнут вещественным началом, потому что он основан на завоевании, на культуре и традициях Рима с его аристократизмом, безнравственностью и роскошью. Ложность западного образа жизни и западной веры – в желании устроить жизнь отдельного человека в обществе. Богатого. "Религия в борениях Запада была только маской иных человеческих усилий; ибо религия не спрашивает человека, как, на каких условиях он живет в обществе: она уверена, что если образцы общественной жизни живут правдой, а не языческой самолюбивой хитростью, то из всех усилий общества один и тот же вывод: долг, закон, правда, порядок"¹⁶. Это размышление Хомякова приводит нас к более глубокому и общему сравнению – христианства и язычества. Это оппозиция гораздо более общая, чем оппозиция Запад – Восток. По нашему мнению, первая предшествовала второй, указывая на вещественное, материально-телесное, языческое начало западного мира. Западный, католический мир примирился с язычеством. По мнению славянофилов, западная культура – это своеобразный синтез христианства и язычества. Разногласия католицизма и православия, с такой точки зрения, во многом объясняются различием исторических, психологических и культурных традиций. На Западе христианство и церковь неотделимы от государства, от светской жизни и политики. Поэтому не вера исправляла нравы, не вера научила человека, мирянина, жизни, но жизнь светская, политическая подчинила себе веру, повлияла на церковную традицию, т.е. на ее обрядовую и доктринальскую стороны. Поэтому в католицизме само христианское учение оказывается искаженным и односторонним. Что же касается восточнославянской, в первую очередь русской, религиозной традиции, она также на практике подверглась искажению. Но сама теория, учение дошли до нас, как считали славянофилы, в неприкосновенности и чистоте.

Касиление – также атрибут язычества. Противопоставление за-воевания и призываивания варягов также можно вывести отсюда. Казалось бы, его и можно считать исходным архетипом. Однако это не так.

Не менее важен архетип духовной цельности, противопоставление раздробленности. Славянские народы рассматриваются как народы целокупные, т.е. обладающие личностью, а западные – как раздробленные на отдельные "единицы". На западе народ, народность не составляют целого.

Разбирая "общежитительные отношения русских" (а значит и славян вообще) и их отличие от западных народов, И. Киреевский писал в статье "О характере просвещения Европы...": "Западный человек разделяет свою жизнь на отдельные стремления и хотя связывает их рассудком в один общий план, однако же в каждую минуту жизни является как иной человек...; русский человек каждое важное и неважное дело свое всегда связывал непосредственно с высшим понятием ума и с глубочайшим средоточием сердца"¹⁷. Киреевский не употребляет здесь слово "личность", но, говоря о народных обычаях, общественных отношениях, обращается к самому характеру русского народа, к его индивидуальности. "В устройстве русской общественности личность есть первое основание, а право собственности только ее случайное отношение... Общество слагалось не из частных собственостей, к которым приписывались лица, но из лиц, которым приписывалась собственность"¹⁸. Следовательно, русская "общественность", т.е. общественное, народное устройство, складывалась из личностей, определялась личными отношениями, а не отношениями собственности. Строго говоря, из этого еще не следует, что общественность означает народность. Однако же представление о народе как о начале одушевленном, личностном высказал впервые еще В.Г. Белинский*. И. Киреевский в приведенном отрывке пишет о том, что "общественность" (т.е. не только устройство, но и совокупность людей, индивидуальностей) – не просто механическая сумма отдельных единиц, но и сама по себе личность, только личность высшего порядка.

---

*В.Г. Белинский в статье "Общее значение слова *литература*" писал: "Русский народ похож на гениального ребенка..."¹⁹.

К. Аксаков замечал, что "дело человечества совершается народностями, которые от того не только не исчезают и не теряются, но, проникаясь общим содержанием, возвышаются, и светлеют и оправдываются как народности"²⁰. Мы видим, что само рассуждение К. Аксакова о народности носит характер личностный. Он относится к народности как к одушевленному человеку, как к отдельному существу. Продолжая эту мысль в следующей статье – "Еще о русском воззрении", он утверждает: "Народ не менее отдельного человека имеет право быть собой и иметь свою деятельность"²¹.

Народность для славянофилов – понятие сложное, связанное и с народным воззрением, и с народной жизнью, и с самим народом как соединением, совокупностью отдельных людей. В газете "Молва" от 10 мая 1857 г. К. Аксаков прямо утверждал, что "народность есть личность народа". Он писал: "Как человек не может без личности, так и народ без народности... Личность не только не мешает, но она одна дает возможность понять вполне свободно другого человека, другие личности. Так точно и народность, одна дает возможность народу понять другие народности..."²² Поэтому в объявлении об издании газеты "Парус" И. Аксаков называл народность "символом самостоятельности и духовной свободы, свободы жизни и развития", "залогом новых начал"²³.

Любое понимание народности предполагает признание ее славянофилами как начала цельного в противоположность народности западной, злоупотребляющей свободой и самостоятельностью личности. И. Аксаков обращал внимание на необходимость "признания народности" всех славянских племен и повторял заключительные строчки из "Послания к сербам", написанного А. Хомяковым: "Не внешнее политическое, но внутреннее духовное единство нам дороги. Не одно материальное преуспечение, но познание, изучение, хранение и разработка основных начал славянских – вот что необходимо славянским народам, дабы они могли явиться самостоятельными деятелями общечеловеческого просвещения и обновить ветшающий мир новыми силами"²⁴. Известно, что К. Аксаков критически относился к "Посланник..." А. С. Хомякова, и если он все же воспользовался им в программе своей газеты – значит, в этих словах выражена какая-то скрытая аксаковская мысль.. Вероятно, это мысль о славянских на-

чалах, определяющих духовное развитие русского народа и его единоплеменников. Причем главное препятствие на пути познания славянских народных начал — ненародность самого русского общества, потерявшего, как полагал Аксаков, свою духовную цельность.

Не случайно в 1873 г., полемизируя с Э. Мамоновым о сущности славянофильской теории, И. Аксаков повторил слова И. Киреевского из статьи "О характере просвещения Европы...": "... раздвоение и цельность, рассудочность и разумность будут последним выражением западноевропейской и древнерусской образованности"²⁵.

Архетип "цельность – раздробленность" имеет ярко выраженный семиотический и сакральный характер: добро – зло, плохое – хорошее. Действительно, Хомяков рассматривает религию как свет, как солнце, которое светит не всем одинаково. Славяне видят свет, получают тепло, в то время, как западный мир погружен во тьму, поскольку христианское начало здесь смешано с языческим²⁶. По мнению Хомякова, на Западе до XII в. не было просвещения: "Не ранее XII века все настоящие просвещенные царства стали образовываться из хаоса варварства. В XII веке христианский мир уже процветал у нас мирно..."²⁷. Вероятно, эта оппозиция "хаос – просвещенный, гармоничный мир" и может считаться исходной, архетипической для славянофильской концепции славянского и западного мира. Однако сущность этого архетипа, его смысл для будущей России и славянского мира остается неясным. Только в статье "О старом и новом", завершая разговор о прошлом, настоящем и будущем России, Хомяков скажет о надеждах на возрождение "государства" с "христианским лицом", но при этом "сознающего себя". Он видит в будущем Русь "полну сил, живых и органических, а не колеблющуюся вечно между бытием и смертью"²⁸. Так вопрос о самобытности трансформируется в вопрос о христианских и языческих началах, в проблему жизни и смерти славянских народов.

Славянское начало в целом противопоставлено Аксаковым немецкому. Еще И. Киреевский писал о различии восточного, т.е. славянского православного мира, и западного, римского и католического. Он считал западным заблуждением представление о том, что "живое разумение духа", "внутреннее устройство человека может составить искусственную, ... механически, из одного развития логики,

форму"²⁹. В публицистике И. Аксакова противопоставление славянства немецким началам приобретает более практическую цель: нейтрализовать "немецкое влияние" на славян. Анализируя проблему славянской самобытности, И. Аксаков выступает не только в защиту славян, но и против Австрии и Пруссии. Такая двойная направленность его публицистики объяснима: славянский идеал, по мнению Аксакова, не совместим с германским, западным идеалом. Немецкий идеал – государственность, казенность. Идеал русский и славянский – народность, земскость. Причем казенность приобретает значение начала формального, принудительного. Можно сказать даже – воспринимается как синоним тупости, покорности, автоматизма, присущих немецкой государственной системе. Напротив, земское начало связано с независимостью, бытовой народной жизнью, с участием "земли", всего народа, включая крестьян и ремесленников, в жизни государства. Западному, "немецкому" принципу юридического равенства Аксаков противопоставлял славянское начало братства. Позднее, в 1862 г. в статье "О лженародности" он писал, что славянские народы обладают высшим началом братства – "тем началом христианского равенства, при котором могут законно и свободно существовать различия в знании, положении и состоянии, предоставленные естественной переработке истории и жизни. Разумеется, мы против всякого неравенства гражданских прав, но... никакое гражданское равенство (*égalité*) не дает еще... ни братства, ни свободы, – начал нравственно-духовных, не добываемых никакою внешнею силою, никакими государственными законами и постановлениями"³⁰.

Попробуем разобраться, какое значение приобретает в концепции ранних славянофилов понятие "духовное единство" славян*. На наш взгляд, это модификация категории "дальность". О значении и важности последней для славянофильской теории мы уже говорили. В альбоме В. Ганки А.С. Хомяков сделал неожиданное признание: его, Хомякова, молитва – "одна для всех славян", включая и русских. "Если не будет сомнения в нас, то будет успех. Сила в нас будет,

*Отметим, что идея славянской общности, "солидарности" воспринималась и как культурно-историческая, и как нравственная, и как политическая³¹.

только бы не забывалось братство"³². Интересно и пожелание, записанное там же Хомяковым: "Дух мертвящий, дух сомненья / Ты духом жизни успокой"³³. "Успокоить" – уравновесить, примирить. Таким образом, единство понимается как устойчивость, как гармония, равновесие силы и слабости, греха и добродетели. Народ при этом не успокаивается, не ослабляется, а, напротив, усиливается. В концепции Хомякова "покой" противостоит хаосу, разрушению. Архетипом "покоя" выступает, вероятно, "порядок". С этим понятием мы встречались и в возражении на "Философическое письмо", и в статье "О старом и новом". "Покой" – развитие этого архетипа, включение в него новых обертонов, смыслов, таких, как внутренний мир, гармония, смириение.

Не гордись перед Белградом,
Прага, чешских стран глава!
Не гордись пред Вышеградом,
Златоглавая Москва!

Гордость и уныние равно чужды лирическому герою Хомякова:

Не гордися силой длани
Тот, кто в битве устоял;
Не скорби, кто в долгой брани
Под грозой судьбины пал³⁴.

Внутреннее смириение, равновесие не противоречат "долгой брани", борьбе славян за свое освобождение. Напротив, это чувство необходимо для сознания братства.

Как видим, идея славянской общности, единства и братства славянских народов основана на признании цельности, т.е. органичности, целостности, неразорванности народной жизни – и бытовой, и духовной. Поэтому цельность славян требовала активности, пробуждения народных сил, самой народности от сна. Славянское "солнышко" противопоставлено в стихах Хомякова мусульманскому "месяцу". "Пробуждение" славян – осознание свободы.

Скажите: мы люди свободны, –
Да будет свободна земля,
И горы, и глуби подводны,
И долы, и лес, и поля³⁵.

Хранителем свободы до поры остается только предание. Именно в предании заключено понятие "национальной жизни". По мысли П.Киреевского, предание оказывается в самом широком смысле слова элементом культуры народа, его исторической самобытности и противостоит подражательности. В наброске статьи "Мысли о том, что такая национальная жизнь" П. Киреевский писал: "Выдуманная национальность – национальные костюмы, обычаи, остановленные в известную минуту, теряют свой смысл и становятся китайством. Полнота национальной жизни может быть только там, где уважено предание, где простор преданию, а следовательно, и простор жизни. У нас она парализована нашим пристрастием к иностранному"³⁶.

Как видим, в отношении к преданию и Россия, и славянские страны находятся в одинаковом положении. Славянский мир, славянское начало противопоставляется в концепции А.Хомякова и И.Киреевского не просто западному, а конкретно немецкому. Такого же мнения – о противоположности славянского и немецкого начал – придерживались К. и И.Аксаковы. Можно понять его как конкретизацию противоречия "свое – чужое", "духовное – материальное", "внутреннее – внешнее", "добро – зло". Именно таков контекст, в котором рождалась и была выстроена концепция славянской самобытности и славянской народности. Как и все остальные элементы славянофильского учения, эта концепция приобретает характер художественный, превращается в образ славянского мира.

Позднее И. Аксаков признавался: "Мы допрошали духа жизни в былом, т.е. в истории, в допетровской старине, в современном быте простого народа"³⁷. Говоря об исследовании былого, И. Аксаков употребляет как синонимы понятия "история" и "допетровская Русь". На самом же деле для славянофилов не все прошлое было одинаково. Допетровская Русь – формула, относящаяся к хронологии, фиксирующая определенное устройство государства, следование традиции и т.п.

Аксаков различает в былом две струи, две стороны – событийную и духовную. Сознанию народа чужда фактическая, событийная сторона прошлого, но зато ему близка и понятна мысль о покаянии, о воздаянии за грехи. Народной России, "живущей непосредственным историческим преемством народного духа", пишет И. Аксаков в статье "По поводу празднования тысячелетия России", "мало известны вре-

мена и лета минувшего – внешние грани внешней истории"³⁸. Интерес к этой "внешней истории" исчезает, по его словам, после переворота, совершенного Петром I. Ведь Петр "воздвиг гонения против народной исторической памяти – одного из могущественнейших образовательных элементов русского народа"³⁹.

Аксаков подчеркивает особенное "жизненное значение", которое приобретает история именно для "племен славянских, и русского в особенности": "При ее помощи совершается возрождение славянских народностей. Тяжким подвигом самосознания обретается мыслию утраченное жизни, и вновь усваивается жизни, вооруженное всею крепостью разумного ведения; она возвращает нас к нашим основным органическим началам и предносит путеводный свет нашему историческому шествию"⁴⁰.

В чем же разница в восприятии истории между западными народами и славянскими? Если для первых история "представляется... скорее суммой жизненного опыта, чем нравственным судом над жизнью народа и государства", то для славян и для русских все наоборот: "...Наши книги исполнены нравственных приговоров и личной оценки всех исторических деятелей; ...наша историческая литература постоянно вращается в сфере нравственного суда..."⁴¹. Следовательно, за разным восприятием истории скрывается не просто психологическая или образовательная особенность народа, а нечто большее. За нравственным отношением народа к истории встает "христианское созерцание", желание воплотить некий нравственный идеал в реальной жизни.

И. Аксаков так и не сказал, о чем именно "допрошли" славянофилы "духа жизни". Однако нам ясно, что речь идет о выборе модели развития общества, о выборе исторического пути (который предполагает исправление ошибок и покаяние) – словом, обо всем том, что можно назвать "выбором судьбы".

Да, именно "выбор судьбы" осуществляет каждый народ. От этого выбора зависит то, что называется "народностью", самобытностью и т.п.⁴². В "былом" можно увидеть истоки, причины этого выбора, те связи и отношения, которые его обусловили. Выбор судьбы совершается на уровне предания, т.е. некоего коллективного мифа

(и уже потому имеет сакральное значение), на уровне исторического опыта, того самого "быта", в который погружен простой народ – и русский, и славянский. Именно в этом быту, в повседневности возникают и изменяются те связи, те отношения, которые определяют соответствие или несоответствие первоначальному замыслу.

Наконец, с неопределенным сакральным будущим связан момент выполнения или невыполнения этого предназначения. Выбор судьбы еще ничего не гарантирует, в том числе не спасает ни от ошибок, ни от уклонения с заданного пути. Путь постоянно приходится отыскивать, корректировать в настоящем, обращая свой взгляд к примерам былого, оценивая и сравнивая старую и новую Русь. Нам представляется, что каждая категория теории ранних славянофилов, каждая пара оппозиций, каждая тематическая группа или система оппозиций существует и соответственно должна истолковываться на трех уровнях. Первый – уровень архетипов, связанных с общемифологической задачей выбора судьбы. Второй – реальный, т.е. бытовой, политический, исторический и т.п. Третий – сакральный, обращенный к будущему, к выполнению предназначенного, к завершению судьбы и к завершению истории. Отсюда в раннем славянофильстве такое переплетение мессианизма и эсхатологии.

Образ возникает за счет одновременного считывания, истолкования понятий на каждом из этих трех уровней. Такое "считывание" обеспечивается только пробуждением, работой народного самосознания. Вот почему все возникающие в дальнейшем концепции славянской самобытности и возрождения опираются на принцип сознательности. "Путем отрицания той национальной исключительности, которой не лишено было отчасти наше историческое развитие, пришли мы к сознательной оценке наших народных начал и их общечеловеческого значения..."⁴³. Тем самым проблема выбора судьбы народа, не теряя своего сакрального характера, трансформируется из мифологической (напрямую связанной с преданием, с историей) в проблему современную. "Допетровской Руси сочувствовать нельзя, а можно сочувствовать только началам, невыработанным или ложно направленным, проявленным русским народом; но ни одного скверного часа настоящего я не отдам за прошедшее!" – убеждал И. Аксаков своего брата Константина в письме от 17 сентября 1856 г.⁴⁴. А в марте 1860 г.

И. Аксаков писал К. Аксакову о том, что "все наши надежды на будущее", "залоги наши заключены в народе, нам современном, а не в древней государственной Руси..."⁴⁵. Представление о судьбе славянских народов, образ русско-славянского мира усложняется. Если архетип, сложившийся на основе предания и традиции, требует мифологизации, то современная история представляет возможность рационализации, отхода от стереотипов. Миф о выборе судьбы предполагает как раз "отождествление имени и явления в выборе направления на ту или иную участь"⁴⁶.

Славянофильская теория разрушала обыденное представление о предопределенности и безошибочности исторического развития. Ошибки и пороки были в древних славянских государствах, в русской, до-петровской старице. Желая исправить их, Петр совершил новые, едва ли не худшие.

Славянофилы "рационализировали" проблему выбора судьбы. Они, прояснили само призвание, назначение русского и славянского народов – восстановление целостной жизни. "Разрешит ли себе наконец Россия задачу примирить духовное наследие с жизнью цивилизованной...", – таким вопросом задавался И. Аксаков в письме к А.Д.Блудовой в 1860 г.⁴⁷.

"Рационализация" мифа выразилась в том, что сам момент первоначального выбора не исключает дальнейших шагов, иных, более частных, ситуаций выбора. Как отмечает современный исследователь, в рациональном варианте "момент выбора не исчерпывает ситуацию, а тем более жизненный процесс, в который вовлечены выбирающие"⁴⁸. Само внимание к высказанному слову, к мысли, к влиянию печати, возможно, также объясняется воздействием мифа выбора судьбы, ибо выбор совершается прежде всего изречением слова, наречением имени⁴⁹.

Славянофилы уяснили основные признаки народности, историю ее развития, этапы воплощения государственности, условия развития создания общества, последствия тех или иных исторических периодов. Тем самым они рационализировали первоначальный миф, ибо "рационализация предполагала разделение его на значащие элементы, например, причины, условия, вероятные последствия выбора"⁵⁰.

В теории ранних славянофилов народность (и русская, и славянская) практически сливалась с православием. Что это дает славянофилам с точки зрения ситуации выбора судьбы народа? Выбор религии – момент наиболее важный и серьезный, от которого зависит все дальнейшее. Однако не все славянские племена сохранили православие, скажем, Польша отказалась, подпала под влияние немецкого начала и католичества. В России православие носит характер казенный, оправдывая любые действия правительства. Народное же, историческое православие совсем не то, что И. Аксаков, например, готов признать идеалом... Православие тоже лишь ориентир, лишь начало. Однако в теоретической схеме этот элемент кажется вполне жизнеспособным. Понимая православие как высшую духовную ценность и предлагая каждому человеку и народу в целом проверять свои поступки на оселке православия, славянофилы, тем самым, возвышали роль и человека, и народа. Народность, воспитанная в духе православия, возвышается настолько, что оказывается способна соединиться в единое с другими народностями, составляющими человечество. По тем самым решается и основная сакральная задача – восстановить единство человечества, единство народа – и в то же время сохранить своеобразие, индивидуальность, присущие человеку или народу. И. Аксаков выразил это так: "Трудно, чтоб анализ не помешал синтезу, но именно эта задача задана России"⁵¹. Однако единственное возможное решение задачи такого "примирения" – одновременное "считывание", истолкование событий, факторов и т.п. на разных уровнях.

Примечания

¹ Федотов Г.Л. Национальное и вселенское // О России и русской философской культуре. М., 1991. С. 445.

² Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М.; СПб. 1896. Ч. 2. Т. 3. С. 22.

³ См.: Чернышевский Н.Г. Самозванные старейшины // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 10; Он же. Национальная бестактность // Там же.

⁴ Пыпин А.Н. Исторические очерки. СПб., 1909.

- 5 *Аксаков И.С.* По поводу предыдущей статьи: Письмо к изда-
телю // Русский архив. 1873. Кн. I. Стб. 2511–2513.
- 6 Там же.
- 7 *Аксаков К.С.* О русском воззрении // *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Литературная критика. М., 1981. С. 203.
- 8 Там же. С. 205.
- 9 Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2. Т. 4. С. 24.
- 10 *Хомяков А.С.* Соч. М., 1994. Т. I. С. 456.
- 11 Там же. С. 452.
- 12 Там же. С. 493.
- 13 Там же. С. 491.
- 14 Там же. С. 454.
- 15 Там же. С. 455.
- 16 Там же. С. 454.
- 17 *Киреевский И.Б.* Критика и эстетика. М., 1979. С. 283.
- 18 Там же. С. 282.
- 19 *Белинский В.Г.* Общее значение слова *литература* // *Белинский В.Г.* Собр. соч. М., 1981. Т. 6. С. 520.
- 20 *Аксаков К.С.* О русском воззрении ... С. 197.
- 21 *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Указ. соч. С. 201.
- 22 Цит. по: Русский архив. 1900. Кн. 3. Вып. 2. С. 377. Ср. также:
"... народ не есть собрание отдельных единиц, а живой цельный ор-
ганизм..." (*Аксаков И.С.* Соч. М., 1887. Т.2. С. 169.).
- 23 *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Указ. соч. С. 254.
- 24 Там же. С. 255.
- 25 См.: *Киреевский И.Б.* Указ. соч. С. 290; *Аксаков И.С.* По пово-
ду предыдущей статьи... Стб. 2522.
- 26 *Хомяков А.С.* Сочинения. В 2 т. М., 1994. Т. I. С. 454–455.
- 27 Там же. С. 455.
- 28 Там же. С. 450.
- 29 *Киреевский И.Б.* Указ. соч. С. 191.

- 30 *Аксаков И.С.* Соч. Т. 2. С. 88.
- 31 См.: *Матула В.* Концепция славянского единства и славянской взаимности в словацком национально-освободительном движении (До революции 1848–1849 гг.) // Балканские исследования. М., 1992. Вып. 16. С. 13–23.
- 32 *Хомяков А.С.* Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 125.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 ОР РГБ. Ф. 99. Карт. 11. Ед. хр. 17. Л. 1 (Киреевский П.В. Мысли о том, что такое национальная жизнь).
- 37 Русский архив. 1873. Кн. 1. Стб. 2520.
- 38 *Аксаков И.С.* Соч. Т. 5. С. 3.
- 39 Там же.
- 40 Там же.
- 41 Там же. С.5–6.
- 42 См.: *Ильин М.В.* Миф выбора судьбы и его современные метаморфозы // Россия и Запад: Диалог культур. М., 1994. С. 187–212.
- 43 *Аксаков И.С.* Соч. Т. 2. С. 78.
- 44 Иван Сергеевич Аксаков... Ч. 2. Т. 3. С. 284.
- 45 Там же. С. 399.
- 46 *Ильин М.В.* С. 187, 190.
- 47 Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2. Т. 4. С. 202.
- 48 *Ильин М.В.* Указ. Соч. С. 203.
- 49 Там же. С. 187–188.
- 50 Там же. С. 203.
- 51 *Аксаков И.С.* Письмо Н.С. Соханской, 18 марта 1860 // Русское обозрение. 1897. № 4. С. 551.

В.А. Дьяков

СЛАВЯНСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ В ВОЗЗРЕНИЯХ М.А. БАКУНИНА И М.П. ДРАГОМАНОВА

Сороковые – шестидесятые годы XIX в. были периодом, когда сама жизнь поставила перед общественно-политической мыслью славянских народов в качестве неотложной задачи теоретическое осмысление федералистских идей и их внедрение в освободительное движение. Славянский федерализм был далеко не чужд мировоззрению А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Первый из них будущее славянского мира видел в свободной федерации, ядром которой может стать Россия, уничтожившая на своей территории крепостничество и самодержавие; столицей славянской федерации, по его мнению, должен был стать Константинополь – "Рим восточной церкви, центр притяжения всех славяно-греков, окруженный славяно-эллинским населением"¹. Освобождение русского и польского народов рассматривалось Герценом как начало освобождения всего славянства, а свободный союз Польши и России – "как начало вольного соединения всех славян в единое и раздельное Земское дело"².

Едва ли не наибольшую приверженность к славянскому федеральному проявили М.А. Бакунин и М.П. Драгоманов. Взгляды М.А. Бакунина на историческую роль славянских народов сложились накануне и во время революции 1848 г. – подтверждением этому служат такие его произведения, как "Воззвание к славянам", "Основы новой славянской политики", "Основы славянской федерации", "Внутреннее устройство славянских народов"³. В этих и других сочинениях Бакунин призывал к разрушению российской, прусской, турецкой и особенно австрийской монархий для того, чтобы на их развалинах сложилась "великая, вольная славянская федерация, основанная на принципах общего равенства, свободы и братской любви, на уничтожении крепост-

ного права и сословного неравенства, на предоставлении каждому, кто пожелает, земельного участка в пределах любой из славянских земель". Мир, рассуждал Бакунин, разделен на два лагеря – революционный и контрреволюционный; славяне в своих собственных интересах должны вместе с немцами и венграми добиваться всеобщей федерации европейских республик. Зарубежным славянам, заявлял он, следует быть друзьями и союзниками всех народов и партий, которые сражаются за революцию, они не должны обманываться необоснованными надеждами на помощь со стороны царского правительства. Бакунин верил в особый путь развития славянских народов и отводил им мессианскую роль в истории человечества: "...Последние пришельцы в развитии европейского образования – славяне чувствуют себя призванными к осуществлению того, что другие народы Европы подготовили через свое развитие, то есть к осуществлению ... гуманности, свободы и счастья для всех"⁴.

В 1862 г., возвращаясь к политической деятельности после длительного перерыва, М.А. Бакунин опубликовал в герценовском "Колоколе" незаконченное воззвание "Русским, польским и всем славянским друзьям". В нем он снова провозгласил свое намерение продолжать борьбу за русскую волю, за польскую волю, за свободу и независимость всех славян, т.е. практически без изменений повторил свою "славянскую программу" 1848 г. По словам Герцена, в это время "... Бакунин сгруппировал около себя целый круг славян. Тут были чехи, от литератора Фрича до музыканта, называвшегося Наперстком, сербы, которые просто величались по батюшке – Иоаннович, Данилович, Петрович; были влахи, состоявшие в должности славян... наконец, был болгарин – лекарь турецкой армии, и поляки всех епархий... бонапартовской, мерославской, чарторыйской... демократы без социальных идей, но с офицерским оттенком, социалисты-католики, анархисты-аристократы и просто солдаты, хотевшие где-нибудь податься в Северной или Южной Америке... а преимущественно в Польше"⁵.

Однако столь отчетливо выраженное стремление Бакунина использовать идеологию федерализма для развертывания национально-освободительной борьбы славянских народов не было им реализовано в связи с тем, что с середины 1860-х годов он принял сугубо паци-

фистскую трактовку понятия федерализма. Весьма серьезное воздействие на федералистские взгляды М.А. Бакунина оказали, во-первых, общественно-политический опыт революций 1848 г. в странах Европы; во-вторых, уроки польского восстания 1863–1864 гг.; в-третьих, катастрофическое нарастание милитаристских настроений в Европе из-за обострения франко-прусских, прусско-австрийских, австро-итальянских и иных противоречий. Бакунин остался федералистом, но если прежде он был готов удовлетвориться славянской федерацией, то в изменившихся условиях решил сделать своей главной целью создание организации нового типа, "не имеющей иного основания, кроме интересов, потребностей и естественных влечений населения, ни иного принципа, помимо свободной федерации индивидов в коммуны, коммун в провинции, провинций в нации, наконец, этих последних в Соединенные штаты сперва Европы, а затем всего мира"⁶. Оба проекта представляются прожекторством, не имеющим серьезных шансов на реализацию. Но существенно то, что первый из них предполагал объединение реально существующих этнонациональных общностей, тогда как второй предусматривал весьма сложное их переструктурирование по не очень ясным социальным параметрам. Высокой степени централизации и всемогуществу государства в республиканской Франции М.А. Бакунин противопоставлял "великий, спасительный *принцип Федерации*, принцип, чье блестательное проявление явили ... события в Соединенных Штатах Северной Америки. С этих пор ... сохрания все свои симпатии к великим социалистическим и гуманистическим идеям, провозглашенным Французской Революцией, мы должны отбросить ее политику Государства и решительным образом воспринять североамериканскую политику свободы"⁷.

Содержание "великого принципа федерализма" Бакунин раскрывал в тринадцати пунктах перечня требований к Лиге Мира и Свободы. Первые пять из них посвящены обоснованию того, что свобода, справедливость и мир в Европе возможны, только если будут созданы Соединенные Штаты Европы, включающие ряд примерно равносильных и абсолютно равноправных демократических государств. По его мнению, изложенному в пунктах с 6-го по 11-й, это потребует полного отхода от так называемого "исторического права" и того, чтобы все вопросы о "естественных, политических, стратегических и торго-

"вых границах" считались "принадлежащими к древней истории и решительно отвергались всеми приверженцами Лиги". При этом должно признаваться абсолютное право каждого народа, провинции, коммуны на полную автономию внутри федерации, равно как и на свободный выход из нее. Любой союз той или иной национальной фракции европейской демократии с монархическими государствами являлся бы в таких условиях изменой делу революции. Всякий народный бунт против любого угнетения должен был быть поддержан Лигой, "лишь бы это был бунт во имя наших принципов и в политических и экономических интересах народных масс, а не амбициозное намерение основать могущественное Государство". И вообще, Лиге следовало бы тогда "вести беспощадную борьбу со всем, что называется славой, величием и могуществом государств"⁸.

Весьма существенен 12-й пункт рассматриваемого перечня, "Лига, — гласит он, — признает *национальность* как естественный факт, имеющий бесспорное право на свободное существование и свободное развитие, но не как принцип, ибо всякий принцип должен обладать всеобщностью, а национальность — это лишь отдельный, исключительный факт. Так называемый *принцип национальности*, каким он представляется в наши дни правительствами Франции, России и Пруссии и даже многими немецкими, польскими, итальянскими и венгерскими патриотами, является лишь отвлекающим средством, которое реакция противополагает духу революции... Право национальности всегда будет рассматриваться Лигой лишь как естественное следствие высшего принципа свободы, и оно перестанет быть правом как только окажется или против свободы, или даже просто вне свободы". Аналогично отношение М.А. Бакунина к патриотизму, который признается им полезным только при определенных условиях. По его убеждению, "патриотизм, стремящийся к единству помимо свободы, — это плохой патриотизм. Он всегда причиняет вред интересам страны, которую он якобы хочет возвысить и которой хочет служить, будучи, зачастую помимо воли, другом реакции и врагом революции, то есть освобождения народов и людей"⁹.

Свое новое отношение к русскому и славянскому патриотизму Бакунин выразил в речи на втором конгрессе Лиги Мира и Свободы в 1868 г. "... Мы хотим, — говорил он, — совершенного разрушения

Российской империи, полного уничтожения ее могущества и ее существования. Мы хотим этого столько же во имя человеческой справедливости, как и во имя патриотизма"¹⁰. Что же касается не государственного, а народного или национального патриотизма, то его Бакунин вовсе не отвергал. "... Славянские народы вообще, великорусский в особенности, – читаем в той же его речи, – наименее захватывающий народ в мире. Единственная вещь, которую он страстно желает, – это свободное и коллективное пользование землей, которую он обрабатывает; все остальное ему чуждо и вызывает в нем страх". Национальный принцип, заявлял Бакунин, "не выражает ничего другого, кроме пресловутых исторических прав и властолюбия государств..."¹¹.

1872 годом датируется подготовленная Бакуниным "Программа славянской секции Интернационала в Цюрихе". В ней говорилось: "Славянская секция, стремясь к освобождению славянских народов, вовсе не предполагает организовывать особый славянский мир, враждебный из чувства национального народам других рас. Напротив, она будет стремиться, чтобы славянские народы также вошли в общую семью человечества, которую Международное общество рабочих призвано осуществить на началах свободы, равенства и всеобщего братства". Славянская секция, заявлял Бакунин, с одинаковой энергией будет бороться как против панславизма, т.е. освобождения славянских народов при помощи Российской империи, так и против пангерманизма, т.е. при помощи буржуазной цивилизации немцев¹².

Искривляющее представление о подходе к рассматриваемому кругу вопросов М.П. Драгоманова можно получить по его книге "Историческая Польша и Великорусская демократия". В отличие от Бакунина, автор книги все свои принципиальные рассуждения и выводы основывает, если не исключительно, то главным образом на аргументах из сферы межнациональных отношений, а не социального развития. Это объясняется тем, что Бакунин и его польские оппоненты представляли в этом споре точку зрения государственных наций – русской и польской, тогда как Драгоманов выражал мировосприятие украинцев, которые делали первые шаги к политической самостоятельности. С созданием университетов в Харькове и Киеве, писал Драгоманов, "из всех западнороссийских негосударственных племен

национальное возрождение организовалось только у одних украинцев". Под пером Н.И. Костомарова "уже в 40-е годы украинофильство сложилось в учение о федерально-демократическом панславизме". Кирилло-Мефодиевское братство развернуло его пропаганду, но подверглось политическим репрессиям. Украинофильские идеи, по словам Драгоманова, были обруганы "и западником Белинским и восточником Хомяковым"¹³.

Один из разделов книги Драгоманова специально посвящен восприятию А.И. Герценом взаимоотношений между русскими, поляками и украинцами. Автор книги, с одной стороны, хвалил Герцена за то, что он мог «верно угадывать основные черты польского вопроса в России, правду и фальшь стремлений польских "исторических патриотов"», с другой — критиковал за нежелание помнить о том, что слова "Польша" и "Россия" "представляют собой ... государства, а не народы", осуждал привычку «поляков и великороссов ставить вопрос только между "Россией" и "Польшей"». По словам Драгоманова, спрашивливую границу между Россией и Польшей Герцен определял следующим образом: "...Там, где народ исповедует православие, говорит языком более близким к русскому, чем к польскому, там, где он сохранил русский крестьянский быт, мир, сходку, общинное владение землей, — там он, вероятно, захочет быть русским", а там, где у него "сочувствие с Польшей сильнее... он пойдет с ней". Жителей Малороссии сначала надо освободить от нужды и рабства, а потом "они скажут свое слово" о том, к кому они протянут "руки на братский союз и на независимость". Восстание, считал Драгоманов, если уж будет, должно стать не только польским и великороссийским, но также литовским, белорусским и украинским. «Таким образом мы приходим к необходимости выработать широкую федеральную программу, независимую ни от каких "исторических" преданий и государственных претензий, вполне достойную освободительных идей новейшего времени иющую действительно удовлетворить интересы всех племен Востока Европы»¹⁴.

В "Колоколе" от 15 января 1860 г. была опубликована статья, в которой один из главных деятелей Кирилло-Мефодиевского общества писал, что на Украине идея славянской взаимности "тотчас облек-

лась в светлую форму федеративного союза славян, где бы каждая народность сохранила свои особенности при всеобщей личной и общественной свободе... В будущем славянском союзе, *в него же веруем и его же чаем*, наша Южная Русь должна составить отдельное гражданское целое на всем пространстве, где народ говорит южно-русским языком, с сохранением единства, основанного не на губительной мертвящей централизации, а на ясном сознании равноправности и своих собственных выгод". Во время польского восстания 1863 г. Герцен напомнил в "Колоколе" об этой статье, назвав ее превосходной, заметил: "Если ... на вашем знамени не увидят *надел земли* (крестьянам,— В.Д.) и *волю провинциям*, то *наше счастье вам не принесет никакой пользы, а нас погубит*". На деле, констатировал Драгоманов, ни первое, ни второе обещание поляки не выполнили, что подтверждается рядом повстанческих руководящих документов, в которых будущая Польша рассматривается как триединое государство поляков, литвинов и русинов¹⁵.

Подробно анализируются в книге Драгоманова русско-польско-украинские взаимоотношения во время польского восстания 1863–1864 гг. За ним, по мнению Герцена, Бакунин "видел свою славную славянскую федерацию", о которой поляки, как свидетельствует Драгоманов, "говорили не то с ужасом, не то с отвращением". Положительно оценил Драгоманов подписание договора петербургских землевольцев с редакторами "Колокола", признание "Великоруссом" права на независимость не только Польши, но и Южной Руси, радикальную формулировку решения социального вопроса в программных текстах "Земли и Воли". Резко отрицательно высказался он по поводу согласия землевольцев на отстаиваемую польскими партнерами границу 1772 г., связывая такое решение с характером "политического образования русского общества на основе московско-петербургской цивилизации", органически неприемлемой учение о федеративном устройстве. Федералисты, отмечал М.П. Драгоманов, были не среди политиков, а среди ученых — П.В. Павлов в Киеве, Н.И. Костомаров в Петербурге, А.П. Шапов в Казани. Идеи федерализма не разъяснялись в российском обществе, а централизму противопоставлялся только сепаратизм, неприемлемый даже для многих радикалов. По-

этому к противникам украинского движения из катковского лагеря "прибавились противники из лагеря радикального, в котором польский сепаратизм ... пользовался большим сочувствием, чем украинский федерализм..."¹⁶.

Статья Н.Г.Чернышевского "Народная бесполковость" долгое время служила для советских обществоведов, включая и автора этих строк, чем-то вроде образца классового подхода к истории литературного процесса. Драгоманов давным-давно и вполне обоснованно раскритиковал статью, но загипнотизированные именем революционного демократа номер один, мы замалчивали его научные прегрешения. В статье Чернышевского "не соблюдена мера в накладывании красок: на сторону политиков русинских положены все темные краски... для их политических противников сохранены исключительно светлые". Это объясняется, по мнению Драгоманова, тем, что Чернышевский некритично воспринимал сведения, получаемые от своих польских друзей, в частности от З.Сераковского. "Чернышевский, – говорится в книге Драгоманова, – положение дел в Галиции ... изложил ... или совершенно произвольно, или с голоса исторических польских патриотов... Никаких русинов-помещиков не существует в Галиции, как и по всей Украине на правом берегу Днепра... Во всей Украине до Днепра никакого польского народа нет, а есть только помещики и ... эти помещики там почти все поляки". О программном документе Комитета русских офицеров в Польше Драгоманов отзыается со сдержанной критичностью, обусловленной тем, что его авторы не захотели с полной определенностью отречься от лозунга границ 1772 г., а заявили: "... Независимость Польши от петербургского и других немецких правительств и признание за всеми областями, соединенными с Польшей воспоминаниями прошедшего, права располагать собою – помимо всех государственных, как польских, так и русских соображений. Только на этих основаниях мы и наши солдаты готовы примкнуть к польскому восстанию, потому что те же основания и нашей русской свободы"¹⁷.

В мировоззрении Бакунина второй половины 60-х годов на первый план выходит противопоставляемое монархическим, конституционным, республиканским теориям прудонистское учение о полной независимо-

сти личности и о безвластии. Драгоманов был убежден, что это учение заключает в себе основу для здоровой федералистской теории вообще, что федералистские идеи в политике и в социализме еще ждут своих приверженцев в России. "И когда настанет их час, — заявлял он, — тогда имя Бакунина получит новые права для благодарности, как ... одного из предшественников партии, которая ... для России представляет единственное условие сколько-нибудь рационального направления политической и социальной жизни в этом чудовищно большом государстве". Что касается Бакунина, то он на конгрессе Лиги Мира и Свободы в 1868 г. предсказывал становление независимой двадцатимиллионной "малороссийской" (украинской) нации и возможное присоединение к ней четырех миллионов "русинов" из Белоруссии, Литвы и Галиции. Бакунинский план создания славянской секции Интернационала Драгоманов считал неприемлемым, а идею восточноевропейской федерации социалистов горячо поддерживал¹⁸.

Девятая глава книги Драгоманова почти целиком посвящена полемике по поводу статьи Д.Н. Овсянико-Куликовского "Записки южнорусского социалиста", опубликованной в украинофильской "Громаде" при активном содействии Драгоманова. "Записки", излагавшие точку зрения якобы существовавшей организации "украинских социалистов-федералистов", подверглись резкой критике в статье П.Н. Ткачева "Революция и принцип национальности", которая была опубликована в "Набате"¹⁹. В полемическом запале обе стороны не смогли воздержаться от ненужных резкостей, но в основном дискуссия не была бесполезной. Подкрепляя свою аргументацию цитатами из Драгоманова, Овсянико-Куликовский упрекал "набатовцев" в игнорировании интересов украинской и других национальностей России. "Напротив, — отвечал ему Ткачев, — мы всегда относимся к ним с самым искренним сочувствием, лучшим доказательством чего служит тот факт, что мы, во-первых, никогда не отделяли своего дела, своих интересов от их дела, от их интересов, и, во-вторых, в ряды нашей партии всегда имели и всегда будут иметь свободный доступ все социалисты-революционеры без различия национальностей"²⁰.

Десятая глава книги аналогична по содержанию – в ней Драгоманов рассматривает подход к украинскому национальному движению, отразившийся еще в некоторых агитационно-пропагандистских изданиях и в юбилейных мероприятиях. С похвалой упомянул Драгоманов о брошюре "Хитрая механика", в которой "довольно последовательно проведена анархическая, федеративная точка зрения и относительно областного элемента указано надлежащее место; борьба украинцев с Польшей и московская централизация освещены верно; даже восстание 1863 г. ... верно ... с должной критикой". Примерно за то же он высоко оценивал газету Н.И. Жуковского "Община", однако с оговоркой: « Но и федерализм и антигосударственность "Общины" не встретили сочувствия в "русских" социалистических кругах». Заканчивается глава настоятельным призывом о необходимости завершения борьбы украинцев-социалистов за обособление в самостоятельную организацию. "... Эта борьба, – писал Драгоманов, – заставляет украинцев уже ради расчета не оставаться одному в поле воином поднимать на Востоке Европы народно-федеральную идею вообще, – поднять то знамя, которое держали в своих руках и великорусы вроде Бакунина, но которое выпустили из рук их близорукие наследники. Идея эта – полное равноправие *негосударственных наций с государственными, организация для каждой из них специального корпуса деятелей политического и социального освобождения и на первых порах пропаганда освободительных идей на всех языках, не только панских, а и плебейских, как самое действительное средство провести эти идеи в массы населения в тех племенах Востока Европы*". Против себя, добавляет Драгоманов, украинцы будут иметь все государственно-национальные централистские партии, но, добившись своего, "увидят рядом с собою федерально-социалистические партии – эстонскую, латышскую, литовскую, белорусскую, словацкую, словинскую, румынские, кавказские, кружки еврейские... а также здоровые от государственно-национальной заразы элементы партий великорусских, польских, немецких, венгерских. Некоторые признаки такого светлого будущего видны уже теперь" ²¹.

Теоретически, отмечал Драгоманов, борьбу за национальную независимость Украины могла бы заменить борьба за политические сво-

боды; но практически эта последняя в условиях царской России была невозможна: российский гнет отнял у "масс народа их мозг, образованные классы ... школу, искусство". Пропаганда украинского языка мешали "обрушение" украинской интеллигенции и сильно распространившееся "всероссийство" русских социалистов. С другой стороны, "никакое народное движение в Литве, Белоруссии и правобочкой Украине под знаменем польским было невозможно"²². С Б. Лимановским, отстаивавшим идею восстановления Польши в исторических границах как путь к решению вопроса и для Украины, М.П. Драгоманов высказывал категорическое несогласие. Из польских авторов, констатировал он, за самое радикальное отречение от такой точки зрения высказался лишь некий неизвестный автор М.Г., который издал в Кракове брошюру "*Głos z Korony, natchniony rokiem 1872*". Автор ее, по словам Драгоманова, "сумел отделаться от шовинистических идей по отношению к Литве, Волыни, Подолии и Украине"²³.

Тринадцатая глава книги содержит обзор великорусской революционной печати 1879–1880 гг. В нем первые номера "Земли и Воли" характеризуются как "туман русофильского народничества". Террористическое направление в лице "Народной Воли", в том числе отдельные народовольцы, оцениваются более детально и доброжелательно. А.И. Желябов, по мнению Драгоманова, очень дорожил солидарностью украинцев и ратовал за автономизм, у которого среди участников движения было много "исступленных врагов". Предложенную Желябовым "Программу исполнительного комитета" Драгоманов критиковал за слабое развитие идеи областной свободы, за совершенное умолчание "вопроса о правах национальностей и сокрытие разнобразного населения России под именем русского народа". Подводя итоги своему критическому разбору идейно-политических установок "Народной Воли" и резко осуждая их террористическую направленность, Драгоманов отмечал в позиции народовольцев слабые попытки национально-региональной дифференциации, "которые не изменяют сущности ее узковеликорусского и якобинского характера"²⁴.

Подробный и содержательный разбор взаимосвязей между национальным и социальными аспектами освободительного движения в России и Польше сделан Драгомановым в четырнадцатой главе, которая посвящена печатному органу "Черного передела". Газета, писал Дра-

гоманов, называет себя органом социалистов-федералистов, хотя фактически отражает воззрения русских социалистов. Предложение чернопередельцев об издании серии "Русская социально-революционная библиотека" Драгоманов и его единомышленники считали "недостаточно федеративным" и предлагали взамен создание "Восточноевропейской международной издательской ассоциации", которая бы объединила на федеративной основе издание "областных", т.е. национальных библиотек разных народов. Соответственно, Драгоманов считал правильным и "социальные партии" организовывать по "естественному областям" (географическим, экономическим, народным), но не на основе существующих государственных границ. В полемическом запале он заявлял, что никто из несогласных с такой точкой зрения "польских и великорусских централистических псевдоинтернационалистов ... несмотря на свои обещания, не издали ни одной книжки, ни даже странички на каком бы то ни было плебейском языке". Мимоходом, но столь же запальчиво критиковал Драгоманов "Южно-Русский рабочий союз". "... Украинское население, — заявлял он, — не механическая совокупность двуногих существ, живущих в известных провинциях известного государства, а столько же органическое целое, сколько может быть им население известной нации". Украинские члены всероссийского общества "Земля и Воля", поддержавшие "Черный передел", сделали бы, по мнению Драгоманова, "самое лучшее, если бы образовали специальное украинское общество и начали издавать специальные листки или газету на украинском языке"²⁵.

Тридцатипятистраничное заключение своей книги Драгоманов считал необходимым начать с признания определенной ее односторонности в смысле исключительного внимания к украинскому народу, объясняя это, во-первых, тем, что украинцы ему "всего ближе и известнее", во-вторых, тем, что отношение разных польских и великорусских элементов к этому народу отражает "наиболее типические стороны отношения разных элементов наций привилегированных к нациям плебейским... Востока Европы". Украинцы, по мнению Драгоманова, эта самая энергическая и многочисленная нация указанного региона, обреченная играть видную роль как наиболее важный из объектов захвата, так и важнейший из центробежных элементов. "В свое

время, — писал он, — украинцы ... потрясли существование польского государства; в XIX столетии украинцам ... принадлежит самая видная роль в поднятии общего федеративного вопроса в Восточной Европе, который, конечно, приведет за собою потрясение основ России...". По мнению Драгоманова, освободительное движение в России слабо потому, что оно ориентируется на сотрудничество с польскими социалистами, которые еще не скоро станут серьезной силой, а не на национально-политическое движение, преимущественно развивающееся на польских землях. "Пример 1863 г. показал, — утверждал Драгоманов, — что всякое заявление в пользу восстановления независимости исторической Польши может быть только вредно для свободы и поляков, и всех других народов, подвластных российской деспотии. *Теперь для здравомыслящих людей может быть только речь о независимости Польши этнографической*". Сепаратный путь для поляков Драгоманов считал нереальным и с чисто военной точки зрения; остается, следовательно, писал он, путь федерации²⁶.

План превращения Российской империи в федеративно-демократическое государство Драгоманов разрабатывал вполне серьезно и с большой степенью детализации. "...Польский край, — читаем в его книге, — может получить автономию, равно как и всю сумму прав, составляющих сущность политической свободы... только посредством дружного натиска на правительство, произведенного с ясной программой. Программа эта должна быть федеральная, с признанием полной равноправности всех областей и национальностей". Поскольку между русским и польским этническими массивами дислоцированы целые более или менее плебейские нации, постольку приемлемой для всех может быть только программа демократичная как в политическом, так и в экономическом смысле. В отличие от Австрии, в Российской империи аристократический федерализм невозможен — централистически-бюрократические элементы не позволяют его реализовать, да и народы едва ли примут. Однако далеко идущую демократизацию общественно-политических взаимоотношений Драгоманов считал преждевременной. "Конечно, — заявлял он, — логически проведенный демократический принцип приводит к социализму, но ... такой логичности совершенно невозможно требовать в настоящее время от всех не только на практике, но и в теории"²⁷.

Для реализации федералистского варианта общественного устройства Драгоманов считал необходимым образование федерально-демократических партий во всех областях России и среди всех национальных политических обществ. Образованные поляки и великороссы могли бы помочь в этом: первые – племейским нациям бывшей Речи Посполитой, вторые – украинцам и румынам Бессарабии. Потребуется также закладка "прочного местного самоуправления", а возможно и созыв центрального Земского Собора. "... Важно, чтобы различные политические деятели в России искренне признали несоответствие централистически-национальных идей польских и великорусских, с интересами общей свободы и жизни различных народов и областей бывшей Польши и теперешней России". Впрочем, признается Драгоманов, "все заявившие себя общественные элементы – правительственные, революционные, земские мало возбуждают в нас оптимистических ожиданий". Для действительной реформы России нужны совсем новые люди, которые, по его мнению, "появятся в областных и национальных обществах, составленных из зрелых лиц разных профессий"²⁸.

Из сказанного явствует, что федералистские концепции Бакунина и Драгоманова довольно существенно отличались друг от друга и каждая из них претерпела определенную эволюцию за время своего существования. В поле зрения Бакунина в 40–50-е годы находились преимущественно федералистские связи между национальными и политическими общностями, тогда как в 60–70-е годы – только между общностями социального характера, поскольку в его разработанной к этому времени анархо-синдикалистской теории общественного устройства не было места для нации и государства. Драгоманова едва ли не всю жизнь интересовали исключительно федеративные связи между национальными государствами и положение безгосударственных наций, особенно украинской. Некоторая эволюция его взглядов проявилась в беглом упоминании среди субъектов федерализации общин и коммун, появившемся, по-видимому, под влиянием М.А. Бакунина и П.Ж. Прудона. Для подавляющего большинства славянских народов федералистские идеи были, несомненно, ближе и привлекательнее, чем для соседних с ними германских и романских народов. Думается, что обусловлено это не столько какими-либо врожденными качествами славян, сколько особенностями исторических условий, в которых складывалась и функционировала их государственность..

Примечания

- 1 Герцен А.И. Собр. соч. М., 1957. Т. 12. С. 199.
- 2 Там же. С. 205.
- 3 Бакунин М.А. Избр. соч. Лондон, 1915. Т. I. С. 13–46.
- 4 Там же. С. 40.
- 5 Герцен А.И. Собр. соч. Т. 11. С. 360.
- 6 Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм. // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 19.
- 7 Там же. С. 17.
- 8 Там же. С. 19–20.
- 9 Там же. С. 20–21.
- 10 Бакунин М.А. Избр. соч. Т. I. С. 74–75.
- 11 Там же. С. 64.
- 12 Там же. С. 47–49.
- 13 Драгоманов М.П. Историческая Польша и Великорусская демократия. Женева, 1881. С. 62–63.
- 14 Там же. С. 71–75, 80–81, 104–105.
- 15 Там же. С. 111–112, 114.
- 16 Там же. С. 148, 152, 154, 155–157, 168.
- 17 Там же. С. 178, 186–187, 212–213.
- 18 Там же. С. 234–236, 242, 249–250.
- 19 См.: Драгоманов М.П. Историческая Польша... С. 257–289.
- 20 Подробнее см.: Дьяков В.А., Жигунов Е.К. Народническое направление в русской славяноведческой историографии и П.Л. Лавров// Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 172–175.
- 21 Драгоманов М.П. Историческая Польша... С. 323, 330, 342–344.
- 22 Там же. С. 345, 361, 368.
- 23 Там же. С. 373–374.
- 24 Там же. С. 407, 413, 424–425.
- 25 Там же. С. 429–430, 434–435, 443, 458, 472.

26 Там же. С. 477–479, 481–485.

27 Там же. С. 486–488.

28 Там же. С. 490–491, 495, 507–509.

Л.П. Лаптева

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В МИРОВОЗЗРЕНИИ
П.А. КУЛАКОВСКОГО
(по архивным материалам)

Платон Андреевич Кулаковский (1848–1913) принадлежит к числу русских славистов, творчество которых еще не нашло достаточного освещения в литературе¹. В рамках славистики он изучал как историю, так и филологию, проявляя интерес прежде всего к сербскому и хорватскому литературному движению XVIII – первой половины XIX в. Им написаны труд "Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе" (1882) и монография "Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода возрождения" (1894). Третья крупная работа Кулаковского – "Начало русской школы у сербов" (1903) – посвящена культурным взаимоотношениям России и южных славян. I:аряду с научной деятельностью Кулаковский занимался публицистикой, являясь в разное время корреспондентом, сотрудником и редактором русских газет, в которых высказывался о современном ему славянстве. Как в научных трудах, так и в публицистике Кулаковский защищал взгляд на славянство, характерный для определенного круга русского общества двух последних десятилетий XIX и начала XX в. и выражавшийся прессой и публицистикой умеренного и консервативного направлений.

В настоящей работе не представляется возможным привлечь к анализу публицистические работы Кулаковского. Здесь рассматриваются неопубликованные данные, содержащиеся в письмах Кулаковского чешскому ученому А. Патере, а также И.С. Аксакову и А.А.Майкову.

П.А. Кулаковский происходил из семьи священника. Он окончил гимназию в Вильно, учился в 1866–1870 гг. в Московском университете, где проходил курсы славистических дисциплин у О.М. Бодянского, Н.А. Попова и А.Л. Дювернуа. Москва в это время продолжала оставаться центром русского славяноведения и славянофильства. Здесь действовал Славянский благотворительный комитет во главе с И.С. Аксаковым, а секретарем комитета был Н.А. Попов, один из учителей Кулаковского. В Москве выходили славянофильские газеты и журналы. Эта духовная атмосфера и сформировала взгляды Кулаковского на славянство. После окончания университета он работал учителем в одной из московских гимназий, а в 1876 г. был командирован на год за границу для изучения славянских наречий. Прежде всего славист посетил Чехию, где изучал чешский язык, а также труды по истории литературы и этнографии. Кроме того, Кулаковский занимался глаголицей, изучал старопечатные книги, интересовался вопросами подлинности Краледворской рукописи². Словом, в Чехии он получил основательную славистическую подготовку. Из Праги он переехал в Любляну, затем в Загреб, где в 1877 г. занимался соответственно литературой словенцев и хорватов. Изучал ученый и далматинскую литературу, а в одном рукописном сборнике XV в. (или начала XVI в.) обнаружил два апокрифических сказания, не изданных еще и ныне³. Таким образом, во время годичной командировки Кулаковский весьма существенно пополнил свое образование. Его знание славян сыграло не последнюю роль в назначении его профессором русского языка Великой школы в Белграде, куда он отправился в 1878 г.

15 июля 1878 г. Кулаковский писал Патере, что собирается ехать в Белград, чтобы преподавать русский язык в тамошней школе. "Сербы завели у себя преподавание русского языка всюду, — сообщает ученый, — а это — очень важное дело, и меня ... приглашают на кафедру тамошнего университета-школы. Хотелось бы послужить этому важному в славянской жизни делу... Поеду, вероятно, года на три, не больше, потому что не имею ни малейшего желания бросать Россию навсегда. Постараюсь в эти три года объездить Балканский полуостров и вообще славянство"⁴.

В Сербии Кулаковский с большим успехом работал с 1878 по 1882 гг. Начинать преподавание оказалось нелегко. Пособий по рус-

скому языку не было, и, как сообщал славист И.С. Аксакову в письме от 20 января 1879 г., ему самому пришлось составить "небольшую русскую хрестоматию". "Как русскую грамматику, — пишет он далее, — так и хрестоматию для сербов я считаю своей обязанностью составить в течение трех лет, которые, как предполагается, пробуду здесь"⁵. В другом письме тому же адресату ученый сообщает: "Хрестоматию на первое время я составил и отдал Васильевичу*, который распорядился печатать ее. Хотя я убеждал его, что эта хрестоматия отняла у меня времени немногого, и платы за нее не желаю — лишь бы только скорее она была напечатана, да была дешева, — однако мне назначили за нее 10 дукатов, вероятно, для очистки сербской совести "⁶.

Русский историк-славист В.В. Макушев, посетивший Белград в 1881 г., отмечал, что Кулаковский, как профессор русского языка и литературы в Великой школе, пользовался большим уважением. В отчете о своей поездке Макушев писал: "Магистр славянской филологии Московского университета П.А. Кулаковский был приглашен в Сербию года три тому. Он преподает свой предмет с любовью и увлечением и пользуется популярностью между своими слушателями. Я был на одной его лекции — о Лермонтове — и видел, с каким вниманием его слушают, и как восторженно записывают каждое слово. Мне часто приходилось встречать в его доме студентов Великой школы, которые приходят к нему за советами и книгами. Популярность он пользуется не только между студентами, но и между образованными и честными сербами всех политических партий и фракций. Сведения о русской литературе он распространяет также путем печати, помещая в местных периодических изданиях литературные очерки и критические и библиографические статьи. По случаю смерти Соловьева** была им произнесена в Великой школе и потом напечатана речь, в которой он общедоступно изложил заслуги знаменитого нашего историка. Статьи о сербской литературе он помещал в наших журналах, а в нынешнем году напечатал в Москве замечательный труд о В. Караджиче, его деятельности и значении в сербской литературе; это — магистерская диссертация. В доме г. Кулаковского, подобно всем моим соотечествен-

---

*Министру просвещения Сербии.

**Речь идет о знаменитом русском историке С. М. Соловьеве (1820–1879).

никам и сербам, я нашел чисто русское гостеприимство и радушие. Готовый на все возможные услуги, Платон Андреевич был моим *cicerone* в Белграде и помогал мне советами и указаниями."⁷.

По возвращении в Россию Кулаковский сотрудничал в газетах и журналах, а с 1892 по 1902 г. занимал кафедру славянских наречий в Варшавском университете. С 1902 г. он занимался в основном публицистической деятельностью, неоднократно редактировал и журналы охранительного и крайне правого толка. В архивах находится значительная корреспонденция Кулаковского, содержащая множество интереснейших сведений о славянах, политике славянских государств, вообще о славянских делах. Так, в письмах Кулаковского имеется немало сведений о Чехии и о значении Праги как научного центра европейской славистики. В одном из его писем к Патере читаем: "Прага – действительно столица у славян в Австрии и, вероятно, навеки останется ею как в отношении умственной и литературной жизни, так и по удобствам, которые отличают столичные города"⁸.

Находясь в Загребе, Кулаковский следит за чешскими газетами и одобряет направление тех из них, которые сочувствовали освободительной борьбе южных славян. "Душа радуется, – писал он в 1877 г., – когда читаю по временам *Národní listy* и *Politik. Pokrok'* не полагается в Загребе. Молодым духом веет из Чехии. Я, конечно, вижу его даже не в сочувствии нашему славянскому святому делу, а в этой силе убеждения, прорывающейся в каждой строчке газетной статьи ... Наступает новая, лучшая пора жизни славянства"⁹.

Следует отметить, что А. Патера неохотно обсуждал с русскими корреспондентами политические проблемы, не разделяя их взглядов на многие аспекты славянского вопроса. Что же касается русских корреспондентов Патеры, то многие считали его своим единомышленником и откровенно высказывались по актуальным темам в письмах к нему. По таким высказываниям можно, в частности, судить и о взглядах Кулаковского на славянский вопрос. Так, суждения Кулаковского о поляках демонстрируют его приверженность к официальной точке зрения русского самодержавия. Поляки для Кулаковского своего рода капризный ребенок, которого хоть и жаль, но необходимо сечь для его же пользы, а виноват в этом только наказуемый. "Я, – пишет Кулаковский, – собственно, жалею поляков, а не нас (т.е. русских. – Л.Л.)

... Поляки выкинут штуку, придется их унимать – пострадают, будут ругаться, метаться и срамить славянское имя..."¹⁰.

В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Кулаковский проявлял искренний славянский патриотизм. Но, как и у всех приверженцев славянофильского мировоззрения, у него вместе с патриотизмом ощущается и торжество по поводу воплощения в жизнь одного из славянофильских идеалов – "мессианической" роли России в отношении славян, т.е. идеи, сформулированной прежде всего известным идеологом позднего славянофильства И.Я. Данилевским в его книге "Россия и Европа", которая пользовалась большой популярностью в некоторых кругах русского общества¹¹. Между тем, многие южные славяне отнюдь не разделяли мечтаний русских славянофилов пореформенного периода, доказательством чего является хотя бы их отношение к идею введения русского языка как литературного для всех славян. Если Кулаковский считал, что "... для сербской и вообще славянской литературы нет будущности" без русского языка как "общего языка науки всех славян"¹², то сами сербы думали иначе. В одном из писем И.С. Аксакову Кулаковский осуждает откровенные высказывания некоторых русских деятелей на эту тему. Он пишет: "Речь графа Толстого о русском языке в Сербии произвела здесь преплохое впечатление: на меня стали иные смотреть как на какого-то обрусиителя непрошенного; пришлось выслушивать и отвечать на самые курьезные вопросы; наконец, ряды слушателей в аудитории поредели. И это понятно. Нужно знать, как сербы страшно чутки к своему национальному и как они боятся всего чужого, чтобы спасти себя среди европейской сумятицы, чтобы не удивляться их опасениям насчет русского языка"¹³.

Не отказываясь от своей идеи общего литературного языка для всех славян, Кулаковский считал, однако, что до ее осуществления "очень еще далеко". Трезвый взгляд на славян обнаруживается у обученного и в других вопросах. В письмах Кулаковского Патере имеются любопытные сведения о скучности культурной жизни у южных славян. Горько сетует русский славист, например, на низкий уровень архивного и книжного дела в Словении. "Я давно уже расспросил Левстика*, –

*Фран Левстик (Fran Levstik, 1831–1887), словенский писатель и публицист, вождь левых младословенцев.

сообщает он, — о письмах Добровского. По его (Левстика. — Л.Л.) словам, в Любляне нигде ничего нет из рукописных произведений, а также из писем этого столпа славистики. В лавках здесь нельзя найти ни одного экземпляра *Jezicnika* ... Такой безобразной книжной торговли, как в Люблянах, нигде, по моему мнению, не существует. За всем, что нужно, я должен был обращаться или к авторам, или в типографию, где печаталась книга"¹⁴.

Не лучшего мнения Кулаковский и о столице Хорватии: "Загреб не произвел приятного впечатления. При сравнении с Прагой он — маленький и скверный городок ... Здесь все значительно дороже"¹⁵.

Весьма нелицеприятно характеризует Кулаковский и сербов. Отдавая дань их положительным качествам, русский ученый, проживший в сербской среде несколько лет, подметил у них и негативные черты. Обсуждая с Аксаковым вопрос о предоставлении сербам стипендий для получения образования в России, Кулаковский указывает, что в Россию едут учиться только те сербы, которые плохо подготовлены; сербы — "очень эгоистичный и практичный народ", и если бы они посыпали учеников в Россию на сербский счет, то "непременно выбрали бы более достойных и способных, чтобы их средства даром не пропали"¹⁶.

Указывает Кулаковский и на то, что некоторые сербы, пользующиеся "на Руси" определенной популярностью и получившие в России значительные суммы в качестве помощи, рассчитанной на сербов в целом, расхищают эти средства и присваивают их. "Как Вы, вероятно, знаете, — пишет Кулаковский И. Аксакову, — сербы вообще падки на злато, и ... здесь теперь постоянно ходят рассказы о том или другом, поживившемся за счет славянских обществ и русской благотворительности"¹⁷. Серьезной критике подвергает Кулаковский тех сербов, которые, получив даровое образование в России, стали ей враждебны. «Довольно воспитывалось всякой сербской дряни в наших университетах и Академиях, а возвратившись сюда, роняло достоинство русского образования, проповедуя болгарофобство, сербизм до стен Царьграда, кичась своим народным развитием перед Россией и указывая на свою бумажную конституцию как на великий образец цивилизации, — пишет Кулаковский И. Аксакову 19 июля 1880 г. — Пока что здесь один митрополит, да два-три человека с образованием, а

остальное, право, ничтожество, которое умеет только клеветать на Россию в "Истоке" да "Востоке", да унижаться перед сильными своего мира». По Кулаковскому, сербы – "народ с громадными притязаниями, ничтожными силами и узким, мелким эгоизмом". "Все равно этим долго жить нельзя народу, сохраняя свою независимость", – заключает ученый¹⁸.

Заметим, что несмотря на неутешительные результаты наблюдений Кулаковского над жизнью сербского общества он продолжал оставаться на позициях необходимости единения славян и отводил России главную роль в защите их национальной самобытности. На свое пребывание в Белграде Кулаковский смотрел как на "служение России и славянству". Свои обязанности он выполнял весьма ревностно и добросовестно, убежденный в том, что помогает тем самым славянам сохранять их самобытность, спасаться от немецкого, венгерского и прочих чужеродных влияний.

В период пребывания в Сербии Кулаковский наблюдал сложную политическую жизнь в славянском регионе Балкан в первые годы после русско-турецкой войны. Он поддерживал контакты со всеми культурными и политическими деятелями, особенно с проживавшими в Белграде. Поэтому суждения Кулаковского о славянских делах представляются весьма интересными. Его гостеприимный дом был своеобразным клубом для всех тех, кто в Сербии придерживался русской ориентации. Сведения, которые Кулаковский посыпал в Россию, обладали высокой достоверностью и отличались трезвыми оценками. При этом наблюдательный и дипломатичный русский профессор получал их из разных источников, нередко от лиц, враждовавших друг с другом. "Отношения мои с сербами весьма хорошие, – сообщал он И. Аксакову, – бываю я изредка у людей всех партий и направлений..."¹⁹. И в другом письме: "Пользуюсь именем русского, я стал вне всяких партий, был сам у различных лиц, относящихся друг к другу чрезвычайно враждебно"²⁰.

В русские газеты сам Кулаковский в этот период писал мало, но, вероятно, его содержательная информация в письмах к российским единомышленникам использовалась и в русской прессе. Весьма показательны в этом отношении письма Кулаковского А.А. Майкову (1826–1902), магистру славянской словесности, опубликовавшему ряд важ-

ных сочинений преимущественно по сербской истории и филологии. За последние годы о Майкове написано несколько статей, где излагается его жизненный путь и характеризуется его мировоззрение²¹. Меньше освещена публицистическая деятельность Майкова, хотя около 300 его работ представляют собой выступления в прессе и брошюры по славянским (главным образом сербским) проблемам. С середины 70-х годов Майков все чаще высказывался по славянскому вопросу в целом, а с 1888 г. он полностью посвятил себя обсуждению славянских дел на страницах "Санкт-Петербургских ведомостей", "Русских ведомостей", "Русской беседы", "Света" и других изданий. Он писал о "пробуждении" славян в 60-е годы, о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., о Берлинском конгрессе, сербско-болгарских отношениях, положении Боснии и Герцеговины под властью Австрии и т.д., словом, в его корреспонденциях находили отражение все важнейшие моменты в развитии "славянского вопроса" во второй половине XIXв. Публицистика Майкова – ценнейший, но почти еще не изученный исторический материал.

По своим историческим и политическим взглядам Майков был славянофилом: он считал славян "единым племенем", видел в народном быте всех славян много общего с "русскими народными началами", считал истинно славянской только православную религию, а монархическую форму правления – единственную приемлемой для русского народа. С другой стороны, Майков не разделял мысли о необходимости объединения всех славян под эгидой России и православия. Будущее славян рисовалось ему в виде свободного политического союза самостоятельных народных единиц. Он полагал, что у славян "нет данных для образования сплошного однообразного государства", что "вряд ли подобная перспектива и в будущем могла бы им улыбаться в каком бы то ни было случае"²². Подчеркнем, что такой подход был свойствен многим русским славистам пореформенного периода, и не только славянофилам, но и представителям других, самых различных направлений, в том числе и охранительного, не говоря уже о течениях леволиберальных.

Из всех зарубежных славян самые большие симпатии вызывали у Майкова сербы, что в значительной мере объясняется его славянофильским мировоззрением. "В Сербии нет места западным разруши-

тельным учениям, – писал он в 1876 г. – Ее народ более, чем какой-либо, отличается устойчивостью в своем семейном и религиозном быту. Чувство свободы он понимает в лучшем смысле этого слова и с недоверием отвращается от всякой легкомысленной новизны, как скоро видит в ней нравственную порчу и нарушение свято хранимых обычаев²³. В отличие от Кулаковского, познавшего менталитет сербского народа в постоянном продолжительном общении, Майков никогда в Сербии не был и знал народ как бы теоретически, явно идеализируя его. Десятки тысяч рублей он потратил на помощь обучавшимся в Москве сербам, издавал на свой счет и некоторые их труды*, переделывая и переписывая своей рукой подготовленные тексты, так как авторы нередко были слабо подготовлены к научной работе и даже не слишком грамотны. При этом весь гонорар Майков неизменно передавал опекаемому, подчас бездарному представителю сербского народа. В архиве А.А. Майкова сохранилось множество писем сербов с просьбами о помощи, о составлении ходатайств по устройству в университеты, гимназии и т.д. Интересы сербов Майков защищал и в своих многочисленных публицистических выступлениях. Понятно, что его имя пользовалось в Сербии самой широкой известностью и уважением всех слоев образованного общества. Он был награжден сербскими орденами²⁴, а город Валев 15 мая 1878 г. избрал русского ученого своим почетным гражданином²⁵.

Славянофильскую концепцию Майков проводил как в научных трудах, так и в публицистических выступлениях. Таким образом, при всем различии их отношений к сербам, Кулаковский и Майков были единомышленниками по мировоззрению. Они тесно сотрудничали, хотя первый был на 22 года моложе второго.

В письмах из Белграда²⁶ Кулаковский подробно информировал Майкова о политической ситуации в Сербии, об отношении Сербии к России. По этим письмам можно также судить о сербско-русских связях в то время.

Сведения политического характера Кулаковский сообщал Майкову, вероятно, и для того, чтобы последний использовал их в прессе.

---

*А.А. Майков был весьма состоятелен, владел рядом имений, несколькими домами в Москве.

14 сентября 1880 г. Кулаковский писал: "Что касается политического положения Сербии, то оно Вам известно из газет. Оно далеко не веселое в данное время и усложняется ссорами партий, которые друг друга обвиняют в государственной измене и разных неблаговидных деяниях. Конституционная борьба партий переходит то и дело в личные инсююиации и иногда бывает мне тяжело в душе за самих сербов. Князь вернулся из поездки в Австрию третьего дня, и здесь все кому поддерживаются слухи о выходе в отставку министерства Ристича. Не думаю, чтобы они оправдались. Наклонность сербского правительства в сторону Австрии преувеличена некоторыми из русских газет, хотя нельзя отрицать, что между Сербией и Австрией что-то было и что-то будет. Как мне представляется, сербам хотелось обмануть Австрию. Берлинский трактат действительно страшное зло, и все теперешние нелады на Балканском полуострове истекают прямо из него. Говорят в Белграде, что Скупщина будет созвана даже в конце сентября, хотя трудно понять, почему так с нею нужно спешить. Одно несомненно, сербская политика не ищет опоры в России и, наученная в Берлине в 1878 г., обращает молитвенные взоры и к Англии, и к Австрии, и к Германии – смотря по тому, какой дует политический ветер"27.

Можно констатировать, что Кулаковский определял политическую ориентацию сербского правительства точнее, чем русская пресса, преувеличивавшая сербско-австрийское сближение в 80-х годах прошлого века.

Кулаковский информировал Майкова не только о внешнеполитической ориентации Сербии, но и о внутреннем ее положении, например, о причинах правительственного кризиса. «Получаете ли Вы обе сербские газеты "Исток" и "Видено"? – спрашивал Кулаковский в одном из писем. – Обе они поучительны и наводят часто уныние на того, кто желал бы добра Сербии. Уныние увеличивается еще, если знаешь те мелкие пружины, действующие в них, и тех ничтожных людей, которые действуют особенно в первой из них (т.е. в газете "Исток". – Л.Л.). У нас министерский кризис. Вызван Маринович из Парижа, который, как говорят, ни за что не хочет брать на себя составление министерства в подобных обстоятельствах, и Миятович, живущий теперь в Англии. Партия правительенная, т.е. Ристича, митрополита и пр., объясняет кризис единственно и исключительно

требованиями Австрии, чтобы Сербия признала для себя обязательными условия Австро-Турецкого договора 1862 г., в котором даже имеется прибавление, исключающее Сербию из того, в чем договорились Австрия и Турция. Исходить из признания условия, что Сербия не имеет права поднять пошлину на австрийские товары выше 3% и что Австрия вольна в своих поступках, значило бы для Сербии окончательно стать экономическою рабою Австрии. На это не согласится ни один министр в Сербии. Оппозиция нападает на Ристича за то, что он заключил невыгодный, по ее мнению, договор с Англией, что он согласился подписать железнодорожную конвенцию раньше заключения торгового договора с Австрией и ищет причин падения кабинета во внутреннем положении Сербии и невозможности обойтись без Большой скупщины, перед которой де и не может появиться Ристич. Оппозиция называет политику Ристича византийскою и уверяет, что он обманывал Австрию и Россию, и потому теперь его политика довела страну до невозможного политического положения... В нападках оппозиции много преувеличеннаго, но много и правды. Надувательством он, то есть Ристич, отличался; нужно здесь пожить, чтобы почувствовать, когда все сербские деятели против России, а когда – за Россию. Мне приходилось иногда переживать здесь просто мучительные моменты, выслушивать сплетни, жалобы на Россию, а подчас и грубоости. И я должен сказать, что это случалось именно тогда, когда правительство хотело устроить что-нибудь с Австрией, и нарочно возбуждало общественное мнение против России. Для этого у него под руками было много средств"²⁸.

Весьма интересными представляются суждения Кулаковского о русской политике, о сербском национализме и связанной с ним политической ограниченности сербов. «Наша политика наделала множество промахов относительно югославянства вообще и сербов в особенностях, – пишет ученый. – Но мне кажется, что далеко не все, что теперь делается здесь, можно ставить исключительно ей в вину. Патриотизм сербский, конечно, сам по себе похвален, но исключительность сербская, самохвальство и падение духа, напоминающее поляков, самодовольство и узость взорений – приводят сербов Княжества к тому, что они теряют значение как зерно, около которого соберется все сербское племя. Я теперь все больше и больше убеждаюсь, что они не

создадут никогда цельного государства, и что им не собрать отдельные клочья многострадального сербского племени под свое знамя. "Царство Душана не дает сербам спать" – недавно где-то читал я, и это правда. Не было бы вредно это, если бы этим историческим славным воспоминанием сербы поддерживали свой дух, но беда-то в том, что это историческое воспоминание заставляет их разыгрывать роль, им не подходящую, заставляет их обманывать и нас, и себя, заставляет их больше мечтать и меньше делать"²⁹. И далее следует весьма нелестная, но, видимо, не лишенная объективности характеристика сербской общественной среды: "Здесь почти нет серьезных работников. Многие пишут патриотические брошюры, восхищаются своими поэтами и писателями, в сущности очень незначительными, да сочиняют брошюры в 25, а всего больше в 50 страниц, разыскивая сербов всюду. На скопщинах говорилось даже о сербах лужицких как единоплеменниках балканских... Это печально в том государстве, которое находится в таком трудном положении, как Сербия, которое должно прежде всего воспитывать людей, работающих здраво и аккуратно"³⁰. Не очень высокого мнения был Кулаковский и о некоторых специалистах. Так, о медиках он пишет: "Доктора здесь преимущественно иностранцы и в большей части все шарлатаны. Сербов-докторов немного, да и те в большинстве никуда не годны"³¹.

Любопытны в письмах Кулаковского сведения о связях между сербами и русскими, в частности – о воспитании сербской молодежи в русских учебных заведениях. Ученый полагал целесообразным готовить из сербов специалистов по гуманитарным наукам. "Было бы очень хорошо, – писал он Майкову, – если бы под Вашим руководством, а также под руководством Н.А. Попова какой-нибудь студент из сербов приготовился к занятиям по родной сербской истории. Я считал бы необходимым воспитывать в русских университетах ... филологов-сербов, которые бы знали основательно русский язык и занимались славянской филологией". Кулаковский выражал удовлетворение тем, что студент Яворец, за которого он просил Майкова, выбрал филологический факультет Московского университета³². Ходатайствуя о новых посланцах в русские университеты, Кулаковский подчеркивал, что они "надеются на помощь русских, любящих сербов и понимающих значение славян для России"³³. Прося у Майкова содействия, Кулаковский восклицает: "Ваше мнение ценится в Сербии

самою высокою ценою. Вы много сделали для сербов"³⁴. Да и сам Кулаковский не раз помогал сербской молодежи из собственного кармана³⁵. Обращает, однако, на себя внимание тот факт, что сербское правительство предпочитало посыпать свою молодежь учиться в западные страны, что возмущало Кулаковского. "Весьма часто, — пишет он, — всякую дрянь содержат сербы в Париже, Вене, Берлине лет по 10, давая стипендии по 600, 700 рублей золотом, и ни одного стипендиата в русском медицинском факультете"³⁶. Вскоре он добавляет, что "сербское правительство располагает значительным числом стипендий, из которых иные доходят до 2800 франков. Эти стипендии выдаются по преимуществу лицам, которые учатся в Париже, Вене, Берлине"³⁷; а в Россию, как отмечает Кулаковский месяц спустя, сербское правительство воспитанников на сербский счет не посыпает³⁸. Причину такого положения он прямо не объясняет. Появляется, что сербы смотрели на культурное сотрудничество с Западной Европой как на более ценное, чем с Россией. Это подтверждается и некоторыми высказываниями Кулаковского. В одном из писем он констатирует: "Здесь существует странный взгляд на медицинские факультеты наших университетов, проявившийся в последнее время с особою силою"³⁹. Из контекста ясно, что этот взгляд был крайне негативным. Еще недвусмысленнее аналогичная мысль выражена в отношении гуманитарного образования. "Наша филологическая наука не ценится в Сербии, — отмечает Кулаковский, — и мне представляется, ей дается меньшая стоимость, чем следует"⁴⁰. При таком положении напрашивается вывод, высказанный Кулаковским в это же время в одном из писем к И. Аксакову: "Положа руку на сердце, я должен сказать, что до сих пор я мало здесь встречал толковых или знающих людей между сербами, учившимися в России. По моему мнению, следует быть просто строгими и взыскательными к сербам, учавшимся у нас. Это поправит дело"⁴¹.

Приведенный материал позволяет сделать некоторые выводы об особенностях мировоззрения П.А. Кулаковского. Он был представителем одного из тех направлений русской общественной мысли, которые на основе непосредственного знакомства со славянами в 70—90-х годах XIX в. признавали практическую бесперспективность всяких устремлений к объединению всех славян в рамках одного госу-

дарства и единой религии, хотя и полагали, что такое объединение могло бы сыграть положительную роль в судьбах славянских народов. Другой вывод состоит в том, что столкновение с реальной действительностью побудило Кулаковского без обиняков признать беспочвенность всяких утверждений о присущем якобы всем славянским "племенам" взаимном тяготении и указать на факты, свидетельствующие о предпочтении княжеским сербским правительством связей с Западной Европой сношениям с Россией.

Примечания

¹ См. о нем: Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988 (по указателю); *Laptevová L.P. K názorům ruského slavisty P.A. Kulakovského na dobové slovanstvo (podle archivních pramenů) // Československo-sovětské vztahy. Praha, 1989. Sv. 18. S. 75–88.*

² РГИА. Ф. 734. Оп. 3. Л. 32. Л. 737–739 (Отзыв Ученого комитета Министерства народного просвещения об отчете П.А. Кулаковского за период с сентября 1876 по 1 марта 1877 г.).

³ Там же. Л. 1467–1468 (Отзыв Ученого комитета об отчете П.А. Кулаковского за период с марта по сентябрь 1877 г.).

⁴ LAPNP. *Požádalost A. Patery. Korespondence*. Письмо И.Л. Кулаковского А.Патере от 15 июня 1878 г. из Москвы (все упоминаемые ниже письма П.А. Кулаковского А.Патере из этого фонда).

⁵ ОР и РК РНБ. Ф.14. № 189. Письмо П.А. Кулаковского И.С. Аксакову от 20 янв. 1879 из Белграда (все упоминаемые ниже письма Кулаковского Аксакову из этого фонда).

⁶ П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову, 12 февр. 1879 г. из Белграда.

⁷ Отчет ординарного профессора Варшавского университета В.В. Макушева о научных занятиях за границей с марта по сентябрь 1881 года // Варшавские университетские известия. 1882. № 4. С. 3.

⁸ П.А. Кулаковский – А.Патере, 11 (23) апр. 1877.

⁹ П.А. Кулаковский – А.Патере, 4 мая 1877.

¹⁰ Там же.

¹¹ Впервые опубликована в виде серии статей в журнале "Заря" (1869), отд. изд.: *Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1871* и др. Последнее изд.: М., 1991.

- 12 П.А. Кулаевский – И.С. Аксакову, 12 февр. 1879 из Белграда.
- 13 Там же.
- 14 П.А. Кулаковский – А. Патере, 12 (24) марта 1877 из Любляны.
- 15 П.А. Кулаковский – А. Патере, 11 (23) апр. 1877 из Загреба.
- 16 П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову, 12 февр. 1879 из Белграда.
- 17 Там же.
- 18 П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову, 19 июня 1880 из Белграда.
- 19 П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову, 12 янв. 1879 из Белграда.
- 20 П.А. Кулаковский – И.С. Аксакову, 12 февр. 1879 из Белграда.
- 21 См., например: *Lapténová L.P.*. Op. cit.; *Хохлова О.Н.* А.А. Майков. Путь к славистике // Биография исследователя как жанр славистики. Тверь, 1991. *Она же*. Адъюнкт Московского университета А.А. Майков // Славистика в университетах России. Тверь, 1993.
- 22 Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества, 1902. № 3. С. 28.
- 23 Там же.
- 24 ОР и РК РНБ. Ф. 451, Он. 1. Л. 21. Грамоты А.А. Майкову на сербские ордена.
- 25 Там же. Л. 24. Адрес А.А. Майкову от жителей г. Валева (77 подпись).
- 26 Там же. Ф. 452. Он. 1. № 271 (все упоминаемые ниже письма Кулаковского А.А. Майкову из этого фонда).
- 27 П.А. Кулаковский – А.А. Майкову, 14 сент. 1880.
- 28 П.А. Кулаковский – А.А. Майкову, 18 окт. 1880.
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 П.А. Кулаковский – А.А. Майкову, 1 авг. 1880.
- 32 П.А. Кулаковский – А.А. Майкову, 14 сент. 1880.
- 33 П.А. Кулаковский – А.А. Майкову, 1 авг. 1880.
- 34 П.А. Кулаковский – А.А. Майкову, 14 сент. 1880.
- 35 П.А. Кулаковский – А.А. Майкову, 19 окт. 1894.
- 36 П.А. Кулаковский – А.А. Майкову, 1 авг. 1880.
- 37 П.А. Кулаковский – А.А. Майкову, 14 сент. 1880.

- 38 П.А. Кулаковский – А.А. Майкову, 18 окт. 1880.
- 39 П.А. Кулаковский – А.А. Майкову, 1 авг. 1880.
- 40 Там же.
- 41 П.А. Кулаковский – А.А. Майкову, 14 сент. 1880.

З.С. Ненашева

ПРОБЛЕМА АВСТРОСЛАВИЗМА
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ
В ПОСЛЕДНИЕ ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX в.

В российской историографии¹ австрославизм рассматривается как идеино-политическая концепция, сложившаяся в чешских землях в первой половине XIX в., но получившая законченный вид в период революции 1848–1849 гг. и направленная на перестройку, федерализацию Австрийской империи. Трансформация буржуазной политической идеологии в 60-е и 80–90-е годы XIX в. затронула и австрославизм. Вместе с тем важнейшие элементы этой доктрины как специфической формы буржуазного национализма славянских народов, в которой важную роль играла идея славянской общности, не потеряли своего значения. Австрославистский тезис о необходимости сохранения монархии Габсбургов, преобразованной в буржуазно-конституционную федерацию равноправных народов, составлял основу стратегической линии славянской политической элиты на протяжении всего XIX в. Она по-прежнему полагала, что ни один из славянских народов, входивших в империю, не являлся настолько сильным, чтобы выдвинуть программу создания собственного суверенного национального государства. Столь же актуальными оставались проблема "внешних врагов" (решение дилеммы славяне – Германия, славяне – Россия) и стремление реализовать принцип национального равноправия во всех областях политики, экономики, культуры и др.

Ни на одном из этапов австрославизм не был конкретной программой с четкой структурой требований. После образования Австро-Венгрии славянские идеологи строили свои концепции с учетом специфики дуализма, нового политического опыта. Главными идеологами австрославизма были Карел Гавличек-Боровский и Франтишек Палацкий. Выдвинутое ими требование широкой автономии чешских земель в их совокупности подразумевало объединение территории Чехии, Моравии и Силезии при условии федерализации Цислейтании. По-

литический реформизм, ориентированный на все сферы общественной жизни, на свободное развитие национальной экономики, культуры, языка, демократическое устройство общества, определяет чешскую политическую мысль двух последних десятилетий XIX в.

В условиях перманентного внутриполитического кризиса в последние два десятилетия XIX в., вызванного ростом национальных противоречий в монархии Габсбургов, российские дипломатические службы, общественные организации, публицистика, пресса, т.е. все структуры, формирующие общественное мнение, следили за развитием ситуации в этом государстве. Однако отношения каждой из них к происходившим событиям, их трактовка были различными.

Отечественные историки, анализировавшие материалы внешнеполитического ведомства России, указывали на крайнюю осторожность дипломатов в оценках внутриполитического кризиса в Числайтании в конце XIX в. В поисках объяснения подобного феномена было высказано мнение, что официальные российские представители считали обострившиеся национальные отношения "сугубо внутренним делом австрийского правительства". Так, Н.Д. Ратнер в своей монографии неоднократно подчеркивает, что даже в разгар ожесточенных чешско-немецких столкновений в Чехии "чехи не входили непосредственно в орбиту интересов царского правительства"². Именно поэтому позиция российской дипломатии была столь сдержанной.

Подобный подход являлся конкретным проявлением общего курса официальной России по отношению к славянским народам в середине 80-х годов XIX в. Несомненно, падение интереса к славянскому вопросу явилось отражением потери влияния России в балканских странах, в первую очередь в Сербии и Болгарии. Проавстрийская и про германская ориентация политической элиты этих двух независимых славянских государств не могла найти поддержку у русской общественности. Серьезное идеологическое давление оказывали сохранение за Австро-Венгрией вплоть до начала XX в. доминирующего положения в сербской экономике и внешней политике, ухудшение русско-болгарских отношений в 80-е годы XIX в., сербо-болгарская война 1885 г., прекращение дипломатических отношений между Россией и Болгарией (1886 г.) и др.³.

Весьма точно иллюстрирует сложившуюся ситуацию переписка управляющего Министерством внутренних дел Н.И. Дурново и мини-

стра иностранных дел Н.К. Гирса, возникшая в связи с попыткой московского генерал-губернатора князя В. Долгорукова "поставить на очередь славянский вопрос"⁴. Эти документы, с нашей точки зрения, весьма важны, ибо корреспонденция (июль 1885 г.) лидеров двух важнейших ведомств России не преследовала никаких пропагандистских целей. Предложение В. Долгорукова натолкнулось на серьезные возражения Н.К. Гирса, который по-прежнему стоял за "укрепление политических начал, послуживших основанием сближения между тремя монархиями". По глубокому убеждению министра иностранных дел, было крайне необходимо считаться с европейским общественным мнением, трактовавшим любую деятельность, направленную на оживление славянского вопроса как "поощрение к национальным движениям". Анализируя положение в регионе, Н.К. Гирс пришел к выводу, что "агитация, прикрывающаяся национальными интересами", в большинстве случаев является "результатом честолюбивых замыслов известных партий". Рекомендация главы МИДа "сдерживать несвоевременные увлечения, каковые при настоящем политическом положении могут обратиться лишь ко вреду самих славян"⁵, получила конкретное выражение в период обострения внутриполитического кризиса в Нислейтании.

Одной из важнейших сил, традиционно оказывавших заметное идеологическое воздействие на трактовку славянского вопроса, средоточием славянофолов в России до конца 1870-х годов были славянские общества⁶, являвшиеся центрами по поддержанию связей со славянами. Однако в последние два десятилетия XIX в. сложилась прямо противоположная ситуация. После распуска в 1878 г. Московского славянского комитета Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество и другие центры переживали упадок, утратили былое влияние и популярность⁷.

Иная картина создается после знакомства с прессой, которая позволяет выявить широкий спектр мнений, наиболее адекватно отражавших отношение российской общественности к процессам, происходившим в Австро-Венгрии, в чешских землях в последние два десятилетия XIX – начале XX в. Известно, что в этот период в России не существовало имевшего широкую поддержку популярного органа, в котором бы славянская тема занимала центральное место. Именно

поэтому для нас представляют особый интерес главные издания либерального и буржуазно-монархического направления, регулярно помещавшие материалы из славянских земель Австро-Венгрии.

Либеральная и охранительная печать конца XIX – первых лет XX в. (старые авторитетные журналы либеральной ориентации "Русская мысль"⁸, "Вестник Европы"⁹, популярный орган либеральных народников "Русское богатство", либерально-буржуазные газеты "Русские ведомости" и "Россия", умеренно-либеральное "Новое время"¹⁰, несколько утратившие к концу века оппозиционность "Санкт-Петербургские ведомости", журнал охранительного направления "Русский Вестник"¹¹, официозные "Московские ведомости") стабильно публиковала материалы информационного характера из славянских стран и земель. При этом трактовка славянского вопроса вписывалась в общую систему взглядов того или иного органа.

Заслуживают анализа и специально ориентированные на славянский вопрос, хотя и малопопулярные издания: выходившие с 1883 г. , "Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества" или "Славянские известия" во главе с В.В. Комаровым, с 1889 г. еженедельные. В 1891 г. они были преобразованы в "Славянское обозрение", редактирование которого принял на себя А.С. Будилович. С 1892 г. оно стало выходить лишь ежемесячно, в 1894 г. под редакцией И.С. Пальмова увидел свет всего лишь первый том.

Серьезное внимание, особенно к концу века, стало уделяться поиску и получению достоверной информации из славянских земель Австро-Венгрии. В этот период помимо специального представителя Санкт-Петербургского телеграфного агентства в Австро-Венгрии и на Балканах у некоторых изданий появляются собственные корреспонденты, как правило, из числа славянских деятелей. Так в поле зрения российских читателей попал Ярослав Прейсс, посыпавший свои корреспонденции в "Торговое агентство" в Петербурге¹². Затем эти функции взял на себя Я. Грубы, согласившийся "высыпать депеши о событиях, могущих интересовать русскую публику". Следует отметить, что выбор Грубого корреспондентом для этого издания был весьма удачным и вполне удовлетворял чешских политических деятелей. Об этом свидетельствуют письма писателя и журналиста Йозефа Голечека, в которых Грубы характеризовался как "лучший кор-

респондент, знаток русского языка и русской читающей публики". Курирование в газете "Народни листы" внутренней политики Австро-Венгрии позволяло ему быстро передавать "новости этого рессора" в Петербург.

В конце XIX – начале XX в. пражские "Народни листы" рассматривались в Петербурге как один из наиболее полных и достоверных источников информации о событиях в Австро-Венгрии¹³. Российский деловой мир ориентировал своих корреспондентов на сведения о событиях "первостепенной политической важности", на "комментарии наиболее распространенных газет, являющихся истолкователями общественного мнения"¹⁴. Все это свидетельствует не только о новом уровне информированности общества, но и о появлении тенденции перешагнуть рамки, начертанные официальным курсом правительства в отношении к славянскому вопросу.

Что касается освещения политических событий в чешских землях, то следует признать, что российская печать, как уже отмечалось, отслеживала и комментировала важнейшие из них. Если в начале, да и в середине 80-х годов в большинстве российских изданий говорилось об условности дифференциации чешского политического лагеря, указывалось на близость позиций старочехов и младочехов по национальному вопросу, на идентичность поставленной цели – достижение автономии чешских земель в рамках монархии Габсбургов, то по мере развития там внутриполитической ситуации меняются акценты и в российской публицистике.

На страницах либеральных органов широко представлена деятельность Национальной партии свободомыслящих (младочехов). Явно симпатизируя ее политическим устремлениям, пресса освещала все общепартийные акции младочехов, будь то их съезды, действия в ходе выборов в сейм или причины успехов в борьбе с Национальной партией. В то же время "Русская мысль", пытаясь выступить в роли беспристрастного судьи, признавала определенные заслуги в политической борьбе, достигнутые стратегией и тактикой старочехов¹⁵.

Не случайно в подборку материалов о победе младочехов были включены обширные выдержки из "Нойе Фрайе прессе", указывавшей на серьезную поддержку депутатов Национальной партии свободомыслящих со стороны федералистов и подчеркивавшей, что "они ме-

чтают о независимости Богемии, требуют от императора коронования в Праге, приветствуют Грегра, когда он нападает на союз с Германией"¹⁶.

Понимая исключительную важность документов, принятых младочехами, особенно их политической и национальной программы, пресса предоставила возможность познакомиться с ними и российскому читателю. Со статьей "Политические задачи партии младочехов", содержащей весьма квалифицированные замечания специалиста, в "Славянских известиях" выступил известный славист А. Погодин¹⁷.

Порой в оценке событий в газетах и журналах преобладали эмоции и субъективизм. Как писал в 1887 г. один из корреспондентов "Известий Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества" А. Пеховский, "чешские дела идут дурно, старо- и младочехи одинаково страдают неясностью или даже отсутствием всякой разумной программы". Именно поэтому автор особые надежды связывал с группировкой "реалистов", сложившейся вокруг Т.Г. Масарика. Тот был представлен читателю как "один из достойнейших чешских ученых, строгий мыслитель и благородный писатель, не знающий страха фарисейского и неустранимо высказывающий правду направо и налево", "грубо и недостойно травимый патриотической печатью за правдивое слово о Суде Любушки и Краледворской рукописи"¹⁸. Таким образом, в данном случае корреспондент однозначно встал на сторону Масарика в споре, вышедшем далеко за рамки научной дискуссии, и вполне объективно оценил его мужественное выступление и последовательную позицию в ходе так называемой рукописной борьбы, особенно бурно развернувшейся в чешском обществе в 80-е годы.

С программой реалистов связывались особые надежды, поскольку лишь они стояли "на чисто народных основаниях", т.е. были в оппозиции по отношению к немцам, правительству и Габсбургам. Для большей убедительности привлекались материалы ряда чешских изданий, комментировавших основные документы этого течения. В результате складывалось впечатление, что программа реалистов действительно "более народно-культурная, чем политическая", а отцами ее являются практически все наиболее известные чешские общественно-политические деятели, несмотря на то, что они представляют различные полюсы в чешской общественной мысли (назывались Палацкий, Сладковский, Коллар, Гавличек-Боровский и др.).

Достаточно поверхностно трактовалось и содержание программы. Вряд ли иначе можно отнестись к таким разъяснениям, что ее целью являлось "освежить и очистить себя восточнославянским просветительским началом". И уже совсем противоречило духу реализма положение, будто бы "потребность общего соглашения и уразумения всех славян побуждает признать великий русский язык за высший научный для всех племен славянских без различия, так как только он своим исполнинским ростом, значением и своею словесностью может быть в этом смысле принимаем во внимание и занять у славян место немецкого языка"¹⁹.

Определенная заданность прослеживается и в усиленном акцентировании внимания читателей на приверженности реалистов идеи славянского сближения, "полной солидарности со всеми славянами монархии". Только в этом ключе рассматривалось "Известиями - Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества" образование Славянского клуба, в который не вошли поляки, "неславянское панство"²⁰. Такое смещение акцентов, весьма далекое как от буквы документа, так и от его духа, все-таки не позволяли себе-solidные и авторитетные московские и петербургские издания.

Заметно более критическую позицию по отношению к реалистам и их программе заняли "Славянские известия", подчеркнувшие в одной из статей, что « звание "настоящего патриота" должно быть обусловливаемо не одними только "патриотическими стремлениями" , но непременно посильной патриотической деятельностью». Считая критерием жизненности любой программы "действительное и полезное служение народу", журнал трактовал выступление реалистов через призму славянской политики, указывал на стремление в их политической практике "пользоваться благами, вытекающими для чешского народа из взаимности всех славянских наций"²¹.

Особое место в российской публицистике конца 80-х годов занимает серия статей В.И. Ламанского "Восточный славянский вопрос" и "Западный славянский вопрос"²². В обобщающей статье "Славянский вопрос в пореформенной России" В.А. Дьяков пишет, что "альфой и омегой его исторических воззрений являлось противопоставление греко-славянского, восточно-христианского мира миру романо-германскому, латино-немецкому, католическо-протестантскому"²³. Этот взгляд был сформулирован на основе известных публикаций Ламанского конца 60—начала 70-х годов.

Характеризуя позицию В.И. Ламанского в 80-е годы, надо заметить, что в его трактовке славянского вопроса явно проступает приверженность старым убеждениям. Так, он вновь подчеркивает, что "пророчество вызывает весь православный Восток, все славянство на колоссальную борьбу с латинством и германством, на защиту своего будущего, своей духовности и внешней самостоятельности". Особое место в предстоящем столкновении традиционно отводилось России. Именно ей предстояло, по мнению ученого, "путем глубокой со- средоточенности и высшего напряжения сил раскрыть свои разнообразные дарования", прежде всего экономический потенциал, с целью "усилении и умножения средств в просвещении и образовании, к развитию личной и общественной энергии". России отдавался приоритет в решении "восточного, славянского вопроса"²⁴. Автор подчеркивал, что сложность каждой из обозначенных проблем состояла в том, что и в России, и особенно у западных славян, "не трудятся над уяснением вопросов об объеме и содержании общеславянских задач и частных интересов отдельных славянских народностей"²⁵.

В рассуждениях Ламанского есть и другие моменты. Тему национально-освободительной борьбы зарубежного славянства он пытается увязать с идеями, направленными на преобразование России как централизованного государства, при этом национальные устремления народов, включенных в это государственное образование, в расчет не принимаются. Характеризуя положение отдельных славянских народов в Пислейтании, Ламанский на основе своих наблюдений делает ряд очень острых замечаний. Неприемлемой для чешского и настораживающей для российского общественного мнения была оценка современного положения чехов как чрезмерно благополучного и тем самым "оскорбительного для немецкого достоинства"²⁶. Откровенное осуждение звучит в тезисе Ламанского о том, что "полякам дано и разрешено больше других славян только потому, что они лучше их всех служат интересам Габсбургов". В таком контексте как порицание воспринимается положение статьи, что "со времен Белогорской битвы чехи никогда еще не пользовались такими правами и свободою, какие они получили в нынешнюю славянскую эру кабинета Тааффе, в последние восемь лет"²⁷. Такой пассаж, надо признать, был достаточно неожиданным для русского читателя, на

протяжении нескольких лет убеждавшегося в целесообразности и актуальности жесткой борьбы чехов за свои национальные права²⁸.

Как в период формирования доктрины австрославизма, особенно в ходе реформации 1848–1849 гг., а потом на этапе его трансформации в австрофедерализм в 60-е годы XIX в., так и в конце 80-х годов вновь одним из центральных считается вопрос о роли России в судьбах славянских народов. Убеждение Ламанского, что "пропади Россия, и завтра же все эти польский, чешский, словинский (словенский, З.Н.), хорватский, сербский, болгарский, румынский вопросы обра-тятся во внутренние, домашние дела Германии и Австро-Венгрии"²⁹, было чрезвычайно глубоким. По его мнению, Россия являлась более важной фигурой для развития отношений между Австро-Венгрией и славянами, чем Германия.

Говоря о значительном интересе к статьям Ламанского в славянской прессе, надо заметить, что реакция на них была весьма неоднозначной. Некоторые суждения русского слависта о чехах и чешской истории рассматривались в лучшем случае "как одна из очередных фантазий ученого", в худшем – как ничего не имеющая общего с настроениями русского общества "антиславянская теория"³⁰. Несогласие выразили даже политики откровенно правого толка, например А. Киреев. В уже упоминавшейся статье В.А. Дьякова о нем говорится как о реакционном деятеле, явившемся "прямым наследником «теории официальной народности»"³¹. Между тем Киреев рассматривал выступление Ламанского как антическое. По его мнению, главным в опубликованных статьях было положение о том, что "чехи не только не добываются автономии и признания своих прав, как самостоятельного народа, но что они как будто предназначены к окончательной погибели"³². В подобном ключе воспринял этот материал и целый ряд славянских изданий.

В представлениях российских буржуазных либералов славянский вопрос ставился в зависимость прежде всего от внутриполитического развития каждой из славянских наций, не имевших государственной самостоятельности и остававшихся включенными в крупные государственно-политические образования.

Об этом ярко свидетельствуют публикации журнала "Вестник Европы" в 1889 г., в которых подчеркивалось, что славянские наро-

ды хотят оставаться самими собою и жить для себя, и совершенно нелепо приписывать им желание, "ни минуты не думая, идти за Россией" и "жертвовать собою для ее благосостояния и славы"³³. Как известно, подобную позицию занимал и А.Н. Пыпин, указывавший на важность религиозной терпимости, на необходимость "уважения к чужой народности". Для этого ученого, стоявшего на либерально-демократических позициях, было характерно весьма сдержанное отношение к объединительным тенденциям, пропагандировавшимся некоторыми русскими панславистами. Пыпин последовательно указывал и на существенные различия в политических устремлениях славянских народов.

Вместе с тем, судя по прессе, весьма отчетливо прослеживается тенденция придавать устрашающее значение германскому фактору. Подписание договора между Австро-Венгрией и Германией 20 мая 1882 г. и оформление Тройственного союза в феврале 1887 г. привели к тому, что славяне оказались, как писали "Славянские известия", "на границе страшного германского племени". В новых условиях речь шла "о коренном противоречии между политикою Германии и теми стремлениями, которые общи всем славянским народностям"³⁴.

В статье "Славянская взаимность в настоящем и будущем" М.М. Филиппов подчеркивал, что "в политическом отношении славяне имели перед собой одного общего и главного противника – прусский милитаризм". В таком контексте как наиболее естественные выдвигались две главные задачи. "Важнейшая из них – чисто культурная, состоящая в умственном, экономическом и нравственном сближении всех славянских народностей", вторая – политическая, включающая все, что "является противодействием прусской гегемонии"³⁵. Являясь сторонником создания в будущем некоего общеславянского союза, в котором "все славянские народы, как бы они не были малы, будут иметь голоса", Филиппов центральную роль в нем отводил России, ибо "русская народность есть единственная, живущая вполне самостоятельной политической и государственной жизнью". Как бы заочно вступая в непрекращающуюся дискуссию с немецкими и мадьярскими публицистами, автор статьи подчеркивал, что "ни один честный славянский деятель России никогда не мечтал о гегемонии России в том смысле, как, например, Пруссия"³⁶.

Тесная взаимосвязь между активизацией интереса к славянскому вопросу и изменениями во внешнеполитических делах, затрагивающими Центральную Европу и Балканский регион, особенно характерна для конца 80-х – 90-х годов. Именно развитие внешнеполитических событий было наиболее чувствительным инструментом, настраивавшим русское общественное мнение на славянскую волну. Особенно пристально анализировалась реакция славянского населения Австро-Венгрии на заключение последней соглашения с Германией. Так, "Русская мысль" в своих иностранных обозрениях, зачастую готовившихся В.А. Гольцевым, старалась дать достаточно подробное изложение точек зрения чешских изданий всех политических направлений. Она чутко улавливала конструктивные предложения, призывавшие к славянскому сближению, одобряя реагировала на высказывания о гибельности для Австро-Венгрии союза с Германией. Русский читатель был, например, ознакомлен с позицией малоизвестного ему органа "Болеслован", думается, только потому, что последний выступил с обличением австрийской дипломатии, которая "запустила свои руки в горячие уголья Балканского полуострова"³⁷.

На рубеже 90-х годов российская публицистика, в частности журнал "Русское обозрение", настойчиво проводила мысль, что "в основе своей господствующее теперь настроение чешского народа решительно враждебно австро-немецким централистам"³⁸. Этому изданию вторила "Русская мысль": "Союз Австро-Венгрии с Германией, по справедливому мнению младочешских вождей, вреден для австрийских славян, потому что поддерживает централизаторские стремления немцев и мадьяр"³⁹.

Пожалуй, в развитии этой темы наблюдается особая последовательность. Она сохраняет свой приоритет и в 1890–1900-е годы. В прессе появлялась информация практически обо всех выступлениях чешских политических деятелей в антигерманском духе. С большими симпатиями, явно пропагандируя франко-русское сближение, поскольку именно объединенные силы России и Франции могли стать реальным противовесом Германии, рассказывалось о встрече чехов с французской депутатией⁴⁰, о резком протесте Вашатого против укрепления австро-германских отношений⁴¹, о высказываниях других лидеров младочехов с критикой торгового договора между этими го-

сударствами⁴². При этом даже не одобрение, а просто здравое понимание политических последствий от заключения Тройственного союза расценивалось как "оппортунизм" славян. Для его обличения и разоблачения красок не жалели. Многие публикации консервативных и некоторых либеральных изданий служат тому подтверждением.

В контексте подобных материалов ничем из других не выделяется выражение о "фатально ограниченном уме старочехов" после того, как последние проголосовали за австрийский бюджет. Непонимание и раздражение вызывала и "осторожная тактика" младочехов⁴³.

Для этого периода характерно появление огромного числа всевозможных записок, адресатами которых были Министерство иностранных дел, общественные организации (такие, как Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество), известные "славяночки". Примером может служить "Записка доктора еврейской Иерусалимской больницы Быкархольма о необходимости объединения народов славянских стран во Всеславянскую унию перед лицом угрозы со стороны германских государств"⁴⁴. В то же время о политической ангажированности проблемы "онемечивания славян Германией" писал известный ученый-славист профессор Варшавского университета А.С. Будилович⁴⁵.

Знакомство с материалами прессы второй половины 90-х годов показывает, что чешско-немецкие отношения ее интересовали более, чем какая-либо другая сторона внутренней жизни Габсбургской империи. Для позиции российской печати характерно практически единодушное убеждение, что идея преобладания немецкого элемента все более теряет значение⁴⁶. В таком ключе рассматривались указы Бадена. "Разнемечивание чешских земель"⁴⁷, "лишение немцев господствующего положения в двух краях"⁴⁸ – вот чего ожидали российские публицисты от австрийского правительства. Создается впечатление, что зачастую авторы статей не только одобряли обструкционизм депутатов, массовые протесты чехов, но и подталкивали к ним. "Весь славянский элемент Австрии объявил войну немцам"⁴⁹, – писала газета "Новое время", распространяя тем самым антинемецкую оппозицию на славянское население монархии. Образ немецкого врага из прессы был перенесен в публистику, о чем свидетельствуют такие

работы, как брошюра А.В. Белгородского "Порабощенное славянство в Австро-Венгрии и Германии". Ее автор писал о заговоре немцев и мадьяр, противостоящем объединению славян, "естественно тяготеющих" к России⁵⁰.

Таким образом очевидно, что прежде всего в либеральной печати с середины 80-х годов началась мощная пропагандистская кампания по созданию "образа врага" для всего славянства в лице прусского милитаризма и вместе с ним всей государственной машины Австро-Венгрии. С этого времени в периодике в самых разных вариациях настойчиво проводится мысль, что Австро-Венгрию взорвет национальный вопрос. Идея неизбежности обострения межнациональных отношений в этом государстве – вот еще одно направление воздействия на российское общественное мнение и опосредованно на менталитет славянских народов.

Для австрославистской доктрины был характерен расчет на численное превосходство славян. Именно с этим фактором австрослависты связывали свои требования соответствующего участия славянских народов в управлении государством. Следует признать, что данная сторона политических представлений славянской политической элиты также не была упущена российской печатью. О ней говорилось на всех этапах заключения Троицкого союза и позднее. Причем, в отличие от чешской общественной мысли, этому фактору придавалось специфическое толкование. В России бытова и пропагандировалась довольно упрощенная схема неизбежной славянизации Австро-Венгрии и ее дальнейшей переориентации. Само собой разумеющимся, очевидным доводом было то, что "как в той, так и в другой половине двойственной монархии большинство населения составляют славяне, естественно тяготеющие к великой покровительнице славянского племени, единокровной России"⁵¹.

По мнению журнала "Русский вестник", лишь "господство немцев и поляков" в парламенте, достигнутое в результате "искусной подтасовки избирательных законов", мешало выражению истинных настроений славянских народов. В свою очередь, официальные правящие круги как Числейтании, так и Транслейтании, "одушевленные непримиримой злобой и ненавистью к России", не внимали голосу политического разума⁵². На чехов возлагалась задача привить "полякам более здравые мысли на Россию"⁵³.

Подобные статьи показывают, насколько широкое распространение в российской среде имело самое тривиальное толкование идеи славянской общности, когда общественными деятелями совершенно не принималось во внимание то обстоятельство, что славянским народам Австро-Венгрии были присущие отличные от русских наблюдателей взгляды на свое место в ней и на ее внешнеполитическую деятельность, что славяне не ставили на приоритетное место платоническую любовь к России⁵⁴.

Славянские народы Австро-Венгрии ошибочно воспринимались не как часть австрийского комплекса или европейского сообщества, а как звено некоего условного, не существующего в реальности "мира", что было чрезвычайно важно для мироощущения части российского общества. Пропагандистский стереотип о чешских землях как перевом бастоне славянства на Западе также был очень устойчивым. "У нас в России, – отмечалось в "Вестнике Европы", – как будто бы заведено относиться к славянскому вопросу только сентиментально, а никак не рационально"⁵⁵.

Для российской печати конца XIX в. характерно довольно точное понимание плюсов и минусов идеи федерализации монархии. В этой связи российская публицистика уделяла чрезвычайное внимание парламентским речам, содержавшим большую долю полемичности. Особенно часто цитировались выступления Карла Крамаржа, например, его высказывание, что чехи "никогда не признают нынешней конституции и не будут содействовать ее укреплению"⁵⁶. Идея австрийской федерации в восприятии российской печати имела некий стереотип и в том, что касалось чехов, подразумевала автономию чешских земель. Вместе с тем наблюдается полное понимание трудностей реализации лозунга их объединения. Не случайно в одной из статей, опубликованных в "Русской мысли", подчеркивалось, что негативная реакция на укрепление отношений Австро-Венгрии и Германии не только способствовала "сближению всех чешских партий, но и привела к консолидации богемских и моравских депутатов, принявших решение объединенными усилиями бороться за чешское государственное право"⁵⁷.

Отмечая всеобщую напряженность в конце XIX в. на фоне усиления федералистских настроений в Цислейтании, "Русское богатство" публикует основные принципы чешской государственно-правовой про-

граммы (в изложении "Die Zeit"), подразумевающей: 1) неделимость территорий и нерушимость политического союза Чехии, Моравии и Силезии; 2) суверенитет этих трех провинций по отношению к остальным землям, находящимся под властью того же монарха, и по отношению к другим государствам; 3) самостоятельное гражданское и конституционное право земель чешской короны⁵⁸.

Указывая на реформистский характер намерений К. Бадени, "Новое время" сомневалось в полном признании Габсбургами за чешскими землями "автономных прав, которыми пользуется Венгрия"⁵⁹. Характеризуя период 1897–1900 гг. как время глубочайшего кризиса в империи, газета писала о неизбежности решительной борьбы между политическими принципами дуализма и федерализма, сторонниками которого были славяне⁶⁰. Идеи полной автономии, федерализма отождествлялись с введением "равноправности всех австро-германских народов", что означало, по мнению "Нового времени", "прямое и категорическое отрицание дуализма", триумф "областной автономии над немецкой централизацией"⁶¹. Причем значительная часть российской прессы придерживалась такого же мнения. Например, "Русское богатство" писало, что "победа федералистских тенденций – вопрос не очень отдаленного времени"⁶².

Лавирование австро-германского правительства, особенно во второй половине 90-х годов, рассматривалось как некое предательство интересов славянских народов. Так, изменения в регламенте парламента в 1897 г. (председатель мог теперь удалить депутата на 3 дня) П. Звездич в статье "Историческая миссия Австрии" квалифицирует как "неслыханно позорное зрелище"⁶³. Как явно дискриминационная показывалась политика правительства во время чешско-немецких столкновений⁶⁴. Признавая сложность решения национальных противоречий в монархии, В.Д. Спасович в "Вестнике Европы" подчеркивал, что "федералистическая идея на вид проста, в сущности же она величайшее в европейском быту новшество"⁶⁵. Однако несмотря на трудности практической реализации, федерализм, по мнению "Нового времени", являлся "единственным средством дальнейшего сохранения целостности и неприкосновенности разнородной монархии"⁶⁶.

Смена одного за другим правительственных кабинетов, бесконечная перестановка сил в парламенте, неумение славян заставить

ни один из кабинетов принять нужное им решение привели к тому, что дело "автономистов, если не безвозвратно, то временно было проиграно". И хотя "Новое время" утверждало, что "славяне не пойдут ни на какую сделку с отречением от своих справедливых требований"⁶⁷, упразднение указов о языках императором Францем-Иосифом повергло российскую прессу в шок, ибо это означало "уничтожение государственного авторитета"⁶⁸.

Проанализировав события последних трех лет, газета пришла к выводу, что для торжества федерализма, "этого единственного спасительного для Австрии принципа, требуется еще длительный ряд таких катастроф"⁶⁹. Еще более пессимистично был настроен автор статьи "Спор о языках в Австрии", опубликованной в "Вестнике Европы", когда писал, что "чехи увлекаются, требуя возврата к отношениям, упраздненным несколько веков назад"⁷⁰.

Таким образом, изученные нами материалы показывают, что на протяжении двух последних десятилетий XIX в. для российского общественного мнения характерен рост интереса к событиям, прежде всего политического свойства, происходившим в монархии Габсбургов. В центре внимания находились реалии политической борьбы, а не теоретические разработки национального вопроса, проблема возможной реорганизации империи. Так, в многочисленных публикациях российской периодики нашли отражение практически все важнейшие выступления чешских политических деятелей, в которых высказывалось отношение к монархии, проблемам федерализации Австро-Венгрии. Тем самым все важнейшие элементы доктрины австрославизма, кроме экономического фактора, оказались в поле зрения российской общественности. Однако сам термин австрославизм, и в этом состоит парадоксальность ситуации, не использовался в политической лексике прессы и публицистики этого периода.

Причины сильнейшего политического кризиса империи Габсбургов российская периодика видела в несоответствии государственной системы сложной полиэтнической структуре монархии, уровню развития прежде всего славянских народов. Вместе с тем, признавая, что славянская политическая элита не ставила вопрос о целесообразности распада Австро-Венгрии, а отстаивала легитимный путь осуществления национального равноправия, российская пресса в отличие от

чешской общественной мысли рассматривала требования национального самоопределения как дезинтегрирующий фактор, придавала исключительное значение противостоянию немцев и чехов, акцентировала принадлежность последних к славянству во главе с Россией.

Примечания

¹ См., например, классические труды советской историографии: Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1980. Т. 1; 1981. Т. 2; Чешская нация на заключительном этапе формирования, 1850–начало 1870 гг. М., 1989.

² Ратнер Н.Д. Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. М., 1970. С. 20, 175, 182. Из чешских исследователей подобную точку зрения высказал еще в 1958 г. Юрий Кржижек. См.: Kn'žek J. Česká buržoazní politika a česká otázka v letech 1900–1914 //Československý časopis historický Praha, 1958. № 4. S. 628.

³ Косиќ В.И. Русская политика в Болгарии, 1879–1886. М., 1991. Он же. Время разрыва: Политика России в болгарском вопросе, 1886–1894 гг. М. 1993.

⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 974. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Подробнее см.: Ненашева З.С. Славянские общества в России в последней четверти XIX в. //Российское общество и зарубежные славяне, XVIII–начало XX века. М., 1992. С. 33–44.

⁷ РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 385. Л. 1–2; Д. 388. Л. 36, 46; Санкт-Петербургский государственный исторический архив. Ф. 400. Оп. 1. Д. 902. Л. 37–37 об.

⁸ Ежемесячно выходил с 1880 г. в Москва, с середины 80-х годов, когда фактическим редактором вплоть до 1906 г. был В.А. Гольцов, придерживался либеральной ориентации.

⁹ Один из наиболее солидных и устойчивых ежемесячников под редакцией М.Стасюлевича, орган умеренно-либеральных кругов, выходил с 1866 по 1918 г.

¹⁰ О нем см.: Литературный процесс и русская журналистика конца XIX–начала XX века. М., 1982. С. 4–90, 234–260.

¹¹ После смерти М.Н. Каткова, занимавшего промонархические позиции, в журнале в течение 1890–1900-х годов сменилось несколько редакторов. В 1887–1896 гг. издание журнала было перенесено из Москвы в Санкт-Петербург.

- 12 РГИА. Ф. 1358 (Торгово-телеграфное агентство при Министерстве финансов). Оп. 1. Д. 917. Л., 2–11.
- 13 Там же. Д. 975. Л. 1, 4, 5, 5 об.
- 14 Там же. Д. 917. Л. 14, 14 об ; Д. 975. Л. 1, 4.
- 15 Русская мысль. 1889. Кн. 5. С. 161–162.
- 16 Там же. Кн. 7. С. 130.
- 17 Славянские известия. 1889. № 26. С. 647–650.
- 18 Известия СПСБО. 1887. № 9. С. 454–455.
- 19 Там же.
- 20 Там же. С. 456.
- 21 *Славянина*. Новая чешская партия. // Славянские известия. 1889. № 14. С. 361–362.
- 22 *Ламанский В.И.* Восточный славянский вопрос // Известия СПСБО. 1887. № 9. С. 433–440; *Он же*. Западный славянский вопрос // Там же. 1887. № 11–12. С. 530–539.
- 23 *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в пореформенной России (1861–1895) // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 43–44.
- 24 *Ламанский В.И.* Восточный славянский вопрос... С. 439.
- 25 Там же. С. 436.
- 26 Там же. С. 435.
- 27 Там же.
- 28 См.: *Nenaševová Z.S.* Slovanská otázka v Rusku v poslednej čtvrtine XIX storočia // Slovanské štúdie. Bratislava, 1992. С. 1. С. 38–41.
- 29 *Ламанский В.И.* Восточный славянский вопрос... С. 439.
- 30 Известия СПСБО. 1888. № 4–5. С. 194–195.
- 31 *Дьяков В.А.* Указ. соч. С. 44.
- 32 Известия СПСБО. 1888. № 4–5. С. 201.
- 33 Вестник Европы. 1889. № 4. С. 826–827.
- 34 Славянские известия. 1889. № 1–2. С. 2.
- 35 *Филиппов М.М.* Славянская взаимность в настоящем и будущем // Славянские известия. 1889, № 1–2. С. 6–7.
- 36 *Филиппов М.М.* Еще о славянской взаимности // Славянские известия. 1889. № 7. С. 162.
- 37 Русская мысль. 1889. Кн. 10. С. 215.

- 38 Русское обозрение. 1891. Кн. 9. С. 165.
- 39 Русская мысль. 1891. Кн. 7. С. 137.
- 40 Там же. 1891. Кн. 8. С. 204.
- 41 Там же. Кн. 9. С. 165.
- 42 Там же. 1892. Кн. 1. С. 188.
- 43 Славянские известия. 1897. № 37. С. 631.
- 44 РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 853.
- 45 РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 696.
- 46 Русское богатство. 1896. № 2. С. 82; Новое время. 1897.
- 13 янв.
- 47 Новое время. 1897. 23 марта.
- 48 Погодин А.Л. Славянский мир. М., 1915. С. 48.
- 49 Новое время. 1897. 23 мая, 26 июля.
- 50 Белгородский А.В. Порабощенное славянство в Австро-Венгрии и Германии. Пг., 1915. С. 12.
- 51 Русский вестник. 1891. № 7. С. 379.
- 52 Там же. С. 378.
- 53 Новое время. 1897. 30 мая.
- 54 Подробнее см.: Ненашева З.С. Общественно-политическая мысль в чешских землях в конце XIX – начале XX в. М., 1994. С. 127–146.
- 55 Вестник Европы. 1898. № 10. С. 583.
- 56 Русская мысль. 1893. Кн. 11. С. 199–200.
- 57 Там же. 1892. Кн. 11. С. 229.
- 58 Русское богатство. 1896. № 5. С. 90.
- 59 Новое время. 1897. 22 янв.
- 60 Там же. 1897. 14 мая, 29 авг.
- 61 Там же. 1897. 10 окт.
- 62 Русское богатство. 1897. № 9. С. 75.
- 63 Там же. № 11. С. 131.
- 64 Новое время. 1897. 22 ноября.
- 65 Вестник Европы. 1898. № 10. С. 545.
- 66 Новое время. 1898. 7 февр., 16 апр.

67 Там же. 1899. 21 янв.

68 Там же. 27 сент.

69 Там же. 1900. 19 мая.

70 Вестник Европы. 1900. № 12. С. 811.

A.N. Горяинов

"СЛАВЯНСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ"
В ТРАКТОВКЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
1920–1930-х годов

Термин "славянская взаимность" использовали представители разных теоретических направлений, вследствие чего, как справедливо отмечает В.А. Дьяков, различные политические течения межвоенного периода в славянских странах и ученые этих стран вкладывали в данное понятие разное содержание¹. Почти никого из них нельзя упрекнуть в отсутствии внимания к "славянской взаимности". Исключение составляли лишь большевики: поскольку "славянская взаимность" не вписывалась в ленинскую теорию национального вопроса и не соответствовала принципу пролетарского интернационализма, они демонстрировали почти полное отсутствие интереса к "славянской идеи", лишь иногда и мимоходом критикуя как консервативно-охранительные, так и либеральные ее интерпретации.

Не побудило большевиков изменить позицию даже образование на границах России независимых славянских государств. После прихода к власти они не поставили самых насущных вопросов, вытекавших из необходимости осмысления новой роли западных и южных славян в мире и разработки практической политики в отношении новых государственных образований. Причинами были направленность разрабатываемой ими идеологии на внедрение классового сознания за счет уменьшения всего национального, а также опасение, что "славянская взаимность" может стать теоретической основой сплочения вновь созданных славянских государств на антибольшевистской платформе.

Первым, кто обратил внимание на необходимость учета идей славянской солидарности в условиях, сложившихся в начале 1920-х годов, был известный славяновед Г.А. Ильинский, придерживавшийся ли-

беральных взглядов. В Ученых записках Саратовского университета, где он тогда работал, Ильинский опубликовал статью "Что такое славянская филология?"². В ней эта дисциплина характеризовалась как "одно из важнейших звеньев в системе гуманитарных знаний"³ и подчеркивалось, что наряду с теоретическими перед ней стоит и "множество жизненных, чисто практических задач"⁴. Ильинский предвидел, что "поставленный лицом к лицу со своими соплеменниками, русский народ принужден будет вступить с ними в теснейший контакт"⁵, для плодотворного осуществления которого необходимо "знакомство с географией славянских земель, этнографическим составом их населения, с историческим прошлым славянских народов, с их языком и литературой, с современными экономическими и политическими условиями их развития и т.д. и т.д."⁶.

О "славянской взаимности" или "славянской солидарности" в статье прямо не говорилось, но в некоторых случаях ученый употреблял понятия "славянский племенной дух"⁷ и "философия" славянской филологии⁸; он отметил факт отражения во всех славянских литературах таких "могучих движений", как « борьба за национальную Кирилло-Мефодиевскую церковь, богоильтво, итальянский гуманизм, реформация," Просвещение", романтизм и пр. »⁹ В заключительной части статьи Г.А. Ильинский пытался убедить власти, что славянская филология – это, по его мнению, "дитя славянского национального возрождения", "уже с первых шагов своего развития сделалась одним из самых мощных факторов его дальнейшего прогресса", она "не есть только достояние некоторых наглоухо замуро-ванных от жизни научных кабинетов и не есть даже искусственно взращенный цветок какой-нибудь хотя бы ученейшей небылицы, но есть живой и цельный организм, связанный миллионами нитей с самыми реальными, житейскими, и даже, так сказать, с кровными интересами, общественной и духовной жизнью славянских народов". При этом он утверждал, что "как ингредиент и главное условие национального самосознания, славянская филология должна составлять необходимый элемент научного мировоззрения всякого работающего среди славянских народов гражданина"¹⁰. "Да! Все говорит, что мы находимся накануне нового, небывалого расцвета славянских изучений, – заключал ученый. – Этот расцвет будет так могуч и так пышен, что

перед ним должны будут померкнуть и те бесчисленные заслуги, которые славяноведение оказало в своем более чем столетнем прошлом"¹¹.

Попытки Г.А. Ильинского привлечь внимание к вопросам, хотя бы косвенно связанным с идеями славянского единства, не вызвали никакого сочувствия официальных инстанций. Более того, значительная часть упоминаний об общеславянских духовных ценностях была вычеркнута советской цензурой и дошла до нас только вследствие публикации неискаженного текста в Болгарии¹². Гонения на статью вытекали из уже изложенного выше отношения большевиков к "славянской взаимности". Это отношение время от времени выражали в печати руководитель советской исторической науки М.Н. Покровский и его ученики. Покровский писал, например, о "русских вариациях" на тему о "единокровных братьях-славянах", считая их разновидностью западноевропейских буржуазно-националистических идей¹³, а молодой Н.Л. Рубинштейн в сборнике, вышедшем под редакцией Покровского, утверждал, будто бы русские славянофилы симпатизировали "в гораздо большей степени... русским славянам, нежели западным их соплеменникам"¹⁴.

В 20-е годы тезис о "славянской взаимности" активно использовался, по мнению М.Н. Покровского, врагами советской власти. В статье по поводу открывшейся в июне 1927 г. в Варшаве конференции историков восточноевропейских и славянских стран, хлестко названной "Панславизм на службе империализма", он писал об искусственноности круга представленных там государств, о якобы приданном конференции политическом характере, об участии в ней русских эмигрантов. Покровский считал конференцию продолжательницей неославистских форумов начала XX в., которые в статье ошибочно назывались сборищами реакционеров-панславистов и при этом отождествлялись с научными славистическими съездами. По его мнению, все эти съезды занимались моральной подготовкой первой мировой войны, их "панславистский характер... бьет в глаза", а "панславизм всегда был чисто политическим явлением в руках самых разнообразных деятелей" и поэтому никого не удается обмануть современными «всеславянскими конгрессами, "научно" рассуждающими о создании новых блоков»¹⁵.

Покровский справедливо отмечал различие политических интересов разных интерпретаторов "славянской взаимности" и негативное отношение многих ученых славянских стран к советской действительности. Однако он ошибочно отказывался рассматривать, как не представляющие интереса, различия во взглядах на "славянский вопрос" и не пытался разобраться в причинах антисоветской позиции зарубежных интеллектуалов. Справедливости ради надо отметить, что в 1930 г. глава советских историков несколько скорректировал свои взгляды. Этому способствовали встречи советских историков с зарубежными учеными на VI международном конгрессе историков в Осло (август 1928 г.), во время которых обнаружилось "известное тяготение" к советской делегации представителей некоторых зарубежных славянских стран. "Мы могли бы, несомненно, при немного большей бойкости и предприимчивости с нашей стороны, — отмечал, делясь своими впечатлениями о конгрессе, Покровский, — организовать этих славянских историков около себя... Сейчас, несомненно, происходит борьба за центр славяноведения между Прагой, Варшавой и Москвой. И, несомненно, есть элементы в Югославии и Болгарии, которые больше тяготеют к Москве, нежели к Праге или Варшаве"¹⁶.

М.Н. Покровский, мягко говоря, сильно преувеличивал роль Москвы 30-х годов как центра славянства. Однако положительным было уже то, что один из руководителей советской науки осознал возможность использования идей славянской солидарности в научно-политических интересах СССР. После его выступления стали приниматься некоторые меры для оживления в Советском Союзе славистических исследований; важнейшей из них стала организация в 1931 г. в системе Академии наук Института славяноведения во главе с академиком Н.С. Державиным.

Некоторое усиление внимания в начале 30-х годов к славяноведению не было сколько-нибудь длительным и прочным. Мало того, одновременно с подготовкой к созданию и развертыванием деятельности Института славяноведения проходили сфабрикованные ОГПУ процессы над учеными, в результате которых оказались репрессированными наиболее крупные историки и филологи, занимавшиеся зарубежными славянами. В 1929–1930 гг. по так называемому "академическому делу" были арестованы М.К. Любавский, Д.Н. Егоров, Ю.В. Готье, В.И. Пи-

чета¹⁷. В сентябре 1929 г. репрессиям подверглись некоторые украинские слависты¹⁸. Апогеем стал 1934 г., когда усилиями ОГПУ было сфабриковано так называемое "дело славистов", большинство участников которого составили слависты-филологи. Привлеченные по "делу" 1934 г. обвинялись в создании «разветвленной контрреволюционной организации "Российская национальная партия"», организованной "по прямым указаниям русского заграничного фашистского центра". На роль руководителей мифического "заграничного центра" следователи ОГПУ выбрали обосновавшихся в Чехословакии славяноведов Н.С. Трубецкого, Р.О. Якобсона и П.Г. Богатырева. В состав советского руководства "партии" они зачислили пятерых академиков (из них, впрочем, серьезно пострадал только В.Н. Перетц, меньше М.Н. Сперанский, стоявший же в списке "руководителей" на первом месте директор Института славяноведения Н.С. Державин и другие академики репрессиям не подверглись), а также членов-корреспондентов Н.Н. Дурново и Г.А. Ильинского, ученого секретаря Института славяноведения В.Н. Кораблева. Всем участникам "организации" приписывались не только конкретные преступные деяния, но и националистические взгляды, причем их следствием объявлялись "программные требования" борьбы "за сохранение самобытной культуры, нравов, быта и исторических традиций русского народа", "сохранения религии как силы, способствующей подъему русского национального духа" и, наконец, "пропаганда исключительного исторического будущего славян как единого народа"¹⁹. Таким образом, идеи славянской самобытности и родства были прямо отнесены к разряду антисоветских и подлежащих уголовному наказанию.

В связи с изложенным нетрудно понять, как негативно оценивалась "славянская взаимность" в советской научной и популярной литературе. Это сразу же отразилось и на славяноведении. Мы уже имели случай писать о шельмовании в "Ленинградской правде" вышедшего в 1918 г. курса лекций М.К. Любавского "История западных славян", где ученый затронул вопрос о немецкой агрессии против славянских народов²⁰. По тем же причинам и в той же газете крайне негативную оценку получило фундаментальное исследование Д.Н. Егорова о немецкой колонизации Мекленбурга²¹.

В противовес этому слависты, пытаясь защитить свою науку от разгрома, искали такие подходы к славяноведению и такие формулировки, которые были бы в состоянии убедить власти в политической актуальности изучения зарубежного славянства, но в то же время не напоминали об идеях "славянской взаимности". Некоторым противовесом упомянутой статье М.Н. Покровского в "Правде" должен был послужить отчет о работе критикуемой там конференции, появившийся в журнале "Украина"²². Редактор М.С. Грушевский (от преследования по "делу славистов" его, по-видимому, избавила лишь смерть, наступившая 24 ноября 1934 г.)²³ предоставил страницы журнала участнику конференции, западноукраинскому ученому М. Кордубе, от которого советский читатель получил объективную информацию.

Весной 1929 г. известный этнограф Д.К. Зеленин напечатал подробнейший и объективный (за что в 1937 г. подвергся тенденциозной критике) обзор состояния зарубежной славистики²⁴. В работе перечислены научные учреждения, периодические издания, монографии и даже некоторые статьи по самым разным отраслям славяноведения, опубликованные во многих странах Европы и в США. В кратком предисловии Зеленин писал о внимании, уделяемом славистике за рубежом, и, оговарившись, что рассматриваемые им работы являются неприемлемыми методологически, а также часто направлены против СССР, отметил: славистикой занимаются не только враги, но и зарубежные друзья Советского Союза, поэтому "помощь этим ученым... и необходимая связь с ними также входит в задачи советской этнографии". "Для того, чтобы продвинуть разрешение этой задачи и для того, чтобы изучить арсенал врага, мы и считаем необходимым познакомить наших читателей с состоянием изучения современного славянства в Западной Европе", – заявлял ученый.

Обзоры М. Кордубы и Д.К. Зеленина ограничивались тем, что показывали истинное лицо славяноведения. Более решительно выступил известный украинский поэт и литературовед М.П. Драй-Хмара. В декабре 1929 г. в газете "Пролетарская правда" (Харьков) появилась его статья "Проблемы современной славистики"²⁵. В это время шло "следствие" по "делу" украинских славистов, и Драй-Хмара, хотя в очень осторожной форме, выступил в их защиту. Он сетовал на "равнодушие к славяноведению как наших руководящих кадров, так и широких слоев граждан" и объяснял это подменой в царской России славистики "сла-

вянской фразеологией", т.е. различными интерпретациями "славянской идеи". "К великому сожалению, – заявлял Драй-Хмара, – у нас и теперь еще путают эти два совершенно различных понятия". Заявив, что отсутствие научных связей со славянскими странами и изучения славистических дисциплин мешает внедрению в жизнь "ближайших западных соседей СССР" марксистских идей и методологических "достижений", он проводил мысль о необходимости изучать западнославянские культуры как вытекающие "из наших собственных интересов". "Нам не к лицу плестись в хвосте славистической деятельности, – подчеркивал Драй-Хмара, – мы должны принять в ней самое деятельное участие" путем организации "экспансии нашей пролетарской культуры". Далее в статье утверждалось, будто бы "славянские народы не имеют ни общего культурного наследства, ни антропологического единства, ни одинаковых этнографических черт". Эти нелепые с точки зрения науки высказывания понадобились Драй-Хмаре, чтобы обосновать тезис о необходимости "ограничения историзма, который безраздельно господствует на поле славистики". "Такие славистические проблемы, как со-лидарность, сближение или конкретные связи... можно полностью абстрагировать от генетических изысканий...", – заявлял он. Кажущееся неприятие Драй-Хмарой сравнительно-исторического метода в славяноведении вытекало из его попытки максимально подчеркнуть наиболее понятную руководителям практическую цель – поставить "в центр интересов современного славянства и те актуальные проблемы, которые оно выдвигает сегодня". Вместе с тем, он осторожно намекал на успехи русских языковедов в разработке традиционных направлений славянского языкоznания и говорил о допустимости исторического подхода при решении теоретических вопросов славистики. В заключение автор статьи предложил заняться возрождением на Украине славяноведения и создать для этого специальную комиссию при Украинской Академии наук, объединив вокруг нее имеющиеся научные силы, т.е. по существу призвал освободить арестованных на Украине славистов.

Несколько другие акценты расставлены в опубликованной в 1932г. статье Н.С.Державина²⁶. Державин, как и Драй-Хмара, исходил из приоритета изучения "живой славянской современности", но подчеркивал необходимость рассмотрения ее "в разрезе истории классовой борьбы". Славянский мир и славянская культура являются, по мнению Дер-

жавина, лишь одним из многочисленных "национальных оформлений" "хозяйственных участков" мировой экономической системы и общечеловеческой культуры. Исходя из этого, академик выражал свое резко отрицательное отношение «ко всяkim идеологическим пережиткам старого феодально-крепостнического строя в виде теорий "славянофильства", "панславизма", "славянского единения и взаимности" и прочих и прочих классово враждебных пролетариату идеологий». Таким образом, сама постановка вопроса Державиным исключала возможность серьезного изучения "славянской идеи". Оставались лишь обличительные характеристики, которые (обычно мимоходом) давали сотрудники державинского Института славяноведения. Некоторым исключением была лишь статья К.А. Пушкаревича "Балканские славяне и русские освободители"²⁷, в которой на основе архивных материалов рассматривались вопросы организации и деятельности Славянских благотворительных комитетов. Из своих наблюдений автор сделал никак не соответствующий действительности вывод, что комитеты представляли собой организации классового характера, а их славянофильская идеология являлась реакционной и даже антиславянской. Впоследствии авторитетный советский ученый С.А. Никитин убедительно показал, что К.А. Пушкаревич неполно и неглубоко использовал источники, результатом чего был ряд существенных ошибок, а статья превратилась в памфлет²⁸.

Расправа над славистами, арестованными по "делу" "Российской национальной партии" добавила к невозможности заниматься "славянской взаимностью" почти полный запрет на занятия славистической наукой вообще. В конце 1934 г. арестованный и осужденный почему-то условно и на несколько месяцев выпущенный на свободу славяновед Д.Д. Димитров выступил на заседании в Институте языка и мышления Академии наук с докладом "Славянская филология на путях фашизации". В докладе и опубликованной на его основе статье²⁹ славянская филология характеризовалась как "наука чисто эмпирическая, описательная", пользующаяся "лишь формальным" методом исследования и потому далекая от подлинной науки. Вместе с тем в статье заявлялось об "органической связи славистики со славянофильством", а знаменем славянской филологии в дореволюционной России и на Западе объявлялось: "вера, раса и власть". Это показалось Димитрову достаточным, что-

бы утверждать: славянская филология как дисциплина, отстаивающая "особую, самобытную природу" и "вытекающую из нее мессианскую роль" "славянского типа", "была всегда наукой, заведомо и насквозь пропитанной зоологическим национализмом". Автор писал далее о "служебной, вернее прислужнической, роли славистики перед паразитическими классами", об использовании славянской диалектологии "для нужд захватнической и ассимиляторской политики того или иного буржуазного государства", о том, что за последние годы наука о славянах "не только не разрешила, но и не выдвинула новых, актуальных с точки зрения науки проблем". Теоретической базой славянской филологии является, по мнению Димитрова, "идеализм фашистского толка", на современном этапе она выродилась "в самую откровенную теологию". Завершает статью вывод, будто бы "славянская филология на Западе плотно врастает в фашизм и этим самым теряет право на науку, ибо фашизм с его расовой теорией, как сказал... товарищ Сталин, так же далек от подлинной науки, как небо от земли".

В статье Димитрова не упоминалось о "грехах" советского славяноведения и о деятельности советских славистов, однако если учесть, что не подвергшихся репрессиям ученых можно было пересчитать по пальцам, а у властей, по свидетельству Н.С. Державина, славистика находилась "буквально в пренебрежении и загоне"³⁰, это ничего не меняло.

Отношение к славяноведению начало меняться лишь с 1939 г., когда в связи с обострением международной обстановки Советскому Союзу стало необходимо улучшить отношения со славянскими странами. Обескровленная преследованием филологов и вынужденная к жизни политическими потребностями, славистика в СССР возрождалась преимущественно как историческая наука. Историки также проявили интерес к славянофильству. В самом конце 30-х годов в советской литературе появились первые более или менее развернутые высказывания об интерпретации славянофилами "славянской идеи". Их взглядам на славянство посвятил, в частности, несколько страниц А.И. Ковалевский в брошюре, изданной Военно-политической академией³¹. Исходя из характеристики Ф. Энгельсом панславизма как "мошеннического плана борьбы за мировое владычество"³² и неправомерно отождествляя славя-

вянофильство и панславизм, он писал, что теория об особой исторической роли славянства понадобилась славянофилам для прикрытия агрессивной внешней политики царизма. Панславизм Ковалевский трактовал исключительно как идеологическое течение в среде южно- и западнославянской интеллигенции, являвшееся "своебразным протестом" против национального угнетения со стороны Австрии и Турции и смыкавшееся с русским славянофильством в надеждах на освобождение со стороны России. По мнению автора брошюры, еще в предреформенные годы "царизм ухватился за панславизм... Панславистское движение превратилось в агентуру царизма"³³.

Единственным более или менее серьезным исследованием 30-х годов о "славянской взаимности" была кандидатская диссертация А.А. Михайлова, защищенная в 1939 г. на историческом факультете Ленинградского университета. Сохранилась папка с документами, которые Михайлов представил в Ученый совет при Ленинградском университете перед защитой диссертации³⁴. Сам текст диссертации разыскать не удалось; о ней можно судить лишь по тезисам³⁵, отзывам оппонентов С.Н. Валка и А.Н. Предтеченского и от части по статье Михайлова, написанной на основе писем идеологов славянофильства³⁶. Михайлов, как и другие советские исследователи, полагал, что отношение славянофилов к зарубежным славянским народам определялось желанием "объединить" славян путем их включения в состав Российской империи. Он подчеркивал враждебность славянофилов революционному движению в России и Западной Европе, указывал на оценку ими с реакционных позиций революций 1848–1849 гг. и результатов Крымской войны. Вместе с тем интересно, что, сближая славянофилов и панславистов, Михайлов не ставит их на одну доску. Это видно даже из заглавия диссертации; в тексте же тезисов наряду с утверждениями о том, что постановка "славянского вопроса" "роднила славянофилов с панславистами", отмечается: славянофилы "горячо поддерживали национальное движение австрийских славян", а их отношение к Крымской войне "ничего общего не имело с истинными целями русского царизма". Наконец, Михайлов отмечает, что славянофилы после Крымской войны требовали "смягчения существующего режима" и выступали за "пр предоставление австрийским и турецким славянам независимого от России существования". В целом А.А. Михайлов, оставаясь на позициях

неприятия любых интерпретаций "славянской взаимности", подходил к ним с несравненно большей сдержанностью и объективностью, чем М.Н. Покровский или А.И. Ковалевский.

Таким образом, в первое двадцатилетие советской власти отношение в СССР к "славянской взаимности" и славяноведению эволюционировало от безразличия к активному неприятию, а редкие попытки ученых доказать необходимость изучения славянских народов не встречали понимания у властей. Лишь в самом конце 30-х годов наметился определенный перелом, позволивший начать более серьзное исследование проблем "славянской взаимности" и приступить к возрождению славистических исследований. Славяноведение при этом возрождалось преимущественно как историческая наука; что же касается "славянской взаимности", то первые после долгого перерыва работы на эту тему еще несли на себе печать предшествующих лет и были далеки от объективного подхода к проблеме.

Примечания

1 Дьяков В. А. Важнейшие черты развития славяноведения в 1918–1939 годах. //*Słowianoznawstwo w okresie międzywojennym (1918–1939)*. Wrocław, 1989.

2 Ученые записки государственного имени Н.Г. Чернышевского университета. Саратов, 1923. Т. 3. Кн. 1. Далее статья цитируется по наиболее полному тексту, опубликованному в журнале "Славянски глас" (София).

3 Славянски глас. 1926. Кн. 1–2. С. 8.

4 Там же. Кн. 3. С. 19.

5 Там же. С. 21–22.

6 Там же. С. 20.

7 Там же. С. 17.

8 Там же. С. 19.

9 Там же. С. 18.

10 Там же.

11 Там же. С. 22.

- 12 Подробно об этом см.: *Горяинов А.Н.*. Из забытых "мелочей" "Славянского гласа" (1919–1933) //Славяноведение. 1992. № 4. С. 61–64.
- 13 *Покровский И.Н.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 1. С. 68.
- 14 *Рубинштейн Н.Л.* Историческая теория славянофилов и ее классовые корни //Русская историческая литература в классовом освещении. М., 1927. Т. 1. С. 92–93.
- 15 Правда. 1927, 26 июня.
- 16 *Покровский И.Н.* Очередные задачи историков-марксистов: Доклад на общем собрании историков-марксистов 19 марта 1930 г. // *Покровский И.Н.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 2 С. 36ff.
- 17 Академическое дело, 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. С. V–VI.
- 18 *Горяинов А.Н.* Славяноведы – жертвы репрессий 1920–1940-х годов: Некоторые неизвестные факты из истории советской науки //Советское славяноведение. 1990. № 2.
- 19 *Ашинин Ф.Д., Аллатов В.М.* "Дело славистов": 30-е годы. М., 1994. С. 70–71.
- 20 *Горяинов А.Н.* "Ленинградская правда" – коллективный организатор "великого перелома" в Академии наук //Вестник Академии наук СССР. 1991. № 8. С. 112–113.
- 21 *Щеголев П.П.* Проф. Д.Н. Егоров //Ленинградская правда. 1930. 24 янв.
- 22 *Кордуба М.* Конференція істориків у Варшаві //Україна. 1927. Кн. 5.
- 23 *Ашинин Ф.Д., Аллатов В.М.* Указ. соч. С. 76–77.
- 24 *Зеленин Д.К.* Современное изучение славянства в Западной Европе //Советская этнография. 1932. № 3. С. 98–124; № 4. С. 124–143. Об этих "сводках" вспомнили авторы статьи "О методах вредительства в археологии и этнографии" А.В. Арциховский, М.В. Воеводский, С.В. Киселев и С.П. Толстов в журнале "Историк-марксист" (1937. № 3), которые назвали их "полными раболепства перед зарубежной шовинистической славистикой".
- 25 *Драй-Хмара М.Н.* Проблеми сучасної слов'стики //Пролетарська правда. 1929. 22 дек.

- 26 *Державин Н.С.* Наши задачи в области славяноведения //Труды Института славяноведения Академии наук СССР. Л., 1932 Т. I. Так же см.: *Державин Н.С.* От филологического формализма к марксистско-ленинской методологии: (Задачи Института славяноведения АН СССР) //Вестник Академии наук СССР. 1931. № 1.
- 27 Труды Института славяноведения Академии наук СССР. Л., 1934. Т. 2.
- 28 *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России. М., 1960. С. 264–265.
- 29 *Димитров Д.Д.* Славянская филология на путях фашанизации: (К характеристике ее состояния на Западе)//Язык и мышление. М., 1935. Вып. 5.
- 30 Цит. по: *Аксенова Е.Г.* Из истории советской славистики в 1930-е годы //Советское славяноведение. 1991. № 5. С. 92
- 31 *Ковалевский А.И.* Общественное движение 30–40-х годов XIX века. М., 1939.
- 32 Ф. Энгельс – К. Каутскому, 7 февраля 1882 г. //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2е изд. Т. 35. С. 222.
- 33 *Ковалевский А.И.* Указ. соч. С. 54.
- 34 ЦГАОРЛ. Ф. 7240. Оп. 12. Ч. 1. Д. 1159.
- 35 *Михайлов А.А.* Очерки по истории славянофильства 40–50-х годов: Панславистские тенденции в раннем славянофильстве Л., 1939.
- 36 *Михайлов А.А.* Революция 1848 г. и славянофильство //Ученые записки Ленинградского университета. Л., 1941. № 73. Серия ист. наук. Вып. 8.

СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ И СОВЕТСКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ ПЕРЕД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

При взгляде на состояние предвоенного славяноведения в нашей стране нельзя не обратить внимание на то, что после тяжелого периода преследования и почти полного забвения, эта наука в конце 1930-х годов, накануне войны, начала достаточно определенно снова заявлять о себе. "Реабилитация" науки показывает, что в обществе возрождается интерес к гому, чем занимается данная наука. В отношении славяноведения можно лишь обозначить эту связь, помня вместе с тем, что во все времена наблюдалась тесная взаимозависимость славянской идеи и политики, славяноведения и славянской идеи. Глубинные причины такой зависимости, лежащие вне сферы науки, требуют еще серьезного, всестороннего исследования. В статье дается лишь постановка вопроса и приводятся некоторые данные для ее обоснования, поэтому высказываемые положения в ряде случаев можно рассматривать как гипотетические.

После Октябрьской революции популярная в России идея славянского единства, как и русская национальная идея, были вытеснены идеей интернационализма, основывавшейся на классовом самосознании, классовой солидарности. Славянская идея, рассматривавшаяся как "реакционная", связывалась с возможностью объединения новых независимых славянских государств на антисоветской основе (в

20–30-е годы в славянских странах был весьма заметен интерес к наполненной политическим содержанием славянской идеей, а, следовательно, и к соответствующим разработкам славяноведов). Славяноведение было признано "буржуазной" наукой, обеспечивавшей в прошлом "панславистские" устремления во внешней политике русского самодержавия. Распространение в гуманитарных науках марксизма, поддержанного официальной идеологией, также не способствовало

развитию славистики. Усиление внимания к славяноведению в фашистской Германии, со своей стороны, не прибавляло популярности этой науке в нашей стране. К началу 30-х годов прекратили свое существование славистические комиссии Академии наук, были ликвидированы кафедры славистики в университетах. Ученые-славяноведы не принимали участия в международных съездах славистов. Славистические издания сворачивались. Не было ни одного специального журнала по славяноведению¹.

Кардинальная перестройка в Академии наук на рубеже 20–30-х годов подчинила ее деятельность партийно-правительственному диктату и контролю, провозгласив марксизм-ленинизм единственной теоретической базой научных исследований. Идеологизация и политизация сферы науки сопровождались репрессивными мерами в отношении многих славистов ("академическое дело", "дело славистов" и др.) с использованием для их обвинения и "славянского" материала. Вспомним также о массовой эмиграции и высылке ученых за пределы родины, о естественном сокращении рядов славистов, к 30-м годам их осталось очень мало. В подобных условиях изучение эволюции славянской идеи не представлялось возможным (не было должного внимания даже к национальной русской тематике)².

Тем не менее в начале 30-х годов была сделана попытка обратить внимание властей и общественного мнения на славяноведение. С этой целью в Ленинграде был создан в системе Академии наук принципиально новый, советский, марксистский Институт славяноведения, руководимый академиком Н.С. Державиным. Институт был закрыт менее, чем через три года, успев выпустить два тома "Трудов"³. Славянская идея, ее развитие и влияние на общественно-политическую жизнь России и других славянских стран не могли плодотворно и объективно изучаться в Институте, провозгласившем классовый подход к явлениям истории, культуры, общественной мысли и подвергвшем неправомерной критике идею "славянского единения и взаимности", понимаемой лишь как "идеологические пережитки феодализма"⁴.

В других академических институтах славистические подразделения отсутствовали или были столь маломощны, что не оказали практического влияния на развитие науки; процент славистических работ в них был ничтожен. Отдельные слабые попытки (Н.С. Державина, Д.К. Зеленина, М.П. Драй-Хмары и др.) доказать научную значимость

славяноведения заканчивались безрезультатно⁵. Таким образом, с 1934 по 1939 г. в советской славистике был "мертвый сезон". В сфере внешней политики Советский Союз заключил в эти годы ряд договоров со славянскими государствами, однако "славянское" направление отнюдь не являлось приоритетным во внешней политике СССР⁶. И только в конце 30-х годов сформировались условия для развития организационной базы и научных исследований в этой области.

Возрождению изучения славянства способствовали прежде всего политические факторы, обусловившие возвращение на новом историческом этапе к славянской идеи. Упрочившийся тоталитарный режим, не отказываясь от апробированной идеи интернационализма, демагогически используемой как часть государственной идеологии, постепенно начал вплетать в нее элементы славянской идеи, перекликавшиеся в то время с имперской по сути внутренней и внешней политикой, прикрываемой задачами помощи и освобождения (такой благовидный предлог, чтобы не выглядеть агрессором, был использован Советским Союзом при присоединении Западной Украины и Западной Белоруссии)⁷.

В это время славянский вопрос, как и в другие периоды его активизации, имел антигерманскую направленность и возник как реакция на стремление фашистской Германии к порабощению славянских и других народов Европы. Однако, думается, не столько угроза славянским народам со стороны наступавшего фашизма поставила в СССР вновь на повестку дня славянскую идею (в новом ее варианте). Надвигалось столкновение СССР и Германии, становился неизбежным раздел Европы на сферы влияния (Мюнхенские решения в отношении Чехословакии, договоренности 1939 г. по Польше, откровенное заявление 1940 г. об интересах СССР на Балканах, в районе Черного моря). Установка Гитлера на мировое господство наталкивалась на агрессивные устремления Сталина⁸. Только собственные далеко идущие замыслы сталинской внешней политики, требовавшей определенного идейного обеспечения, могли инициировать возвращение к отвергнутой когда-то идее, в различных интерпретациях которой в прошлом России отводилась ведущая роль в славянской коалиции⁹.

Поскольку ранее славянская идея подвергалась критике за якобы славянофильско-панславистскую направленность, теперь нужно было придать ей иное звучание и показать, что не реакционная царская Рос-

сия, а первая в мире страна социализма встает на защиту интересов славянства. В печати 30-х годов расхваливался социалистический строй и подчеркивалось желание народов славянских стран идти по пути, проложенному СССР¹⁰. Большую достоверность этим сообщениям придавали сведения из статей славян-политэмигрантов, живших в нашей стране¹¹. Таким образом, и данный вариант славянской идеи предполагал признание лидирующей роли России (точнее – Советского Союза) в решении судьбы славян.

Основные элементы идеи славянской взаимности остались теми же, что и в XIX в., и включали представления об этническом родстве и культурной близости, о многовековой дружбе славян и совместном сопротивлении врагам. Исключение составлял конфессиональный вопрос, который в конце 30-х годов практически не затрагивался. Советско-германские договоренности 1939 г. в отношении Польши и как следствие – новый ее "раздел" привели к изъятию из пропаганды славянского единства "польского компонента" (но в этом не было ничего особенно нового, поскольку Польша и прежде воспринималась чаще всего как элемент славянского разъединения, как "олатинившийся" отступник от славянского дела). Однако после нападения фашистской Германии на СССР отношение к судьбе польского народа изменилось, и поляки уже не исключались из идеи совместной борьбы славянских народов против немецкой агрессии. (В научной сфере это нашло отражение в ряде работ, например, в статье В.И. Пичеты "Вековая борьба польского народа с немецкими захватчиками"¹², в которой отмечалось, что немцы – "исконный враг польского народа", отверглась "бредовая теория" фашистских историков о создании немцами всех славянских государств, говорилось о начале объединения славянских народов против фашизма и выражалась уверенность в том, что советский народ "навсегда освободит человечество от фашистской угрозы").

Таким образом, именно политические потребности поставили на повестку дня вопрос о необходимости всемерного расширения знаний о славянских народах. Для этого нужно было восстановить утраченные позиции славяноведения, дав соответствующие идеальные и методологические обоснования. Академия наук получила "директиву" расширить изучения в этой области науки¹³. 1939 год является поистине переломным годом в истории отечественной славистики.

Поскольку старая славистика с преобладанием филологии подвергалась в советское время нападкам за "филологический формализм", "идеализм", "буржуазность" и отвергалась "новым учением о языке", то возрождение советского славяноведения, опиравшегося на марксистско-ленинское учение, не могло происходить на традиционной основе; оно должно было, обслуживая новые политические идеи, иметь преимущественно историческую направленность. Именно историческая славистика могла и должна была доказать необходимость и неизбежность не только тесного союза славянских народов в прежние времена, но и их боевого сплочения в предстоящей войне против фашизма, а в дальнейшем – и прочного политического единения славянских стран в послевоенное время¹⁴. Истории придавалось такое значение, что славяноведение на рубеже 30–40-х годов стало рассматриваться как часть исторической науки¹⁵ (другие славистические дисциплины тоже не были забыты, но они оставались как бы на втором плане).

В качестве составляющей исторической науки славяноведение было включено в круг борьбы за "очищение" науки от "вредных" влияний. Прежде всего это касалось "школы" М.Н. Покровского, в 1920-х – начале 1930-х годов оказывавшей большое воздействие на советскую историческую науку. Ставясь проводить твердую марксистско-ленинскую линию в области исторических исследований, Покровский проявил себя в своих научных работах и общественно-политических выступлениях, в частности, как противник монархизма, как проводник идей классовой интернациональной солидарности. Идеи славянского единства представлялись ему аналогичными "буржуазным" идеям объединения Италии и Германии; в 1920-е годы лозунг "славянской взаимности", по мнению Покровского, использовался врагами советской власти¹⁶.

Во второй половине 30-х годов стало совершенно ясно, что идеи, на которых строилась историческая концепция Покровского, больше не отвечают политическим потребностям властной верхушки усилившегося тоталитарного государства, нуждавшейся в пропаганде и поддержании культа сильной власти, могучего централизованного государства. Один из путей к достижению этой цели лежал через осознание массами национально-патриотических задач, что определило поворот (стимулированный не в последнюю очередь известными пар-

твенно-правительственными постановлениями и выступлениями руководителей страны) к переосмыслению истории (прежде всего -- отечественной, но также и славянской и всеобщей). В широкомасштабной критике учения М.П. Покровского приняли участие и славяноведы (А.А. Савич, М.В. Джервис и др.)¹⁷, обвинив главу исторической "школы", отрицавшего славяноведение, в застое "целой научной дисциплины"¹⁸. В основном справедливо указывая на недостатки работ Покровского в освещении истории славян, они сами зачастую к односторонне, с позиций ограниченного мировоззрения, подходили к оценке тех или иных событий истории славян.

Паряду с идеино-политическим и теоретико-методологическим нужно было и научно-организационное обеспечение исследований в области славистики. В 1939 г. был создан сектор славяноведения в Институте истории АН СССР, руководимый В.И. Пичетой (в его состав входили Ю.В. Готье, З. Неедлы, Х. Кабакчиев, А.А. Савич, Е.И. Кондрашова и др.). В Ленинградском отделении института была сформирована группа славяноведов во главе с Н.С. Державиным (в ней работали М.В. Джервис, У.А. Шустер, Л.В. Разумовская). Историки-слависты планировали пересмотр "старой историографии", борьбу с антиславянскими фашистскими теориями, создание очерков по истории каждой славянской страны, изучение важнейших моментов истории славян¹⁹, например, гуситских войн (что, несомненно, не только отвечало индивидуальным творческим интересам некоторых славистов, но и являлось откликом на ситуацию в Чехословакии после Мюнхенского соглашения). В целом, потребности политики и науки, перекрециваясь, ставили задачи широкого исследования славянских стран.

Обширная программа исследований требовала увеличения числа специалистов в области славянской истории. С этой целью на историческом факультете МГУ в 1939 г. была открыта первая в истории славистики специализированная кафедра истории южных и западных славян, которой руководил также В.И. Пичета.

В 1939 г. было признано необходимым интенсифицировать работы в области славянского языкоznания (в Институте языка и мышления и Институте языка и письменности АН СССР) и литературоведения (в Институте мировой литературы и Институте русской литературы АН СССР)²⁰. В это же время принимается постановление Комитета

по делам высшей школы при СНК СССР об усилении преподавания славянских языков на кафедре славяно-русского языкознания МИФЛИ²¹ и осуществляется издание первой части учебника А.М. Селищева по славянским языкам (остававшегося невостребованным в течение многих лет)²². СНК СССР дал задание языковедам на разработку темы о преодолении влияния полонизмов в украинском и белорусском языках²³, что было явно связано с политической конъюнктурой. Хотя "новое учение о языке" продолжало оставаться официально признанной теоретической основой советской лингвистики, отход от него уже наметился. В славянском языкознании также определился поворот от утверждения, в духе Марра, о существенных различиях в славянских языках к признанию их близости, поскольку актуальным стало подчеркивание единства и тесной связи славянских народов²⁴.

В области изучения славянских литератур было сделано гораздо меньше. Предполагалось создание секции славянских литератур в ИМЛИ, но единственным славянским подразделением в Институте оказался Кабинет славянских литератур, располагавший собранием книг и журналов на славянских языках. Филологи-слависты должны были включиться в подготовку славянских томов "Истории всемирной литературы", но осуществить этот проект не удалось. Зато на заседаниях Отделения литературы и языка АИ СССР в 1939–1940 гг. довольно часто обсуждались вопросы развития отечественной славистики (преимущественно – филологической ее части). Особенно остро стояла проблема подготовки молодых литературоведов и организации научного центра по изучению славянских литератур в Академии наук. Неоднократно поднимался и вопрос о создании специального Института славяноведения как учреждения комплексного характера, ведущего научно-исследовательскую работу и готовящего квалифицированные кадры славистов²⁵.

Большой вклад в развитие славяноведения в предвоенные годы внесли академические дискуссии о славянском этногенезе в связи с подготовкой многотомной "Истории СССР". Дискуссии не дали окончательного решения вопросов о происхождении, расселении, ранней истории славян: сказались сложность самой проблемы, влияние марксизма и другие факторы. Однако в ходе обсуждения, в котором приняли участие ведущие советские историки, этнографы, археологи, слависты, многие ученые пришли к мнению, что славяне были автохтон-

ным населением на занимаемых ими территориях и имели самобытную культуру и государственность (вместе с тем нередко отмечалась отсталость германских племен и их отрицательное воздействие на соседние народы). Задачи научной разработки проблем этногенеза приобретали особое значение благодаря не только научным потребностям, но и политическим установкам власти, ориентированной в то время на укрепление патриотического, национально-государственного самосознания народа (прежде всего – русского), а также в связи с необходимостью противопоставить фашистским теориям свою концепцию происхождения славян²⁶.

После долгого перерыва историки получили возможность вновь обратиться к теме славянской взаимности, хотя работы тех лет (А.И. Ковалевского, А.А. Михайлова и др.) были далеки от объективного освещения проблемы, демонстрируя традиционную точку зрения предыдущего периода. Но само появление подобных работ было положительным симптомом, свидетельствовавшим о разрешении обсуждать запретную ранее тему²⁷.

Одной из актуальных исследовательских задач советских историков была борьба с фашистской историографией, извращавшей историю славянских народов и славяно-германских отношений, оправдывавшей захват восточноевропейских государств. В сборнике статей "Против фашистской фальсификации истории" (1939) среди других помещены статьи Н.П. Грацианского "Немецкий Drang nach Osten в фашистской историографии", М.В. Джервиса и У.А. Шустера "Германо-фашистские тенденции в современной польской историографии". Но с момента заключения "пакта Риббентропа – Молотова" и до июня 1941 г. в научной печати наблюдается отход от открытого осуждения фашистской Германии и усиление критики в адрес Польши.

В достаточно широких научных планах историков-славистов, охватывавших изучение всех славянских стран в разные хронологические периоды, исследование древних славянских памятников, подготовку сборника статей по славяноведению, традиционно преобладала польская тематика, но разрабатывалась она специфически с учетом внешнеполитических установок. Демонстрируя политизированный подход к изучению истории Польши, Н.С. Державин, например, призывал советских историков занять "особую позицию", признав Польшу "жи-

вым трупом" и даже одобрав задним числом действия царского правительства в отношении ее, что десятилетием раньше было бы совершенно немыслимо²⁸. Антипольскую направленность имели статьи о присоединении Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР (И.П. Трайнина, В.И. Пичеты, Ю.В. Готье, З.Р. Неедлы и др.)²⁹. В подобных статьях неизменно отмечалось тяжелое положение украинского и белорусского народов под польским гнетом и превозносилась роль Красной Армии – освободительницы и защитницы этих народов. Такие выступления в научной печати вносили свою лепту в разработку и пропаганду обновленной славянской идеи, сами являясь в тоже время ответом на идеально-политический "заказ".

Дальнейшее, более активное внедрение идей славянского братства и взаимопомощи, потребовавшее актуализации разработок славяноведов, приходится на годы Отечественной войны. Это особый период развития славянской идеи и славяноведения, имеющий свою специфику. Рассмотрение его выходит за рамки данной статьи. Ограничимся лишь некоторыми сведениями. С самого начала войны ученые включились в подготовку брошюр антифашистской серии (Н.К. Гудзий, П.Г. Богатырев, С.Б. Бернштейн)³⁰, выступали с докладами (Н.С. Державин)³¹ и статьями (В.И. Пичета)³² о героическом прошлом славян, принимали участие в сборнике, посвященном борьбе славянских народов против германских агрессоров с древнейших времен до второй мировой войны³³. Этим же задачам была подчинена и перестройка вузовского преподавания, включавшая расширение разделов курсов о славянских народах и усиление языковой подготовки³⁴.

Рассматриваемый период на рубеже 30–40-х годов хронологически слишком невелик и пока не обеспечен достаточным количеством необходимых материалов, чтобы можно было детально проследить все линии связи между стратегическими направлениями государственной политики, эксплуатацией славянской идеи и оживлением славяноведческих исследований, однако определенная тенденция (которая получила дальнейшее развитие в военный и послевоенный периоды) вырисовывается достаточно ясно. До конца 30-х годов славянская идея и славистика признавались "вредными" и "чуждыми" советскому мировоззрению. Политическая потребность в оживлении и обновлении славянской идеи накануне и в начале второй мировой вой-

ны вдохнула жизнь в почти угасшую науку. В то же время славяноведение обеспечивало не только идеальное обоснование нового политического курса, но и давало необходимый фактический материал для наполнения конкретным содержанием славянского вопроса в его новой модификации. Однако следует иметь в виду, что при всем внимании к идее славянской взаимности (где ведущая роль отводилась Советскому Союзу), она все же занимала подчиненное место в идеально-политической и научной сферах, уступая центральные позиции национальной идеи, превалировавшей над общеславянской идеей как перед началом, так и во время войны, когда была сделана ставка на национальное самосознание и русский патриотизм. Вместе с тем необходимо помнить, что существовали и объективные потребности как развития межславянских отношений, так и научного изучения славянства. Тесное переплетение интересов науки, идеологии и политики, их взаимосвязь все же отнюдь не означают полного подчинения научной сферы политico-идеологическому давлению власти, поскольку нельзя исключить развитие славяноведения и по собственным внутренним законам, с учетом объективных возможностей и реальной расстановки научных сил.

Научные и научно-организационные изменения, произошедшие накануне войны в советском славяноведении не отличались масштабностью, однако имели очень большое значение, поскольку после долгого преследования науки открывали новый этап ее развития, давая соответствующее направление и задел будущим славистическим исследованиям, в том числе и посвященным изучению славянской идеи.

Примечания

1 *Дьяков В.А.* О некоторых аспектах развития славистики в 1918–1939 годах // Советское славяноведение. 1981. № 1; *Логачев К.И.* Советское славяноведение до середины 30-х годов // Там же. 1978. № 5. С. 95, 98; *Он же*. Славистика в Петроградском-Ленинградском университете в годы советской власти // Славянская филология: К X Международному съезду славистов. Межвузовский сборник. Л., 1988. Вып. 6; *Горяинов А.Н.* Цикл южных и западных славян МГУ (1927–1930) // 50 лет исторической славистики в Московском государствен-

ном университете. М., 1989; *Аллатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991. С. 86; *Робинсон М.А.* Перелом в довоенном советском славяноведении: Идеолого-теоретические аспекты // Идея славянской взаимности и ее роль в развитии истории славистики. Рим, 1994. С. 94.

² *Брачев В.С.* Укрощение строптивой, или как АН СССР учили послушанию // Вестник АН СССР. 1990. № 4; *Он же.* "Дело" академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5; *Горяинов А.Н.* Славяноведы – жертвы репрессий 1920–1940-х годов: Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение. 1990. № 2; *Он же.* Трактовка славянской взаимности и славяноведения советскими учеными (1920–1930-е годы) // Идея славянской взаимности... С. 85; *Робинсон М.А.* Указ. соч. С. 103.

³ Труды Института славяноведения. Л., 1932–1934. Т. 1–2.

⁴ *Державин Н.С.* От филологического формализма к марксистско-ленинской методологии: Задачи Института славяноведения АН СССР // Вестник АН СССР. 1931. № 10. Стлб. 42.

⁵ *Аксенова Е.П.* Из истории советской славистики в 1930-е годы // Советское славяноведение. 1991. № 5; *Она же.* "Изгнанное из стен Академии": Н. С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы // Советское славяноведение. 1990. № 5; *Горяинов А.Н.* Трактовка... С. 85–87.

⁶ *Белоусова З.С.* СССР в контексте международных отношений 30-х годов // Советская внешняя политика, 1917–1945 гг.: Поиски новых подходов. М., 1992. С. 137, 138, 141.

⁷ *Чернышев И.А.* Год кризиса, сентябрь 1938 – сентябрь 1939 года // Советская внешняя политика... С. 194–195, 197.

⁸ *Семиряга М.И.* Советско-германские отношения (сентябрь 1939 – июнь 1941 г.) // Советская внешняя политика... *Он же.* Тайны сталинской дипломатии, 1939–1941. М., 1992.

⁹ *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.

¹⁰ См.: *Селезнев К.* Южнославянские народы в революции 1848 г. // Борьба классов. 1936. № 10; *Миско М.* Революционный кризис в Польше в 1923 г. и тактика польской компартии // Историк-Марксист. 1932. № 6; *Он же.* Маркс и Энгельс о польском вопросе // Там же. 1933 г. № 2; *Абрамов З.* Польский социал-фашизм (ППС) во главе войны и интервенции белополяков против Советской республики в 1919–

- 1920 гг. // Борьба классов. 1932. № 5; *Франковская А.* Краковское вооруженное восстание // Там же. 1933. № 12.
- 11 *Павлов Т.* Борьба за диалектический материализм в Болгарии // Фронт науки и техники. 1936. № 7. (Подпись: П. Досев); *Милич М.* Борьба за диалектический материализм в Югославии // Там же.
- 12 Исторический журнал. 1941. № 9.
- 13 См.: *Аксенова Е.П.* Академическое славяноведение в предвоенный период: Документальные этюды из истории славяноведения в конце 1930-х – начале 1940-х годов // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX века. М., 1992. С. 7.
- 14 *Досталь М.Ю.* Славянский конгресс 1946 г. в Белграде // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994.
- 15 *Руколь Б.М.* Зденек Неедлы – исследователь истории славянских народов // Советское славяноведение: Материалы IV конференции историков-славистов. Минск, 1969; *Панкратова А.М.* Советская историческая наука за 25 лет и задачи историков в условиях великой отечественной войны // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М., 1942. С. 32, 39.
- 16 *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. I. С. 68. См. также: *Горяинов А.Н.* Трактовка... С. 83.
- 17 См.: Против исторической концепции М.Н. Покровского. М.; Л., 1939–1940. Ч. 1–2.
- 18 *Неедлы З.* К истории славяноведения до XVIII в. // Историк-марксист. 1941. № 2. С. 81.
- 19 Вестник АН СССР. 1939. № 4–5. Стлб. 177; *Пичета В.И.* Изучение истории славянства // Известия. 1939. 21 апр.
- 20 *Аксенова Е.П.* Академическое славяноведение... С. 3–11.
- 21 ЦМАМ. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 17. Л. 107; Д. 20. Л. 202, 206; Д. 21. Л. 18, 37, 52, 184; Д. 24. Л. 134; Д. 26. Л. 47, 145.
- 22 *Селищев А.М.* Славянское языкознание. Т. 1: Западнославянские языки. М., 1941. (Второй том автор не успел подготовить к печати). См. также: *Бернштейн С.Б.* А.М. Селищев – славист-балканист. М., 1987. С. 25.
- 23 *Аксенова Е.П.* Из истории советской славистики... С. 87.
- 24 *Алпатов В.М.* Указ. соч. С. 130.
- 25 *Аксенова Е.П.* Академическое славяноведение... С. 6–11, 13–14.

- 26 Аксенова Е.П., Васильев М.А. Проблемы этногенеза славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930–1940-х годов// Славяноведение. 1993. № 2; Ширельман В.А. Злоключения одной науки: Этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 58–59, 60–61.
- 27 Горяинов А.Н. Трактовка... С. 92.
- 28 ПФАРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1632. Л. 53–54.
- 29 Трайнин И.П. Национальное освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии // Вестник АН СССР. 1939. № 8–9; Пичета В.И. Западная Украина и Западная Белоруссия // Советская наука. 1939. № 12; Готье Ю.В. Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии // Исторический журнал. 1940. № 1; Нeedлы З.Р. Борьба буковинских украинцев за национальную независимость // Советская наука. 1940. № 10 и др.
- 30 ЦМАМ. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 31. Л. 3 об.–4; АРАН. Ф. 677. Оп. 6. Д. 153. Л. 51–53, 68.
- 31 Державин И.С. Фашизм и славянство // Вестник АН СССР. 1941. № 9–10.
- 32 Пичета В.И. Вековая борьба польского народа с немецкими захватчиками // Исторический журнал. 1941. № 9.
- 33 См.: Пичета В.И., Шустер У.А. Славяноведение в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. С. 234.
- 34 ЦМАМ. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 31. Л. 3 об., 10–10 об.

Список сокращений

АВПРИ	– Архив внешней политики Российской империи (Москва)
АРАН	– Архив Российской Академии наук
КДІАУ	– Київський державний історичний архів України (Київ)
ОПІІ ГІМ	– Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР и РК РНБ	– Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
ОР РГБ	– Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)

- НФАРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
- РГИА -- Российский государственный исторических архив (Санкт-Петербург)
- СПСБО – Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество
- ЦГАОРЛ – Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г.Ленинграда
- ЦМАМ -- Центральный муниципальный архив Москвы (Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Москвы)
- LAPNP – Literární archív Pamatník národního písemnictví (Praha)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И.И. Лещиловская.</i> Славянство в общественном сознании сербов в XVIII в.	5
<i>И.В. Чуркина.</i> Вопрос об общеславянском литературном языке (конец XVIII–XIX в.)	22
<i>В.П. Грачев.</i> Идея славянской взаимности в планах создания славяно-сербского государства на Балканах в начале XIX в. и отношение к ней правительства России	37
<i>И.С. Достоин.</i> Панславистские тенденции в русской общественной мысли начала XIX в.	48
<i>М.Ю. Досталь.</i> "Славянский вопрос" в мировоззрении графа С.С. Уварова	63
<i>В.Н. Греков.</i> "Славянская самобытность" и "выбор судьбы" в теории ранних славянофилов (к вопросу о выявлении архетипов)	78
<i>В.А. Дьяков.</i> Славянский федерализм в воззрениях М.А. Бакунина и М.П. Драгоманова	95
<i>Л.П. Лаптева.</i> Славянский вопрос в мировоззрении П.А. Кулаковского (по архивным материалам)	111
<i>З.С. Ненашева.</i> Проблема австрославизма в российском общественном мнении в последние два десятилетия XIX в... .	127
<i>А.Н. Горяинов.</i> "Славянская взаимность" в трактовке советской историографии 1920–1930-х годов	147
<i>Е.П. Аксенова.</i> Славянская идея и советское славяноведение перед второй мировой войной	160
<i>Список сокращений</i>	172

СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

Ответственный редактор Б.А. Дьяков

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе ИСБ РАН

Л.Р. № 020935
от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 17.02.98 г. Объем 11печ.л.
Тираж 300 экз. Зак.№ 62.
Цена договорная.

Типография ИПТК «Логос» .

